

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани: 8 903 839 65 94

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

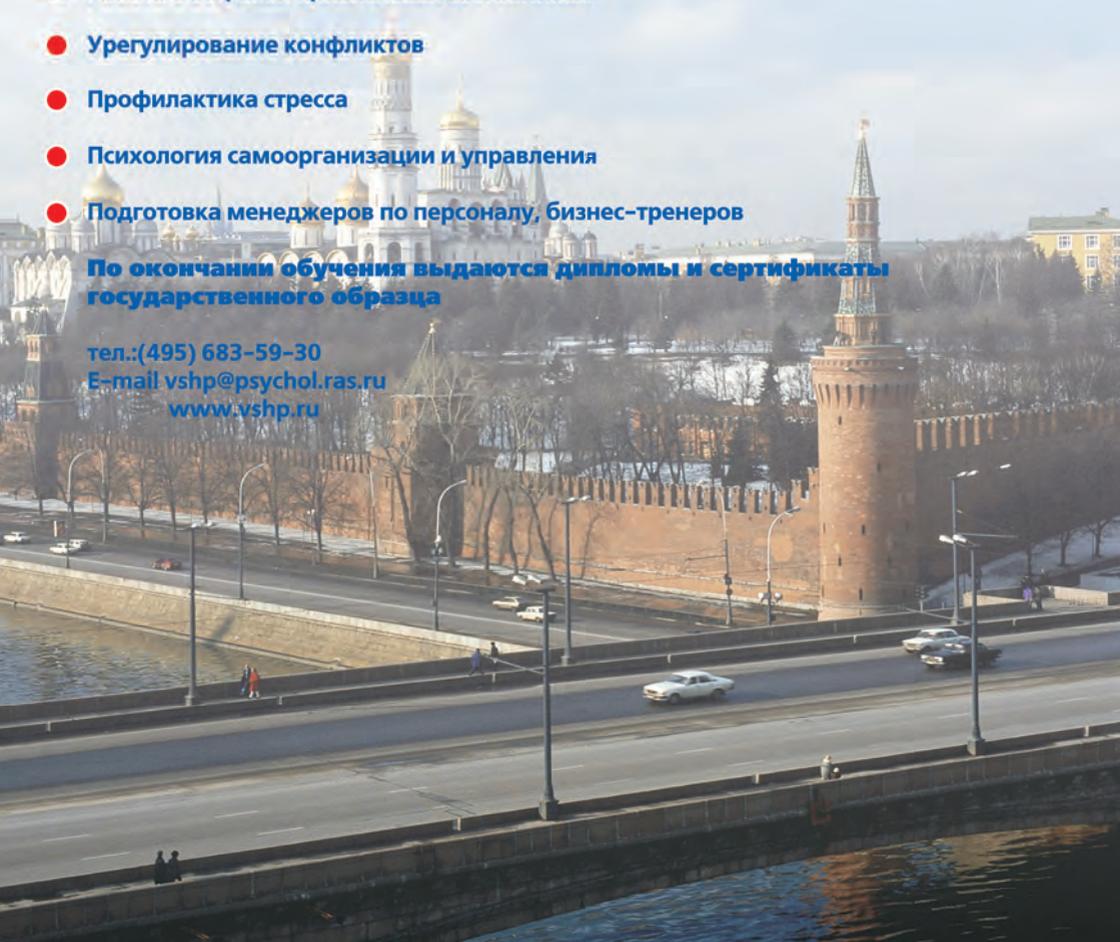
Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому
консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс-диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний
(в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров**

**По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты
государственного образца**

тел.:(495) 683-59-30
E-mail vshp@psychol.ras.ru
www.vshp.ru

ТЕМА НОМЕРА: агрессия и агрессивность

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент

Зам. главного редактора –

И. В. Блинникова,
кандидат психологических наук,
доцент

Зам. главного редактора –

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор

Ответственный секретарь –

Е. А. Щелкушкина

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

С. К. Бондырева,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. Я. Гришко,
доктор юридических наук,
профессор

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент

А. А. Крымов,
кандидат юридических наук,
доцент

М. И. Марьин,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук

Н. Н. Нечаев,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор

идеи

СОСТОЯНИЯ

варианты
агрессии

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Настоящий номер журнала в большей части посвящен седьмому научно-практическому семинару «Прикладная юридическая психология». Предметом его обсуждения стали актуальные проблемы открытой и скрытой агрессии как детерминанты различных форм преступного поведения. В частности, рассматривались причины и последствия агрессивного поведения, основные пути снижения агрессии, влияние косвенной агрессии на совершение преступлений, методы исследования агрессии, психологические особенности проявления открытой и скрытой агрессии, влияние агрессивного поведения сотрудников правоохранительных органов на развитие профессиональных качеств, психологические особенности криминальной агрессии, предупреждения агрессивного поведения у обучающихся.

Казалось бы, данная проблема для всех очевидна, но как выяснилось в процессе работы семинара по содержанию докладов ведущих отечественных и зарубежных ученых — это утверждение довольно противоречиво. Агрессивность может стать причиной преступления в каких-то случаях, но вопрос о том, насколько высок процент таких преступлений, как показывает практика, остается не исследованным. В связи с этим предлагаем читателям присоединиться к нашей дискуссии.

*Главный редактор,
доктор психологических наук
Д. В. Сочивко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**материалы 7-го
научно-практического
семинара
«Прикладная
юридическая
психология»**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**в помощь
руководителю**

**в помощь
исследователю-
практику**

**юридическая
психология и религия**

dura lex sed lex

Преступление и наказание от

до **71** Словарь
по пенитенциарной
психологии

Уже в продаже

Готовится второе издание,
существенно исправленное
и дополненное

По вопросам покупки обращайтесь по телефону: 8 910 635-71-55

Методология и теория юридической психологии	
Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема. Журавлев А. Л., Соснин В. А.	8
Структура имиджа России во французских печатных СМИ. Пашукова Т. И., Ухлинова Н. С.	24
Антикриминальная устойчивость личности: структурно-содержательный аспект. Пастушеня А. Н.	31
Внешние и внутренние условия формирования группового правосознания осужденных. Сучкова Е. Л.	40
Материалы 7-го научно-практического семинара «Прикладная юридическая психология»	
Развитие открытой, скрытой агрессии и совершение подростками правонарушений. Дозорцева Е. Г., Ошевский Д. С.	48
Исследование атрибуции агрессии по мимике с помощью компьютерной методики РЭМ. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.	55
Проблема взаимодействия полиции и массовых групповых образований: роль психологических установок представителей полицейских структур в понимании массовых процессов и возникновении массового конфликта. Соснин В. А.	64
Факторы, обуславливающие трансформацию внутренней агрессии субъекта маргинального поведения во внешнюю агрессию преступления. Ромашов Р. А.	71
Прикладные и экспериментальные исследования	
Результаты экспериментального исследования индивидов, составляющих контркультуры в организациях. Мальшев В. А., Карпов А. В.	75
Деструктивное общение подростков: особенности и возможности коррекции. Мингазова Д. В.	85
Неблагополучная семья — криминогенный фактор детской и подростковой преступности. Соколов И. С.	94
Психопрактики	
Особенности автобиографической памяти ВИЧ-инфицированных осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях строгого режима. Соколов Н. Г., Михайлов А. Н.	101
В помощь руководителю	
Некоторые проблемы подачи ходатайств лицами, отбывающими наказания, о приведении в соответствие приговора суда положениям нового закона. Обернихина О. В.	108
Опыт США в области общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов. Реент Я. Ю.	113
В помощь исследователю-практику	
Влияние межполушарных взаимодействий на формирование пространственных представлений и эмоциональную сферу подростков. Александрова Н. П., Богданов Е. Н.	118

Юридическая психология и религия

Гуманитарная и естественнонаучная деятельность представителей Русской православной церкви в XIX — начале XXI века (историко-психологический аспект).
Шафажинская Н. Е.

125

Dura lex sed lex

Отношение к правоохранительным органам и их деятельности (на примере Республики Беларусь). **Стуканов В. Г.**

138

ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ В РОССИИ КАК СОЦИОПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

А. Л. Журавлев, В. А. Соснин

Аннотация: рассмотрен феномен коррупции в России как проблема макропсихологии. Показана связь коррупции в России с глобальными тенденциями развития цивилизации. Коррупция в России — это не только социальная, экономическая, социально-психологическая, но и духовно-цивилизационная проблема. Рассмотрены социально-экономические основания и последствия коррупции в современной России. Обозначена возможность противодействия коррупции с позиции ценностных ориентиров России.

Ключевые слова: коррупция, идеология, макропсихология, безопасность, религия, социальная идентичность, конфискация.

Summary: *phenomenon of corruption in Russia as a problem of macro psychology is considered. The connection of corruption in Russia with global tendencies of civilization development is showed. It is showed that phenomenon of corruption in Russia is not only a social, economic or social-psychological problem but a spiritual-civilization problem. Social-economic basis of corruption in contemporary Russia is discussed in connection with social-psychological problems. The possibility of counteraction of corruption from social-cultural positions of our country is marked. The problems of confiscation for corruptors are discussed.*

Keywords: *corruption, macro psychology, ideology, safety, social identity, death sentence, confiscation.*

Введение

В современной российской общественно-научной литературе проблема коррупции получила свое освещение в работах С.П. Глинкиной, А.Л. Журавлева, А.В. Юревича, Т.А. Нестика, Ю.В. Латова и др. [6; 11; 20; 21]. Коррупция как комплексный феномен — это взаимодействие, включающее, по крайней мере, три субъекта процесса: «На макросоциологическом уровне эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок — госчиновником, предпринимателем и фигурой незримого Другого (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности» [20, с. 82]. Однако анализ проблематики коррупции можно проводить и с иных позиций: «Большинство предложенных объяснений коррупции являются политическими или экономическими, культурные же факторы коррупционного поведения изучены мало и редко принимаются во внимание» [20, с. 7].

Мы рассматриваем проблему коррупции в России с позиции макропсихологического подхода¹, то есть обознача-

¹ Макропсихология (макропсихологический подход) — относительно новая область психологической науки, особенно в аспекте социально-психологической проблематики. К сфере ее анализа относится ряд базовых явлений общества: социально-политическое и духовно-нравственное состояние общества (и его консолидация), его социальное самочувствие, базовые проблемы, связан-

ем ряд социально-политических, экономических и духовно-культурных проблем развития страны, которые как базовые факторы являются основой сохранения безопасности государства, определяют политику страны и, естественно, имеют связь с темой коррупции в нашем государстве, в том числе в социально-психологическом аспекте.

Понятие коррупции

Коррупция (от лат. *corrumpere* — растлевать, *corruptio* — подкуп, порча) — термин, означающий использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему государством прав в целях личной выгоды, противоречащих законодательству и моральным установкам. В народе коррупцией называют также подкуп должностных лиц и их продажность (надзорных служб, таможенников, администраторов всех уровней, преподавателей и т. д.). Характерными чертами коррупции является конфликт между действиями должностного лица и интересами его работодателя (государства) либо конфликт между действиями выборного лица и интересами общества в целом.

Конкретные виды коррупции подобны мошенничеству, совершаемому должностным лицом, и близки категории преступлений против государственной

ные с безопасностью страны (например, проблема коррупции, наркомании и ряд других). Если традиционными объектами психологического исследования являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы, макropsychология изучает психологические явления, релевантные обществу в целом. Относительная новизна этой области определяется, помимо прочего, тем, что труды основателей социальной психологии и психологической науки (Ле-Бон, Тард, Вундт и др.) были связаны именно с макropsychологическими проблемами [19].

власти. Коррупции может быть подвержено любое должностное лицо, обладающее реальными властными полномочиями над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению. К таким лицам относятся чиновники, депутаты, судьи, сотрудники правоохранительных органов, экзаменаторы, врачи и т. п. Главный стимул коррупции — возможность получения незаконной прибыли с использованием своих властных полномочий. Основной сдерживающий коррупцию фактор — риск разоблачения и уголовного наказания. Коррупция представляет значительное препятствие экономическому росту и развитию государства, способна поставить под угрозу любые преобразования в стране. В ряде стран мира коррупция расценивается как уголовно наказуемое деяние, в частности, предусматривающее высшую меру наказания — смертную казнь.

Проблема коррупции в России: социополитическая, экономическая и социально-психологическая проблематика

О проблеме коррупции в России сейчас много говорят и властные структуры, и СМИ. Нет смысла приводить многочисленные разоблачительные публикации и обсуждения в СМИ по поводу коррупционных скандалов в стране. Это раскрытые преступления в оборонной, сельскохозяйственной, научной, спортивной и других сферах. У населения в связи с этим возникает ряд оправданных вопросов к властным структурам: кто несет за это ответственность? Ведь все выявленные коррупционеры были назначены на государственные посты с санкции вышестоящих органов власти,

а задача власти — контроль и борьба с преступностью.

В нашей стране проблема коррупции содержательно и объективно имеет следующие причины:

1) в России изменился социополитический строй: создан капиталистический режим свободного рынка;

2) властным структурам государства объективно трудно выступать против коррумпированных олигархических объединений бизнеса, поскольку они сами создали этот режим (и как показывают исследования, многие из них участвуют в коррумпированных схемах на различных уровнях);

3) олигархический бизнес в широком смысле в связке с властными структурами создал законы, способствующие свободе коррупции.

В этом отношении можно сослаться с выводами исследований, проведенных А.Л. Журавлевым и А.В. Юревичем [11]:

- борьба с коррупцией подменяется борьбой различных групп коррупционеров друг с другом;

- происходит саботаж и блокирование борьбы с коррупцией, исходя из «идеологических» соображений интересов коррупционных групп бизнеса;

- анализ преступной идеологии в «борьбе с коррупцией» блокируется отечественными либералами.

В сложившейся ситуации важен анализ связи проблемы коррупции с социально-экономическими параметрами развития страны как базовыми основами дисфункциональности проведения социально-экономической политики властными структурами, с законодательно-правовыми и социально-психологическими аспектами проблемы. Эти базовые параметры, по-

видимому, нельзя оставлять в стороне даже при исследовании социально-психологических аспектов.

Необходимы образовательные программы, нацеленные на изменение отношения населения к проблеме коррупции с нейтрально-снисходительного на отрицательное, проведение политики массовых пропагандистских кампаний в СМИ. Следует задуматься о функциях психологической науки в борьбе с коррупцией при формировании отношения населения к проблеме. Можно приветствовать и внедрение в практику противодействия коррупции методов профессиональной оценки людей на основе полиграфа [11].

Однако в целом проблему коррупции нельзя отрывать от анализа коррупционных связей во взаимоотношениях власти и бизнеса при проведении социально-экономической политики властными структурами и соответствующих правовых аспектов. Естественно, выявление таких базовых связей — сложная задача для социальных психологов.

Направления научного подхода к борьбе с коррупцией можно обозначить следующим образом:

1. Необходимость выявления социально-психологической проблематики коррупции как системного феномена в связи с неэффективностью функционирования экономики, политической и законодательной системы государства (как меры его институциональной и социальной неэффективности), вызывающей социально-психологические последствия, которые изучает психологическая наука.

2. Определение коррупционных стратегий во взаимоотношениях вла-

сти и бизнеса в зависимости от разной ориентации власти при проведении социально-экономической политики (инерционная политика, политика компромисса, социальная поддержка наименее обеспеченных слоев населения, «мобилизация» и «модернизация» [13]). Анализ социально-психологических последствий отношения населения к коррупции.

3. Выявление социально-психологических последствий коррупции в связи с противоречивыми тенденциями политики властных структур России в настоящее время и способов их разрешения.

4. Определение действий в юридическо-правовой сфере.

Во взаимоотношениях власти и бизнеса в экономической сфере существует ряд схем коррупционных отношений [13]:

- *«захват государства»* — корпоративные и индивидуальные стратегии поведения бизнеса, направленные на установление теневого контроля за принятием решений на высших уровнях власти;

- *«захват бизнеса»* — совокупность стратегий и тактик власти, с помощью которых власть в лице ее представителей или организаций стремится обеспечить себе теневой контроль над бизнесом с целью коллективного и/или индивидуального извлечения государственной или личной выгоды.

Кроме того, в рамках этих базовых коррупционных стратегий существует ряд промежуточных стратегий:

- *низовая коррупция* — масса мелких взяток, которая образует значительный поток платежей, перераспределяющий доходы бедных и средних групп населения в рамках сложившейся системы

отношений в пользу коррумпированных чиновников;

- *административная коррупция* — намеренное внесение искажений в процесс предписанного исполнения существующих законов, правил и регулирующих положений с целью предоставления преимуществ как государственным, так и негосударственным лицам в результате незаконного и непрозрачного обеспечения личных выгод государственным чиновникам;

- *верхушечная административная коррупция* — коррупция, охватывающая деятельность среднего и крупного бизнеса и сферу государственных инвестиций.

Естественно, все эти коррупционные стратегии, как правильно утверждает И.И. Исправникова, существуют в рамках проведения соответствующей политики власти (которая весьма противоречива и включает плохо согласующиеся тенденции).

В качестве примеров она приводит ряд социально-психологических последствий, возникающих при проведении этой политики. Так, стратегия «институционального компромисса» — власть и бизнес не противодействуют введению новой нормы закона, но проводят его деформализацию. Когда власть не вписывается в законодательные рамки, она часто вынуждена в интересах выполнения своих функций предьявлять бизнесу требования, которые не могут быть оформлены в виде нормативных актов (например, незаконные просьбы и поборы, обращенные к бизнесу, касающиеся материальных инвестиций). Какие коррупционные последствия возникают от таких отношений? Интерес бизнеса к достижению компромисса с властью име-

ет двоякий характер: с одной стороны, развитие бизнеса, с другой — преодоление препятствий, связанных с несовершенными законами, поэтому в таких отношениях, как показывают исследования, существуют два вида коррупции: «захват государства» и/или «захват бизнеса».

Другой пример, который приводит И.И. Исправникова, — проведение политики «социального государства» — наращивание государственных расходов в социальном секторе, поддержка наименее обеспеченных слоев населения. Однако в настоящее время, как утверждают специалисты, социально-экономическая система страны не в состоянии обеспечить финансовую базу для соблюдения конституционных прав граждан на бесплатное качественное здравоохранение, образование, развитие науки и доступное жилье, финансирование спорта, культурного досуга и т. д. В связи с этим возникают широкие возможности для коррупционных стратегий в этих сферах. Показательна социальная политика государства в здравоохранении с наиболее яркие примеры коррупции в этой области.

Такие же коррупционные возможности возникают и при проведении политики «мобилизации», «модернизации» в условиях современной России [13].

Объективные параметры коррупции связаны с социально-экономической политикой государства, поэтому перед социальными психологами встает и методологический, и практический вопрос: как эти объективные параметры учесть и совместить в исследованиях феномена коррупции?

Системно проблему коррупции как научную и практическую можно рассма-

тривать со следующих позиций:

- законодательно-правовой;
- анализа социальных институтов общества;
- уровневого подхода: личность, группа, общество;
- социально-психологического подхода;
- социокультурного подхода.

Однако в реальном анализе проблемы коррупции эти позиции можно разделять аналитически и только условно — в анализе участвуют все компоненты и составляющие коррупции. «Когда вся страна погружена в коррупцию, не может оставаться незапятнанной какая-то часть общества. Мы имеем коррупционный спорт, коррумпирована вся медицина, естественно, коррумпированы и все литературные проекты...» [4, с. 6]. Естественно, многие социальные институты государства: Министерство обороны РФ, Государственная Дума РФ, юридическая система, правоохранительные органы и другие государственные структуры — являются объектами анализа.

Рассмотрим ситуацию с позиции юриспруденции.

Проблема коррупции в стране в современных условиях: правовая перспектива

Эта проблема непосредственно связана с вопросом безопасности государства. Указанная проблематика для социальных психологов «пограничная».

Рассмотрим вопрос в историческом плане: как другие государства решали эту проблему? Во всех государствах проблема коррупции в принципе решалась однозначно: проводилась, по меньшей мере, конфискация имущества коррупционеров в пользу государства (во

многих случаях — применение смертной казни).

Обратимся к современной истории.

Опыт СССР. Коррупционер, «удержавший» от государства порядка 100 тыс. рублей, по законам страны подвергался смертной казни и конфискации имущества. В результате в СССР уровень коррупции был ниже, чем в современной России. Противники конфискации имущества коррупционеров утверждают: это отживающий и махровый тоталитаризм; нужно проявлять гуманное отношение к людям, наша современная судебная система не совершенна, поэтому возможны несправедливые приговоры.

Конечно, современная судебная система России крайне несовершенна. Однако в истории всех правоохранительных и судебных структур такая проблема решалась, а отказа от наказания преступников ни одно государство в принципе не допускало.

Опыт зарубежных стран.

США. Во многих штатах этой страны конфискация имущества коррупционеров входит в законодательную практику.

Страны Юго-Восточной Азии (включая Китай). Во всех странах этого региона конфискация имущества коррупционеров и даже их смертная казнь входит в законодательную практику. И уровень коррупции в этих странах — один из самых низких в мире.

Европа. Современная Западная Европа отказалась и от конфискации имущества коррупционеров и от смертной казни.

Социальные психологи не могут давать рекомендаций для введения конфискации имущества коррупционеров в законодательную практику. Они могут только ставить этот вопрос для обсу-

ждения в обществе.

Приведем ряд статистических данных.

Россия заняла 154-е место в мировом индексе восприятия коррупции (ИВК). Рейтинг, включающий 178 стран, был составлен международной организацией Transparency International. Доклад о ситуации с коррупцией в мире публикуется ежегодно с 1995 г. Индекс измеряет уровень коррупции в государственном секторе страны и основывается на данных опросов, проведенных среди экспертов и в деловых кругах той или иной страны. Этот индекс является самым распространенным международным критерием оценки коррупции. По сравнению с прошлым годом Россия (146-е место) опустилась на 8 позиций. По оценке Transparency International, ухудшению российских показателей способствовало отсутствие надлежащего контроля за доходами высокопоставленных чиновников, «дело Магнитского», коррупционные скандалы, в частности, дело компании Daimler. Странами с более низким уровнем коррупции, чем в России, названы такие государства, как Иран, Зимбабве и Мексика. Тройку аутсайдеров, согласно этому докладу, представляют Ирак, Афганистан и Сомали. Наименее коррумпированными странами мира признаны Дания, Новая Зеландия и Сингапур, они возглавляют список; 4–5-е места занимают Финляндия и Швеция; на 6-м — Канада, на 7-м — Нидерланды; далее идут Австралия, Швейцария и Норвегия. Средний размер взятки в России с конца 1990-х к концу 2000-х годов возрос в 13 раз, достигнув 130 тыс. долларов. Средний масштаб «откатов» в начале 2000-х годов составлял 5–10 % от стоимости за-

каза, в середине 2000-х — 30 %, в конце 2000-х — до 70 %, а в 2011 г., по данным МВД РФ, в нашей стране было совершено 28 млн коррупционных актов. При этом в современной России не только возрастают масштабы коррупционной деятельности, но и расширяется ее «объект» [11].

Рассмотрим проблему коррупции с позиции анализа функционирования социальных институтов общества.

Проблема ответственности и законных наказаний для лиц, находящихся на государственной службе

В настоящее время отказ от конфискации имущества коррупционеров в России свидетельствует о стремлении к так называемой толерантности в соответствии с «западным цивилизованным миром», как утверждают многие аналитики. Однако при этом нет ответа на простой вопрос: почему в ряде стран, к которым апеллируют противники введения конфискации имущества коррупционеров в России, сохраняется эта правовая норма? Коррупция разъедает Россию. Это признают и руководители страны, они говорят в этой связи, что проблема коррупции напрямую связана с проблемой безопасности государства. Эта проблема требует своего обсуждения в обществе. Приведем ряд социально-экономических, правовых и социально-психологических проблем как примеры дисфункции применения законов в этой сфере.

Проблема миграции. В современной России нет законов о жестком уголовном наказании руководителей, использующих противоправно нелегальных мигрантов из бывших советских республик.

В России вообще нет какой-то вразумительной политики контроля миграционных потоков в страну [28, с. 227–254].

Необходимо вводить информационно-компьютерную систему единого учета пребывания мигрантов в стране. Правоохранительные структуры «задыхаются» от отсутствия действенных законов в борьбе с нелегальной миграцией. По-видимому, в этой связи оправданно вводить визовую систему въезда граждан из бывших республик СССР в Россию. Эта очень сложная и затратная система, имеющая политические составляющие, в настоящее время необходима (Президент РФ в своем послании Федеральному Собранию 2013 г. отметил это положение).

Проблема ЖКХ. Ее решение требует введения единых законодательных нормативов оплаты коммунальных услуг (с дифференциацией по типам жилья в регионах и с коррекцией на инфляцию) и ознакомления с ними населения, чтобы люди понимали, за что они платят. Но главное — введение жестких уголовных наказаний для руководителей управляющих компаний за преступления в этой сфере.

Президент страны решил разобраться с этой проблемой содержательно. Фактически он согласился с тем, что управляющие компании в сфере ЖКХ являются «неуправляемыми субъектами процесса». Однако во время совещания Президента РФ по проблеме ЖКХ с советниками (Э. Набибулиной, Н. Смоляевым) было заявлено, что цены на услуги ЖКХ кое-где выросли более чем втрое, но в целом, по их мнению, «ситуация не критическая». Эту проблему можно решить более эффективно, обращаясь к опыту СССР: создать государственную

корпорацию по услугам ЖКХ, доходы от деятельности которой будут идти не «в карман» управляющих компаний, а государству. Понятно, что современные коррупционные схемы в ЖКХ — это питательная почва для наших коррупционеров (в том числе для госслужащих) в получении многомиллионных нелегальных доходов. И «законодательно ломать» эти прибыльные преступные схемы никто не хочет.

Особая проблема — преступления сотрудников государственных служб. Это Армия, ФСБ, МВД, прокуратура, суды и служащие государственных структур. Это базовые институты государства, которые сохраняют страну как субъект исторического процесса. И преступления сотрудников этих государственных структур наносят особый ущерб нормальному функционированию страны и создают особую социальную напряженность в общественном сознании населения. Для таких преступлений необходимо вводить особое законодательство, более жесткое, чем за преступления в других сферах социальной жизни:

- более суровые уголовные наказания (сотрудник структур госслужбы и безопасности государства обязан подчиняться более суровым ограничениям в своей профессиональной жизни и поведении, а в случае нарушений должен нести более суровое наказание);

- безусловный запрет участия в последующей службе в государственных структурах преступившим закон;

- рассмотрение вопроса о возможности конфискации имущества для таких преступлений.

В современной России обсуждение этой проблематики на законодательном

уровне фактически находится в «зачаточном состоянии».

В связи с этим сошлемся на работу отечественного психолога М. Решетникова, который провел историко-психологический анализ мер и способов борьбы с коррупцией в Российском государстве с XVI по XX век [23]. Им рассмотрены экономические и социальные факторы, способствующие коррупции с позиций социально-культурного архетипа российской цивилизации: определен подход к проблеме коррупции госслужащих в западных странах: «Законодательство о государственной службе в развитых демократических странах содержит ряд предельно конкретных законов, ограничений и предписаний. Но как отмечают законодатели, эти меры становятся эффективными только при условии их строгого исполнения и постоянного внутреннего (со стороны самих чиновников) контроля... Например, в соответствии с декретом Президента США от 17 октября 1990 года были введены в действие обязательные для всех чиновников исполнительной власти США общие принципы этического поведения членов правительства и госслужащих, включающие строгую регламентацию множества юридических и моральных норм поведения, обязательных как для чиновников высшего ранга, так и для рядовых госслужащих» [23, с. 92–93].

«Принятие законов о государственной службе... а также жестких мер и ограничений для всех властных персоналий..., для высших должностных лиц не должно быть в их же сфере компетенции» [23, с. 98–99]. В западных странах этот принцип жестко соблюдается. М. Решетников утверждает: «У нас также есть подобные законодательные акты,

например, Указ Президента РФ № 227 «О представлении лицами, занимающими государственные должности государственной службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе» от 4 марта 1998 г. Вопрос в том — как он выполняется?» [23, с. 100].

Представленные соображения важны для создания положительной социально-психологической атмосферы в стране, в конечном счете для поддержки населением действий властных структур государства.

Дискуссия в российском обществе о том, что более жесткие законодательные меры по отношению к коррупционерам будут непродуктивны и могут пострадать невинные, — это особый предмет полемики сторонников и противников введения жестких мер в стране. Основной принцип решения этой полемики, как представляется, состоит в том, что необходимо совершенствовать контроль государства за исполнением законов и больше заботиться не о благополучии преступников, а о благополучии нормальных граждан страны и безопасности государства.

Теперь рассмотрим проблему коррупции в России с позиции социокультурного подхода.

Коррупция в России: социокультурная проблематика

Одним из важных культурных факторов отношения к коррупции является иерархичность преобладающей в стране религии. «При помощи статистических методов ряду исследователей удалось установить связь между иерархичностью преобладающей в стране религии и уровнем коррупции. Анализ 33 стран,

при котором контролировались прочие характеристики, показал, что страны с высокоиерархическими религиозными системами (католичество, православие, ислам) более подвержены коррупции, чем страны с менее иерархическими религиями (протестантизм)» [20, с. 85]. Эти результаты были подтверждены в последующих исследованиях на выборке из 114 государств [34, р. 337; 35, р. 251–252].

Современный мир, как утверждают многие аналитики, находится в состоянии «бифуркации»: «...человечество находится в транзитном состоянии, не имея четкого видения своего будущего; не сформированы целевые установки развития, философия и смысл жизни, система духовно-нравственных ценностей» [25, с. 5]. Это приводит, по крайней мере, к столкновению двух цивилизационных парадигм мироустройства — западной индивидуалистической цивилизации и коллективистических культур, к которым принадлежит Россия.

Запад — это ориентация человека на конкуренцию, достижение личных выгод, использование всех возможностей для личного материального успеха, включая использование коррупционных схем.

Восток — это регион приоритета целого, то есть группы над индивидом, социальной справедливости, коллективной взаимопомощи, милосердия.

Это идеальные тенденции, культурный архетип поведения представителей двух цивилизационных парадигм существования. Реальная жизнь представителей этих цивилизационных общностей, конечно, богаче всяких схем. И в реальной жизни все они могут вести себя по-разному, в том числе совершать преступления и осуществлять коррупци-

онные действия. Таковы культурные тенденции, которые нельзя игнорировать. И возникает вопрос: как эти социокультурные тенденции отражаются на отношении людей к проблеме коррупции в этих сообществах?

Наша цивилизация — коллективистическая. И попытки ее слома и «встраивания» в цивилизацию запада создают для народа экзистенциальный конфликт, которому он как социокультурная общность всегда сопротивлялся. Это справедливо и для психологической целостности народа в период нашествия татар, и для традиционной культуры России, и для периода нашего социалистического строительства [5; 24; 27].

В культуре России коррупция — это грех, осуждаемый народом, но заложенный в его культурный архетип. В реальной жизни русского человека меркантильные интересы могут превалировать над духовными. Но главное в психологии нашего народа — это базовая ориентация жить в соответствии с ценностями православия, даже у неверующих. Это заложено в культурном архетипе, который простым человеком не осознается. Он «социализирован» в традиционной культуре своего отечества, то есть вырос в этой культуре и ведет себя в соответствии с ценностями своей культуры. Ценности меркантильного устройства жизни Запада, которые в России последних двух десятилетий приобретают значение главных ориентиров жизни и развития страны, с трудом могут прижиться на нашей культурной почве, хотя молодое поколение страны позитивно реагирует на преобладание материальных ориентаций над духовными, о чем свидетельствуют исследования [32]. Это неизбежно приводит к большей терпимости

к коррупции. Если все в жизни основано только на материальных ценностях, русский человек теряет ориентиры своего поведения. Утрачивается архетип традиционного поведения — подчинение иерархии власти — как доминирующий принцип поведения.

Запад стремится любыми способами навязать нам (информационно-оперативными, дипломатическими и экономическими средствами) свои ценности как универсальный образец мироустройства. Если разрушается социокультурный архетип поведения, ведущим в повседневной жизни рядового человека становится другой — все дозволено, свобода понимается как вседозволенность. К тому же есть хорошие примеры для рядового человека нашего общества — ориентировать свое поведение на подражание поведению представителей властных структур (это тоже заложено в психологию русского человека). Раз власти на всех уровнях ведут себя определенным образом, почему я не могу вести себя так же? Тем более что я обездоленный.

Можно с осторожностью говорить о двух подходах как предположительных вариантах решения проблемы.

Первый вариант — возврат к духовно-историческим ценностям своего отечества и социально-политическому устройству страны на основе базовых ценностей исторической России, то есть с минимальной коррекцией создание социально-политической системы, отражающей традиции цивилизационного архетипа России.

«...Геополитический анализ истории России с неизбежностью ведется вокруг линии «Запад — Восток» с концентрацией внимания на проблеме ее культурно-

цивилизационной самобытности, которая и определяет дальнейшие исторические перспективы нашего государства» [2, с. 56–67]. Анализ воззрений отечественных мыслителей на русскую геополитическую традицию, ее культурно-цивилизационное направление (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский и др.) однозначно показывает следующее. Они рассматривают Россию как особый культурно-исторический тип цивилизации, как особый социокультурный мир. И главной опасностью для России они считают отрыв от своих национальных истоков [2, с. 58–59], а духовно-идеологической опасностью для страны — концепцию космополитизма.

Второй, связанный с первым вариантом, — создание эффективной судебной правовой системы, включая обсуждение в обществе конфискации имущества коррупционеров. Представители высших властных структур государства начинают высказываться в пользу законодательного закрепления этих положений.

В рамках правительственного часа в Госдуме (2012) руководитель следственного комитета страны А.И. Бастрыкин привел статистику: за прошлый год выявлено почти 50 тыс. коррупционных преступлений, и это лишь надводная часть айсберга. Он также предложил вернуть в Уголовный кодекс меру наказания за экономические преступления — конфискацию имущества. Это как минимум, по его мнению, вернет в бюджет часть потерь. На расширенном заседании коллегии Следственного комитета, где подводились итоги работы за 2012 г., А.И. Бастрыкин заявил, что в России необходимо создать финансо-

вую полицию для более эффективного расследования экономических преступлений [3].

Глава МВД России В. Колокольцев также высказался положительно о желательности и возможности введения смертной казни в стране: «Боюсь навлечь на себя гнев противников смертной казни, но не как министр, а как простой гражданин я не видел бы ничего предосудительного для подобного рода преступников» [8; 14].

Россия подписала международные документы о борьбе с коррупцией. Однако фактически она не выполняет этих соглашений в главном — в законодательном закреплении положения о конфискации имущества коррупционеров. В международных законодательных актах по борьбе с коррупцией существует ряд базовых позиций.

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC) была принята Генеральной Ассамблеей ООН [15]. Конвенция представляет собой многосторонний международно-правовой документ, вскрывающий природу коррупции, предлагающий разнообразные меры борьбы с этим злом. Конвенция была призвана усилить антикоррупционное сотрудничество на международном уровне. В Конвенции делается акцент на то, что коррупция подрывает экономическое развитие общества, ослабляет демократию, борьбу с организованной преступностью, терроризмом и другими угрозами всеобщей безопасности.

Для подписания Конвенции 9 декабря 2003 г. была открыта в Мериде (Мексика) политическая конференция. Конвенцию подписали около 100 государств. День начала конференции объявлен Международным днем борь-

бы с коррупцией. С целью координации усилий государств-участников Конвенция учредила специально действующую Конференцию. Секретарское обслуживание Конференции обеспечивает Генеральный секретарь ООН через Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН).

Россия, в числе первых подписавшая Конвенцию 9 декабря 2003 г., ратифицировала ее в 2006 г. (третьей среди стран Большой Восьмерки). Российскую делегацию на конференции возглавлял заместитель министра иностранных дел А.Ю. Мешков. В своем выступлении на конференции он, в частности, отметил, что «Россия ведет с коррупцией бескомпромиссную борьбу и готова к конструктивному взаимодействию на антикоррупционном фронте со всеми государствами и соответствующими международными организациями». Он также сообщил, что «Решением Президента Российской Федерации В.В. Путина в ноябре 2003 г. образован совет при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией, основной задачей которого является определение приоритетных направлений государственной политики в сфере противодействия коррупции» [15].

Существует мнение, что Российская Федерация не ратифицировала ст. 20 Конвенции («Незаконное обогащение», то есть конфискация имущества). Данная статья предусматривает признание уголовно наказуемым деянием незаконное обогащение государственных служащих. В частности, в ст. 20 Конвенции говорится: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия та-

ких законодательных и других мер, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающих его законные доходы, которые оно не может разумным образом обосновать» [15].

Однако в Федеральном законе от 8 марта 2006 г. № 40 «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» нет оговорки, исключаящей данную статью. Иными словами, ст. 20, как и другие статьи Конвенции, Российской Федерацией формально ратифицирована и вступила в законную силу, но на практике наша страна положения этой статьи не выполняет.

Существует также точка зрения о допустимом терпимом отношении к коррупции. Согласно этому аргументу, в истории развития многих стран — Индонезии, Таиланда, Южной Кореи, Сингапура, Швеции и некоторых др. — были периоды, когда экономика и коррупция росли одновременно. Исходя из другого аргумента, взяточничество есть лишь реализация рыночных принципов в деятельности государственных и муниципальных структур. Таким образом, терпимое отношение к коррупции допустимо в условиях экономического бума либо пока она не затрагивает эффективности рынка в целом. Критики этой точки зрения возражают, что страны с высоким уровнем коррупции после периода роста рискуют утратить стабильность. Необходимо отметить, что в настоящее время в Швеции и Сингапуре выявлен самый низкий уровень коррупции в мире.

Социально-психологическая и духовно-нравственная проблематика коррупции в России: внутренние проблемы российского общества

В психологии российского народа (русского — основного этноса России и других традиционных национальностей страны) есть внутренние факторы, связанные с культурно-психологическими традициями отношения к преступлениям и коррупции. Эта проблематика обсуждалась в ряде социально-психологических исследований коррупции [11].

Существуют психологические причины, заключенные в нашей культурной традиции, отношения к преступлениям в целом и к коррупции в частности независимо от влияний Запада [18, с. 26–33; 23].

Одна из проблем — это превалирование в психологии русского народа неформальных отношений над формальными, в частности, можно отметить проблему кадровых назначений по принципу родственных и личных связей (кстати, это свойственно и другим национальностям России, например, жителям Северного Кавказа), что в западной традиции в целом не приветствуется.

Кроме того, в нашей культурной традиции нет особого разграничения понятий «взятка» и «благодарность». Русский человек воспринимает как неуважение отсутствие благодарности за получение услуги. В современной законодательной практике — это взятка, за которую могут посадить.

В связи с этим в психологии народа современной России есть проблема «взяткоберущего — взяткодателя», исходя из социокультурного архетипа нашего общества. Это соотношение не в пользу

взяткоберущего (соотношение в пользу взяткодателя — 1 к 5), то есть взятку в России просят в 5 раз реже, чем ее предлагают взяткодатели [11]. Психологически это означает, что в нашем обществе лучше дать взятку, чем бороться с коррупцией в соответствии с социокультурным архетипом русского человека. Условия современной России способствуют сохранению этой тенденции.

Когда у наших эмигрантов возникают проблемы с правоохранительными органами в стране пребывания они прежде всего предлагают взятку, чтобы урегулировать проблему (социокультурный архетип поведения). Для западных представителей закона это неприемлемо. И они с ужасом смотрят на бывших россиян и ведут их, как преступников, в правоохранительные органы, чтобы разобратся.

Возникает вопрос «Почему российский народ в целом так подвержен коррупции в современных условиях?». Конечно, причиной является смена социально-политической системы государственного устройства; оказывает влияние коррупция в высших эшелонах власти, которая заразительна. Однако остается базовый вопрос «Почему население страны поддалось на меркантильную ориентацию?».

В нашем культурном архетипе есть социокультурные ориентации терпимого отношения к преступлениям в целом и к сфере коррупции в частности. Эти aberrации в психологии нашего народа, несомненно, требуют коррекции, в том числе путем проведения целенаправленной политики со стороны властных структур [11].

В психологии русского народа доносительство осуждается в соответствии с

нашим культурным архетипом. Это именно тот аспект нашего культурного архетипа, который особенно закрепился в социалистический период. В западных странах подобные действия считаются не доносом, а обязанностью человека в борьбе с преступлениями. Если человек видит что-то противоправное в поведении других людей, что с его точки зрения противоречит закону, он обязан обратиться в правоохранительные структуры. Это его обязанность как гражданина. В этом отношении ему достаточно представить анонимное заявление в правоохранительные структуры. Не нужно проходить длительную процедуру написания заявлений с обязательным предоставлением установочных данных заявителя. На всех стендах правоохранительных структур есть подробная информация: куда, как, к кому обратиться (с указанием телефонов). Правоохранительные органы обязаны рассмотреть заявление немедленно независимо от анонимности.

Н.О. Лосский в работе «Характер русского народа» рассмотрел положительные и отрицательные качества русского человека [17]. Его вывод: русский человек не делает различия между доносом и гражданской ответственностью. Он в принципе отвергает свое участие в предотвращении преступлений, даже если является свидетелем совершения преступления. Это социокультурный архетип русского человека, закрепленный в его исторической памяти. В то же время эту черту характера русского человека нельзя признать императивно правильной, поскольку участие человека в социальной жизни включает активные действия по сохранению социального порядка в обществе.

Конечно, традиции и черты характера, закрепленные исторически в психологии человека, изменять исключительно трудно. И в этом отношении русский человек на интуитивном уровне понимает, что такое доносительство, а что такое гражданская ответственность. Просто у него нет исторического опыта в этом отношении. К этой проблеме в плане идеологической (шире — информационной) политики следует относиться исключительно осторожно. Однако в целом этот аспект культурного архетипа русского человека в современных условиях, по-видимому, необходимо менять.

В современной России человек, который хочет заявить о неблагополучной ситуации, должен пройти длительную процедуру представления своего заявления в правоохранительные структуры с обязательным указанием своих установочных данных. Кроме того, заявитель не знает, предъявят или не предъявят правоохранительные органы его заявление коррупционеру, который может предпринять жесткие контрдействия в отношении заявителя.

Это тот пример, когда нам следует скорректировать нашу политику в отношении борьбы с преступлениями, включая коррупцию, независимо от наших социокультурных предпочтений, и принять в этом отношении западные методы борьбы с преступлениями.

В работе В.М. Позднякова представлено исследование коррупции в сфере образования: «Согласно обнародованному Верховным Судом РФ рейтингу профессий в 2008 г., на третьем месте среди осужденных за взятку оказались преподаватели образовательных учреждений» [22, с. 26]. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что

83 % родителей считают необходимым для своих детей получение высшего образования, 75 % готовы пойти на материальные траты, включая коррупционные. Причем 65 % из них считают, что материальные траты им по карману, то есть коррупция в этой сфере — это нормальная составляющая жизни российского человека [12; 22, с. 27]. Признается, что «...коррупция в сфере образования есть следствие падения нравов в обществе и подмены реальных ценностей мнимыми» [16]. М. Лемуткина отмечает «крайне низкую правовую культуру граждан и наличие стереотипов обыденности взяточничества в высшей школе... ради мошенничества...» [16, с. 30; 33]. Она приходит к выводу, что коррупцию в сфере образования следует рассматривать не только как недостатки образования в стране, но и как условие блокирования развития нравственной культуры у подрастающего поколения [16, с. 31]. В исследовании приводится пример того, что социально-культурная специфика отношения к коррупции у российских граждан имеет свои внутренние детерминанты, независимые от внешних влияний.

Еще один пример — работа О.Г. Анянueva [1, с. 164–181]. В ней рассмотрен вопрос противодействия коррупции в правоохранительных органах России (на примере одной из правоохранительных структур). Основной вывод автора однозначен: в правоохранительных органах России в отношении к коррупции есть своя национальная специфика и ее необходимо обсуждать.

В России считается нормальным и обыденным то, что в западных странах расценивается как коррупционное преступление [11, с. 304; 23]. Подобное отношение к коррупции, как правиль-

но утверждают авторы, имеет в России давние традиции. «Так, например, еще в XVIII–XIX вв. воровство и мздоимство в государственных учреждениях получало безусловное одобрение в общественном сознании...» [11, с. 304].

Вот, например, высказывание представителя властных структур России А. Лифшица (в период высказывания — члена правительства России). Отвечая на вопрос одной из московских газет, он заявил, что активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может подорвать экономические реформы [6, с. 427–455]. Сходные позиции высказывал А. Чубайс и «первый пионер» этой позиции — Г. Попов.

В целом можно сказать, что проблема коррупции в России не только экономическая и социально-психологическая, но и проблема внутренних психологических ориентаций российского гражданина, связанная с его социокультурным архетипом. С государственных позиций необходимо с критической долей ответственности понимать недостатки нашего национального характера и менталитета и не списывать все на козни Запада.

Заключение

Проблема коррупции — это проблема политической воли властных структур государства и ее обсуждения на уровне общества. По поводу сегодняшнего положения в российском обществе высказываются А. Нагорный, В. Симчера, члены «Изборского клуба»: «Народ России вроде бы безмолвствует. Но это нехорошая тишина — затишье перед бурей. Люди с возмущением смотрят на все, что происходит вокруг них, и мысленно задают себе вопросы — когда все

это кончится, и кончится ли это вообще? Кто и каким образом за все происходящее безобразия должен отвечать? Безответственность власти нельзя наращивать бесконечно. Она, словно ядерный заряд, имеет свою критическую массу, после достижения которой взрыв неизбежен [26, с. 3].

В Послании Президента Федеральному Собранию 2013 г. содержится много позитивных идей в отношении развития страны в глобальном противостоянии вызовам кризисного развития современной цивилизации, включая проблему коррупции. Заявлена позиция необходимости декларации не только доходов, но и расходов госчиновников и их близких родственников. Заявлены юридические ограничения в поведении госслужащих властных структур государства. Даны права прокуратуре обращаться в суд для рассмотрения вопроса об изъятии имущества госслужащих, которые не смогли подтвердить его приобретение, исходя из своих доходов. Эти позитивные положения свидетельствуют о том, что высшие властные структуры государства взяли ориентацию на национальные интересы России. Вопрос в том, как эта ориентация будет воплощаться в реальной политике.

Властные структуры государства понимают, что нужно делать для управления общественным сознанием и поведением больших масс населения страны. Технологии управления общественным сознанием и поведением народа существуют [7; 9; 10; 29–31]. Однако их нужно использовать на благо страны и народа. Все зависит от политической воли руководителей России.

Литература

1. *Ананьев О.Г.* Проблема коррупции в уголовно-исполнительной системе ФСИН России: социальнопсихологические аспекты // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 164–181.

2. *Артохин А.С., Смигирев С.Ф.* Геополитика как наука в России: история и современность // Геополитика и безопасность. — 2009. — № 4(8).

3. *Бастрыкин А.И.*, 2012. — URL: www.rosotkat.ru/.../aleksandr-bastrykin (дата обращения 23.05.2013).

4. *Бондаренко В.* Конец «большой книги» // Завтра. — 2012. — № 51.

5. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. — М.: Ин-т психологии РАН, 2012.

6. *Глинкина С.П.* Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / под ред. О.Т. Богомолова. — М.: Ин-т экономических стратегий, 2010. — С. 427–455.

7. *Грачев Г.* Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. — Волгоград, 2004.

8. «Да, завтра смерть?» // Завтра. — 2013. — № 7. — С. 2.

9. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А.* Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: материалы Междунар. практ. конф. (Казань, 15–18 апр. 2012 г.) / под ред. С.В. Петрушина. — Казань: Отечество, 2012.

10. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А.* Проблема психологических технологий в современной психологической науке и практике // Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. — М.: Ин-т психологии РАН, 2012.

11. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Психологические факторы коррупции // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. — М.: Ин-т психологии РАН, 2012.

12. *Ильченков М.З.* Негосударственные вузы России: история, состояние и перспективы // Россия в третьем тысячелетии. — М., 2001. — С. 326–348.

13. *Исправникова И.И.* Коррупционные стратегии как результат институциональных нарушений при реализации сценариев развития России // Национальная безопасность. — 2010. — № 7/8.

14. *Колокольцев В.А.* 2013. URL: www.newsru.com/russia/11feb2013/execute.htm (дата обращения: 23.05.2013).

15. Конвенция Организационных наций против коррупции (UNCAC). Резолюция № A/RES/58/4 от 31 октября 2003 г.

16. Лемуткина М. Хорошей взятки должно быть много. — URL: http://www.gaseta.ru/education/2007/06/07/_a_1783307.shtml [дата обращения: 23.05.2013].

17. Лосский Н.О. Характер русского народа. — М.: Ключ, 1990.

18. Максимцев И.А., Локшина Э.Х., Бахрах О.А. Коррупция: морально-этические и экономико-психологические аспекты // Психология в экономике и управлении. — 2011. — № 2. — С. 26–33.

19. Макроспихология современного российского общества / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. — М.: Ин-т психологии РАН, 2009.

20. Нестик Т.А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Ч. 2 / под ред. Л.М. Тимофеева и Ю.В. Латова. — М.: РГГУ, 2002.

21. Нестик Т.А., Латов Ю.В. Что виновато — «плохие законы» или культурные традиции? // Общественные науки и современность. — 2002. — № 5.

22. Поздняков В.М. Коррупционные преступления в сфере образования: нравственно-психологический и правовой аспекты // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 3 — С. 25–32.

23. Решетников М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. — СПб.: Восточ.-европ. ин-т психоанализа, 2008.

24. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. — М.: Ин-т психологии РАН, 1997.

25. Россия в XXI веке. — М.: Академия геополитических проблем, 2012.

26. Симчера В., Нагорный А. Безответственность // Завтра. — 2013. — № 17.

27. Соснин В.А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психолог. журн. — 1997. — Т. 17. — № 1.

28. Соснин В.А. Психология, геополитика и терроризм: тенденции развития современной международной и межконфессиональной ситуации в России // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. — М.: Ин-т психологии РАН, 2012.

29. Соснин В.А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. — М.: Форум, 2012.

30. Соснин В.А. Психология массового поведения: типология больших социальных групп и проблема взаимодействия/воздействия // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противоздействия / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.А. Павлова. — М.: Ин-т психологии РАН, 2012.

31. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. — М.: Ин-т психологии РАН, 2008.

32. Хащенко В.А. Социально-психологические механизмы детерминации субъективного экономического благополучия: дис. ... д-ра психол. наук. — М.: Ин-т психологии РАН, 2012.

33. Цагикян С.Ш. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика личности взяточников: «Черные дыры» в российском законодательстве // Юрид. журнал. — 2005. — № 3. — С. 327.

34. La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. Trust in Large Organizations // The American Economic Review. Papers and Proceedings. — 1997 (CXXXVII). — № 2.

35. La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. The Quality of Government // The Journal of Law, Economics and Organization. — 1999. — Vol. XV (1).

СТРУКТУРА ИМИДЖА РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМ

Т. И. Пашукова, Н. С. Ухлинова

Аннотация: современный имидж России, формируемый во Франции, исследовался авторами на основе контент-анализа содержания статей французских газет «Le Monde» и «Le Nouvel Observateur». Имидж России в этих ста-

тьях раскрывается посредством характеристик, относящихся к категориям политики, социальной жизни, экономики и культуры.

Обнаружено, что в статьях на политическую тематику факты и события, про-

исходящие в России, освещаются в негативном свете, в то время как статьи на культурную тематику характеризуют Россию позитивно.

Ключевые слова: имидж государства, содержание статей, структура имиджа, имиджологически значимые характеристики, имиджологические факторы.

Summary: *modern image of Russia, being formed in France, has been examined by the authors on the basis of the content analysis of the French newspapers «Le Monde» and «Le Nouvel Observateur». It has been discovered that articles focused on the political events tend to cover the facts concerning Russia from the unfavorable perspective, while culturally focused ones describe the facts positively.*

Keywords: *image of the country, articles content, image structure, significant image characteristics, image factors.*

Россия, как и любое государство, представляет собой уникальную по своему набору совокупность ценностей и национальных интересов. Она отличается географическим положением, внутригосударственной экономической системой, особыми социальными и политическими процессами, этническими и культурными особенностями, а также традициями, нравами и обычаями людей. Все это отражается в имидже страны на мировой арене и является с политической, экономической и других точек зрения очень важным [5; 11; 12].

Имидж страны базируется на исторических, геополитических, культурных, этнических, религиозных, демографических и иных основаниях и представляет собой феномен социальной перцепции. Одним из важнейших механизмов его

формирования является стереотипизация [1; 2; 9 и др.].

Специалисты по исследованию имиджа России в глазах зарубежной общественности отмечают некоторые искажения в представлениях о ее облике, связанные с преимуществами и недостатками геополитического положения страны. В образ России чаще всего входят очевидные физико-географические особенности, а идеологическая оценка происходящих социальных процессов осуществляется поверхностно [3].

На Западе сложился некий набор блоков, определяющих общественное мнение в отношении России и составляющих компоненты ее имиджа. В него входят: блок «военной угрозы нового типа», то есть угрозы выхода армии и ядерных вооружений из-под контроля; блок «угрозы национальной катастрофы в России и ее дезинтеграции по югославскому образцу», ориентирующий общественное мнение на Западе на то, что внутренняя нестабильность в стране постоянно самовоспроизводится; блок формирования «преступного и коррумпированного государства», не допускающего возможности отношения к нему как к цивилизованному субъекту международного права и надежному объекту инвестиционной активности; мнение о необходимости постоянного контроля со стороны Запада за процессом осуществляемых в России реформ [3; 7].

Считается, что имидж России в сознании иностранцев складывается из трех ведущих составляющих: культура, политика и образ русского человека. Культура воспринимается как наиболее выигрышный элемент имиджа. Однако существует мнение, что современное культурное наследие России не в состо-

янии пока оказать позитивное влияние на имидж страны в сознании иностранцев. Политика, как еще один компонент имиджа России за рубежом, удостоивается самой низкой оценки. Иностранцы считают, что в стране нет демократии, а для ее системы управления характерны беззаконие и коррумпированность. Образ русского человека за рубежом крайне неоднозначен. По мнению иностранцев, «лицо России» — это очень богатые люди и плохо образованные «новые русские», сорящие деньгами, нажитыми нечестным путем. Упоминаются также «очень бедные люди» и «бабушки». Отношение к русским зависит от характера социальных контактов и отражается в противоположных мнениях: от «русские — дружелюбные, гостеприимные и общительные», что характерно при наличии опыта непосредственного общения, до «русские — злые, замкнутые, невоспитанные» — при дистантном (дистанцированном) впечатлении.

Это подтверждают данные консалтинговой компании «Группа ИМА» о том, что наиболее негативные аспекты восприятия России иностранцами связаны со сферой политики, с проблемами государственного устройства, взаимоотношений с другими странами, перспективами развития, правящими кругами и т. д. Однако исторические, в особенности культурные, составляющие российского имиджа продолжают, как и раньше, цениться очень высоко [4].

И.В. Гринев пишет, что негативное отношение к России сформировалось на Западе еще в период холодной войны как к стране, несущей в себе потенциальную угрозу стабильности и миру в Европе и на международной арене в целом [5]. Негативное восприятие России

во многом обусловлено неоднозначностью представлений россиян о самих себе, о гуманистических и идеологических установках новой России, из-за чего нет последовательности в их реализации и влиянии на имидж, который следовало бы конструировать в глазах мировой общественности [5].

В настоящее время большую роль в формировании имиджа страны играют СМИ [2; 3]. Многие люди доверительно воспринимают информацию в СМИ из-за уважения к соответствующим источникам информации или будучи убежденными в том, что сообщения СМИ отражают точку зрения профессионалов, которые владеют более полной информацией по вопросу. К тому же крайне небольшая часть иностранцев посещают страну лично.

По мнению многих исследователей, СМИ является мощным по воздействию источником формирования представлений о России, хотя объем информации о ней незначителен и односторонен. В нем преобладают негативные акценты, в то время как очевидные позитивные стороны жизни страны замалчиваются [3; 5].

Особое значение имеют печатные СМИ. Это связано с тем, что «читатель газеты/журнала имеет возможность приспособлять чтение того или иного сообщения к своим потребностям и возможностям, неоднократно возвращаться к материалу, использовать одновременно дополнительные источники информации в случаях несогласия с позицией журналиста или при желании углубить свое понимание проблемы» [6, с. 114]. Часто люди узнают новости из аудиовизуальных СМИ, а осмысливают их благодаря комментариям в прессе.

Печатные издания достаточно разнообразно представляют читателям окружающую жизнь, события внешнего мира, многие области реальности [14]. Язык СМИ создает особое представление о действительности, которое В.Д. Мансурова назвала журналистской картиной мира. Эта картина мира, являясь «специфическим ментальным образованием, возникающим в массовом обыденном сознании, представляет собой динамическую, сложно организованную, самоорганизующуюся систему циркуляции социального знания — информации, востребованной обществом» [8, с. 102]. Для журналистов характерна ориентация на массовое сознание и перевод информации на уровень обыденного понимания, доступный каждому носителю языка. Они представляют собой совокупность социокультурных смыслов, выраженных в различных знаковых, символических и образных формах, и конструируют мировидение среднего человека данной культуры. Их можно рассматривать как источник мировоззренческих стереотипов обыденного сознания, в том числе как средство формирования имиджа другого государства [14].

Россия лидирует в сфере информационных интересов всех ключевых стран мира, в том числе Франции. Учитывая это, мы решили проанализировать статьи общенациональных французских газет о России. Предметом нашего исследования стали структура и содержание представлений о России в этих статьях.

В рамках эмпирического исследования мы ставили следующие задачи: найти статьи о России и россиянах во французской национальной прессе; про-

вести контент-анализ содержания этих статей; на основе результатов контент-анализа выявить структуру формируемого имиджа России и основные ее характеристики; определить знак оценки страны в формируемом имидже.

В качестве материала для контент-анализа были взяты тексты французских общенациональных газет «Le Monde» и «Le Nouvel Observateur», адресованные читателям с разными интересами и интеллектуальными запросами. Важным критерием выбора этих газет являлся их рейтинг и тираж. Например, «Le monde» (с фр. «Мир») — ежедневная вечерняя газета с тиражом более 300 тыс. экземпляров, одна из наиболее солидных и влиятельных во Франции, отличается подробными аналитическими обзорами, а также отсутствием прямых политических оценок. «Le Nouvel Observateur» (с фр. «Новый обозреватель») — французский еженедельный журнал с тиражом более 500 тыс. экземпляров, на страницах которого разворачиваются горячие дискуссии на важные и актуальные общественные темы.

Отбор статей осуществлялся нами следующим образом. Сначала, используя интернет-ресурс официальной страницы газеты, мы задавали систему поиска по всему архиву за период с 1 января по 19 мая 2011 г. и выявляли те статьи, которые непосредственно посвящены описанию и анализу событий, происходящих в Российском государстве. Это были материалы, в заголовке или во вступительном кратком описании которых было употреблено название страны и ее родов. По результатам поиска мы находили оригиналы статей о России, которые подвергались нами количественному и качественному анализу.

За указанный период было найдено 88 номеров газет, содержащих статьи о России. В них было обнаружено 117 статей, касающихся России. В среднем в месяц выходило около 22 публикаций. Во все этих статьях выявлено 569 единиц-описаний страны. Они представляют 120 разнообразных характеристик, касающихся климатических условий, внешней и внутренней политики страны, власти, экономического развития, социальных проблем и социально-психологических качеств граждан России и др. Средняя частота использования характеристик равна 4,74 ($\sigma_n = 6,45$). Обнаружено сравнительно большое отрицательное значение показателя $\bar{x} - \sigma_n$, равное -1,71 и большой разброс ($d = 41,6$) встречаемости характеристик, который представляется нам неслучайным.

В список имиджологически значимых характеристик страны мы включили те, которые превышают соотношение средней частоты их встречаемости в сумме с показателем стандартного отклонения ($\bar{x} + \sigma_n$) [10]. Эти характеристи-

ки, расположенные по мере уменьшения этой частоты, представлены в таблице.

Из имиджологически значимых качеств только два («великое культурное наследие городов» и «экономический рост») содержат в себе положительную оценку страны. Они составляют всего 16,6 % от этой выборки. Негативно эмоционально окрашенных характеристик больше, их количество составляет 10, то есть 83,4 % от общего числа значимых качеств. Лидирующей категорией по числу характеристик и частоте их встречаемости оказалась категория политики (58,4 %). При этом вся политическая информация, составляющая этот компонент структуры имиджа, несет в себе негативную оценку.

Французские журналисты чаще всего характеризуют Россию как в высокой степени коррумпированное государство (48), называя коррупцию «бедой, разлагающей страну» («un mal qui gangrène le pays») и «распространяющейся на все уровни государственных учреждений». Они отмечают отсутствие в стране демократии (26), нередко подразумевая под

Таблица 1

Имиджологически значимые характеристики России, представленные во французских газетных текстах

В имидже 12 характеристик из 120 $\bar{x} = 4,74; \sigma_n = 6,45$	Частота встречаемости характеристик
1. Коррупция	48
2. Отсутствие демократии	26
3. Демографический кризис	25
4. Мафия, преступность	22
5. Сращивание власти с криминальными группировками	19
6. Политический клан	19
7. Алкоголизм и наркомания	18
8. Великое культурное наследие городов	17
9. Несостоятельность политики	15
10. Предвыборная интрига	14
11. Экономический рост	14
12. Правительственный тандем	13

этим «отсутствие свободы собраний», «манипуляцию выборами», «недостаток в активном гражданском обществе».

Отдельную тему составляют высказывания по поводу «главенствующего в России политического клана», стремящегося как можно дольше остаться у власти (19). Говорится о «сращивании власти с криминальными группировками» (19). Подробно пересказываются сообщения о проводимых в России исследованиях «крышевания подпольного игорного бизнеса верхушкой прокуратуры Московской области» и безнаказанности преступников. При этом авторы статей склоняли читателей к выводу о несостоятельности политики России (15) и смаковали «предвыборную интригу» президентских выборов В. Путина и Д. Медведева (14), ставя акцент на их взаимоотношениях (формулируя их как тандем и относясь к нему достаточно негативно).

Характеристики социальной жизни страны составили 25 % от общего количества имиджологически значимых. Они также несут в себе эмоционально негативный окрас, характеризуя Россию преступной (22), страдающей от алкоголизма и наркомании (18) и имеющей серьезные демографические проблемы (25).

Экономические характеристики, наоборот, чаще положительны. Однако в одних статьях отмечается серьезный экономический рост, связанный с увеличением ВВП и замедлением роста инфляции (14), а в других — экономическое отставание страны (9).

Что касается культуры, то здесь Россия на страницах французских газет как бы преображается, приумножает свое достоинство и благородство. В статьях

о культуре часто встречаются словосочетания: «великое культурное наследие городов», в первую очередь Москвы и Санкт-Петербурга (17), «величие российского художественного наследия». Используются такие термины, как: «Величественная Красная площадь», «Величие Большого театра», «Третьяковская галерея — сокровищница важнейшей мировой коллекции живописи» и т. д.

Имиджологически значимые характеристики можно объединить в категории, которые собственно и составляют структуру имиджа России во французских СМИ: политика (оценка власти) — 58,4 %, социальная жизнь — 25, экономика — 8,3 и культура — 8,3 %.

Интересно проанализировать и такие качества, которые встречаются чаще средней арифметической величины (4,74), хотя и не достигают уровня имиджологически значимых. При анализе в скобках мы указываем частоту их повторяемости в исследованных газетных текстах.

Одной из частых характеристик является «путинизм» (11). Под чем подразумевается, что В. Путин принимает все политические и экономические решения в стране. Следующая характеристика в списке — психологические особенности россиян, а именно легкость и прямота граждан в общении (9).

Затем в порядке убывания следуют: экономическое отставание (9), хронические беды российской глубинки (8), патриотизм народа (7), характеристики поведения России на международной арене (7), борьба власти с проблемами наркомании (7), суровый климат (6), бескрайние просторы (5), бесконечные пробки на дорогах (5), бедность населения (5), великолепие балетных постанов-

вок (5), а также национальное гостеприимство (5) и трепетная русская душа (5).

В этом списке качеств тенденция негативного описания политики остается неизменной.

В структуре имиджа России присутствует немалый процент характеристик социальной жизни страны (26,1 %). Социальная жизнь граждан РФ и государства в целом представляется в газетных статьях более позитивно, чем политика, и в характеристике этой сферы выявлено 16,7 % эмоционально окрашенных качеств. В частности, отмечается активность власти в борьбе с проблемой наркомании (7).

Пласт положительной оценки особенностей России составляют культурные и географические описания. Журналисты отмечают широкие просторы территории России (5), великолепие балетных постановок (5), торжественность и возвышенность празднования юбилейной даты первого полета в космос Ю. Гагарина, ставшего национальным героем, символом страны (6).

В этом списке оказались социально-психологические характеристики, присущие русским людям: «легкость и прямота в общении» (9), «сильнейшее чувство патриотизма» (7), «гостеприимство» (5), «трепетность русской души» (5). При чем все они оцениваются положительно.

Мы можем предположить, что положительная оценка культуры и социально-психологических характеристик граждан обладает потенциалом формирования позитивного отношения читателей французских газет к России. Однако преобладание негативных характеристик нашей страны в группе наиболее часто встречаемых свойств дает основание полагать, что в статьях французских

газет такая подача информации преднамеренна. Неслучайно журналисты используют многочисленные приемы, которые не только создают неприглядный образ государства, но и делают его более ярким и выразительным с помощью гиперболизации свойств объекта, которая активизирует сферу представлений читателя. Позднее, в дополнительном экспериментальном исследовании, мы обнаружили, что характеристики, касающиеся определенных сторон жизни страны, действительно ухудшают отношение читателей к России [13].

Вся представленная в газетах информация о стране может быть разделена и на такие два вида. Первая соответствует действительности, ее журналисты подают, когда пишут про те или иные реальные проблемы, факты и события, происходящие в стране, хотя в большинстве случаев они преувеличиваются и выставляют Россию не с самой лучшей стороны. Это множество примеров, касающихся коррупции, наркомании и алкоголизма. Однако есть в статьях и такая информация, которая авторами домысливается или искажается, чтобы подчеркнуть недостатки России как государства. Среди специальных приемов, применяемых в данном случае, следует указать на использование иронии и сарказма. Конкретным примером подобной иронии, взятой нами из проанализированных статей, является следующая фраза: «Поселок Тверской области никак не выиграл от того, что расположен по соседству с одной из резиденций Президента России».

Таким образом, статьи о России и россиянах во французской национальной прессе встречаются достаточно часто. Имидж России в этих статьях рас-

крывается посредством характеристик, относящихся к таким категориям, как политика, социальная жизнь, экономика и культура. В статьях, касающихся политики, представлена однозначно негативная оценка страны, а в статьях, посвященных культуре, — позитивная.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 384 с.

2. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовых коммуникаций: учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 191 с.

3. Галумов Э.А. Имидж России в глобальном пространстве. — М.: Летопись XXI, 2001. — 64 с.

4. Грачева А. У иностранцев есть ответы на все наши вопросы // Советник. — 2004. — № 6. — С. 34–36.

5. Гринев И.В. Отечественная культура и международный имидж России // Национальные интересы. — 2008. — № 5. — С. 49–52.

6. Гришаева Л.И. Россия в зеркале немецкой прессы: путь к взаимопониманию народов? // XXI век: мир без войны и насилия: материалы междунар. конф. — Воронеж, 2002. — С. 99–124.

7. Имидж России и российского бизнеса в западных средствах массовой информации: материалы к

докладу СВОП «Облик России» (сокращенный вариант) / С.А. Караганов, Е.М. Кожокин, И.Е. Малашенко [и др.]. — М., 1997. — 32 с.

8. Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. — Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2002. — 237 с.

9. Панасюк А.Ю. Имидж: определение центрального понятия имиджологии // РР в образовании. — 2004. — № 2. — С. 40–51.

10. Пашукова Т.И. Изменение представлений о России у украинских студентов // Имиджология — 2011: Развитие и продвижение территорий: материалы Девятого Междунар. симпозиума по имиджологии. — М.: РИЦ АИМ, 2011. — С. 162–170.

11. Политическая имиджология: монография / под общ. науч. ред. Л.Г. Лаптева, Е.А. Петровой. — М.: РИЦ АИМ, 2006. — 275 с.

12. Соколова-Сербская Л.А. Формирование политического имиджа РФ на международной арене (1992–1999 гг.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. — М., 2008. — М.: МПГУ, 2008. — 33 с.

13. Ухлинова Н.С. Влияние тематики статей французских газет на представление о России у читателей: дипломная работа (рукопис.). — М.: МГЛУ, 2012. — 63 с.

14. Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с российскими): дис. ... канд. филолог. наук. — Екатеринбург: УрГПУ, 2005. — 207 с.

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ: СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А. Н. Пастушеня

Аннотация: анализируется феномен антикриминальной устойчивости личности как важнейшей составляющей ее готовности к правомерному поведению. Дается определение данного явления, характеристика возможных проявлений в блокировании криминогенных внешних воздействий и внутренних импульсов. Обосновывается структурная модель антикриминальной устойчивости личности, ее систе-

мообразующее ядро и свойства периферии. Раскрываются особенности тех психологических свойств и их содержательные характеристики, которые обеспечивают наличие указанной устойчивости. Предложенная модель антикриминальной устойчивости личности выступает теоретической основой для ее психодиагностики, а также определения психолого-педагогических задач по ее формированию.

Ключевые слова: антикриминальная устойчивость личности, криминогенная склонность личности, готовность личности к правомерному поведению, внешние и внутренние криминогенные факторы, психологическая структура.

Summary: *We analyze the phenomenon of anti-crime stability of personality as the most important component of its readiness to legitimate behavior. The definition of this phenomenon, characteristic of the possible manifestations of blocking the criminogenic effects of external and internal impulses. Substantiates the structural stability of the anti-crime model of personality, its system-core and the periphery of the property. The peculiarities of the psychological characteristics and their informative features that ensure the availability of such stability. The model proposed anti-crime stability of personality theoretical basis for its psycho-diagnostics, as well as determine the psychological and pedagogical problems in its formation.*

Keywords: *anti-criminal personality stability, the crime propensity individual readiness of the individual to lawful behavior, external and internal criminogenic factors, psychological structure.*

Воспитание законопослушной личности и исправление ее криминогенных дефектов требуют четкой постановки психолого-педагогических задач. Они заключаются в определении системы психологических свойств (качеств) личности, которые в своей совокупности выступают внутренними предпосылками правомерного поведения в различных сферах социально-правовых отношений. Эти внутренние предпосылки получили различное название в исследованиях, затрагивающих пробле-

мы правового воспитания: законопослушное правосознание личности, правомерная направленность личности, законопослушная позиция личности, готовность личности к правомерному поведению, нравственно-правовая сфера личности и другие. Указанные понятия обозначают в обобщенном виде одно и то же явление — качественную особенность психического склада личности, а в конкретном представлении — систему психологических свойств, которая выступает внутренней детерминантой правомерной направленности поведения в различных сферах жизнедеятельности при удовлетворении индивидом различных потребностей и разрешении проблемных ситуаций. Общая характеристика такой системы психологических свойств заключается в том, что она предопределяет субъективную необходимость и возможность действовать правомерно, а также недопустимость противоправных действий. Главная задача в объяснении этой системы свойств заключается в том, чтобы достаточно полно раскрыть ее структуру и качественные (содержательные) характеристики, объяснить функциональное взаимодействие этих свойств в детерминации правомерного поведения.

Основываясь на понимании строения психической деятельности, детерминирующей социальное поведение, и функций в ней психологических свойств личности [1, 2, 4, 6, 7, 9], можно утверждать, что личностные свойства, образующие указанную систему, детерминируют целемотивационную, волевою и операциональную составляющие психической регуляции правомерного поведения, обеспечивая использование субъектом правомерных способов действий

для удовлетворения своих потребностей и разрешения проблемных ситуаций. Совокупность такого рода личностных предпосылок осуществления определенной деятельности или форм поведения в психологии обычно обозначают понятием готовности личности к этим видам активности, в данном случае речь идет о готовности к правомерному поведению [3].

Вместе с тем готовность к правомерному поведению, выражающая внутреннюю необходимость и возможность его осуществления, — это лишь одна сфера личностных предпосылок такого поведения. Вторая сторона, не менее важная, имеет иное функциональное проявление, которое заключается в воздержании от противоправных действий и *противостоянии криминогенным факторам* как внешнего, так и внутреннего рода.

Внешние криминогенные факторы представляют собой различные социальные условия и воздействия, относящиеся к микро- и макросоциальной среде, которые несут побуждения и формируют склонности к противоправному поведению. Они могут выражаться в воздействиях других лиц, склоняющих к противоправному поведению, ограничении возможностей удовлетворения потребностей и защите личностных ценностей законным путем, криминогенно провоцирующем поведении других людей, криминогенных информационных влияниях и т. д. Так, по характеру своего влияния внешние обстоятельства и влияния могут выражать:

- *прямое принуждение* к совершению преступления со стороны других лиц под угрозой расправы или жизненно важных потерь;

- *косвенное принуждение* — предьявление индивиду другими лицами под угрозой отрицательных последствий таких требований, выполнение которых он не может обеспечить правомерным путем (например, требования вернуть крупную сумму денег, которой субъект не имеет);

- возникновение *тяжелой жизненной ситуации*, которую, по мнению субъекта, преодолеть правомерным образом не возможно;

- *подстрекательство* других лиц, склоняющих совершить преступление или участвовать в его совершении;

- *действия потерпевшего, провоцирующие* на совершение насильственных, корыстных или сексуально-насильственных преступных действий (обещания, которые он не выполнил, конфликтное поведение, сарказм, унижение достоинства, поведение женщины, провоцирующее сексуальное домогательство, и т. д.);

- *противоречивые условия*, представляющие собой совокупность обстоятельств, одни из которых оказывают влияние, побуждающее к совершению преступления (вынуждающее, стимулирующее, провоцирующее), другие наоборот — препятствуют, сдерживают совершение преступных действий;

- *благоприятные условия* для удовлетворения потребности противоправным способом и пример их успешного использования другими лицами, выражающий косвенное криминогенное влияние;

- *криминальные действия членов референтной группы*, в которую включен индивид, обуславливающие у него побуждение к аналогичному поведению на основе конформистской установки.

Необходимо учитывать, что в некоторых случаях криминогенные обстоятельства субъект создает сам и в результате оказывается в проблемной ситуации, побуждающей его к совершению противоправного деяния. Например, он может взять деньги взаймы, не предвидя реальной возможности их вернуть, либо сам провоцирует конфликт, побуждает будущую жертву к противодействию и в ответ на него совершает более тяжкое преступное насилие.

В качестве *внутренних криминогенных факторов*, в отношении которых необходимо формирование антикриминальной устойчивости личности, могут выступать переживания или побуждения, которые предрасполагают индивида к использованию вредоносных, в том числе противоправных, способов для их реализации. В качестве таких внутренних факторов выступают:

- переживания отрицательных эмоциональных состояний, выражающих гнев, ревность, обиду, чувство униженности, которые актуализируют вредоносные побуждения;

- дезадаптирующие влечения, реализация которых чревата возникновением криминогенной ситуации, и побуждения к противоправным действиям. Это влечение к употреблению наркотиков, злоупотреблению алкоголем, азартным играм, причинению вреда ради развлечений и др.;

- реактивная актуализация присущих индивиду криминальных стереотипов, привычек, влечений, которые он осознает как нежелательные для него, но не в полной мере способен противостоять им посредством силы воли.

Последний из указанных внутренних факторов выражает *остаточные явле-*

ния ранее присущих индивиду криминальных склонностей или дезадаптирующих влечений. Несмотря на то что у индивида, ранее совершавшего преступления, сложилось в результате определенных переживаний и воспитательных влияний отрицательное отношение к этим действиям и искреннее желание их впредь не допускать, у него сохраняются внутренние предпосылки криминального срыва. Это связано с тем, что криминальные стереотипы, привычки и особенно криминальные влечения сохраняют остаточный мотивационный потенциал и могут актуализироваться при функциональных и психических состояниях, когда происходит снижение сознательно-волевого самоконтроля. Актуализация этих криминогенных свойств может быть вызвана внешними обстоятельствами, порождающими психические состояния, которые блокируют сознательно-произвольную саморегуляцию, поэтому важна волевая устойчивость по отношению не только к внешним криминогенным факторам, но и к присущим ранее криминальным стереотипам, привычкам, влечениям. Аналогичное значение имеет и волевая устойчивость по отношению к социально дезадаптирующим влечениям: наркомагии, алкоголизму, игровой зависимости и другим, которые могут привести к субъективно безвыходной ситуации и криминальному срыву.

На основании этого становится ясным, что правомерное поведение детерминируется не только личностной готовностью к его осуществлению, но и готовностью к воздержанию от совершения противоправных действий, неподатливостью криминогенным факторам, которая может быть обозначена *антикрими-*

нальной устойчивостью личности (термин впервые использован нами при психологическом анализе криминогенности личности [8, с. 110]). Такая устойчивость выражает личностное неприятие совершения противоправных действий и способность противостоять криминогенным влияниям других лиц или обстоятельств ситуации, а также актуализации остаточных явлений ранее присущих криминогенных склонностей личности. Антикриминальную устойчивость можно рассматривать как качественную определенность психического склада личности и интегративное психологическое свойство личности, имеющее определенную структуру. В наиболее общем виде антикриминальная устойчивость может характеризоваться:

- по направленности (к каким видам преступных деяний проявляется устойчивость);

- по степени развития (может быть абсолютной, представляющей безусловную недопустимость совершения преступных деяний определенного вида, или относительной, выражающей возможность совершения преступления при сильных криминогенных влияниях, ставящих под угрозу жизненно важные ценности индивида).

Для объяснения антикриминальной устойчивости личности, ориентированного на решение практических задач, связанных с правовым воспитанием, исправлением и профилактикой противоправного поведения, особое значение имеет раскрытие совокупности образующих ее психологических свойств. Особое значение при этом имеет выделение системообразующего ядра этой структуры, а также свойств второго порядка (периферии) с учетом их функций в пси-

хологическом механизме правомерного поведения индивида.

Обоснование психологической структуры антикриминальной устойчивости требует опоры на понимание сущности противоположного явления — личностной склонности к совершению преступного деяния. Криминогенная склонность личности, как показало проведенное нами исследование, имеет ряд составляющих, в качестве которых выступают психологические свойства, детерминирующие отражательно-регулятивные процессы в психологическом механизме преступного поведения: восприятие ситуации, мотивообразование, целеполагание, исполнительная регуляция [4]. Ядром такой склонности является личностная приемлемость определенного преступного деяния как способа удовлетворения определенных потребностей или разрешения проблемных ситуаций [5]. Приемлемость преступного способа определяет криминальное целеполагание, выступающее центральным элементом в механизме преступного поведения, — субъект принимает преступный способ и соответствующую ему криминальную цель, строит план своих действий. Личностная приемлемость преступного способа определяется его преобладающе положительной представленностью во внутреннем мире. Индивид видит в преступном способе (деянии) в преобладающей мере положительные стороны: результативный, быстрый, доступный, не требующий больших затрат времени, используемый многими или единственно возможный и т. п. Наряду с этим у лиц, имеющих криминогенную склонность, закономерно обнаруживается положительная представленность другого человека, совершаю-

щего такого рода преступление (собираемый образ): он наделяется преимущественно положительными чертами. Положительная субъективная представленность другого человека как субъекта криминального поведения свидетельствует о его психологической близости и идентификации с ним своего Я-образа.

К криминогенно релевантным свойствам второго порядка, входящим в структуру криминогенной склонности, относятся психологические свойства личности, которые прямо не определяют субъективную приемлемость совершения преступного деяния, но способствуют принятию преступного способа действий. К ним относятся мотивообразующие свойства, порождающие такие побуждения, которые законным путем удовлетворить невозможно или весьма сложно и маловероятно. В качестве подобных свойств выступают гипертрофированные материальные и статусные притязания, алкоголизм, наркомания, обостренное чувство социальной ущербности, отчуждения, униженности, потребность в общении с «криминально пораженными» лицами и привыкание к жизни в их среде и др. К криминогенным свойствам второго порядка относятся также перцептивные свойства, детерминирующие такую оценку внешних условий, которая способствует принятию криминального решения. К ним относятся прежде всего предубеждения о возможности успешно совершать определенные противоправные деяния и избежать уголовной ответственности, а также представления о том, что значительная часть людей референтной социальной группы совершает такие же преступления или вполне склонны их совершить.

Учитывая эти данные можно предложить следующую психологическую структуру антикриминальной устойчивости личности как явления, противоположного криминогенной склонности. *Системообразующим элементом (ядром) антикриминальной устойчивости личности выступает отрицательная субъективная представленность преступного способа действий, определяющая его неприятие в личном поведении. Отрицательная представленность преступного способа может проявляться на различных уровнях:*

– на *ценностно-смысловом* — отрицательное значение совершения противоправных действий и тех последствий, которые могут наступить для первостепенных личностных ценностей, в том числе для положительного отношения к себе. Индивид видит в преступном способе в преобладающей мере плохое или только плохое. Этот способ удовлетворения потребностей или разрешения проблемных ситуаций представляется, например, как недостойный, постыдный, опасный, чреватый высоким риском различных жизненных потерь, греховный и т. п.;

– на *эмоциональном* — отрицательная эмоциональная модальность образа противоправного деяния и отрицательная эмоционально-оценочная реакция на данное поведение, представляющая собой предрасположенность к переживанию отрицательных чувств (боязни, предвосхищения угрызений совести и др.) при мысли о возможном совершении такого деяния. Подобная отрицательная эмоционально-оценочная установка обусловлена отрицательным отношением к роли субъекта преступного деяния;

- *установочно-нормативном* — наличие личностного принципа-запрета на совершение определенных противоправных действий: «так действовать нельзя»;

- *установочно-поведенческом* — наличие психологического барьера, проявляющегося в подсознательном сопротивлении внешним или внутренним криминогенным побудительным импульсам.

Второй стороной ядра антикриминальной устойчивости выступает *отрицательная субъективная представленность человека, совершающего преступление*, которая выражает психологическую отчужденность индивида от роли субъекта такого деяния. Подобная отрицательная представленность этого человека проявляется в преобладании отрицательных представлений о нем: от внешних черт до личностных качеств, особенностей образа жизни и жизненных перспектив. Преобладающе отрицательная представленность человека, совершающего преступление, интегрируется в отрицательно-неодобрительное отношение к нему (в виде антипатии, неприязни, отчужденности), которое может иметь различные эмоциональные оттенки и выражать, например, даже сожаление, что этот человек является беспутным, приносит вред другим и себе, неспособен нормально жить.

Антикриминальная устойчивость опосредованно обеспечивается и определенным характером *мотивообразующих свойств личности*: потребностей, интересов, притязаний, влечений и др. Они должны носить социально нормальный и адекватный характер, не порождая у индивида переживание таких побуждений, которые он реально не

может удовлетворить законным путем. Конкретная характеристика этих мотивообразующих свойств выражается в формулировках «от обратного»: *какие мотивообразующие свойства личность не должна иметь*. К таким «нежелательным» свойствам относятся:

- криминогенные влечения или остаточные явления таких влечений, как kleптомания, садизм, пиромания, педофилия и др.;

- социально дезадаптирующие влечения (зависимости) или остаточные явления таких влечений, как наркомания, алкоголизм, токсикомания, игромания и др.;

- гипертрофированные материальные, статусные или иные притязания, которые достичь законным путем реально невозможно и субъект это осознает, однако не может от них отказаться;

- социально дезадаптивные потребности, удовлетворение которых чревато совершением противоправных деяний, например: потребность в общении с криминогенным социальным окружением и обеспечении авторитета в этой среде, тунеядстве и паразитическом образе жизни, устрашающем доминировании при осуществлении взаимоотношений;

- обостренное неприязненное отношение к определенному человеку или представителям определенной социальной группы, которое вызывает при контакте с ними отрицательное эмоциональное возбуждение (гнев) и агрессивную реакцию;

- обостренное переживание отрицательных чувств, связанных с негативной самооценкой или отрицательным социальным отношением к себе (неполноценность, униженность, стигмация и

т. п.), которое сочетается с агрессивно-защитной установкой (стратегией ответного отрицательного отношения).

Для обеспечения антикриминальной устойчивости личности необходимо формирование *внутренней блокировки* возможных проявлений таких свойств (их остаточных явлений) и их формирования. Подобная внутренняя блокировка заключается в убеждениях о негативном значении указанных влечений, потребностей, притязаний; отрицательном отношении к их проявлениям; установке на волевой самоконтроль, сдерживающий их проявления. Блокирующим фактором выступает боязнь приобретения или возобновления негативных влечений (зависимостей), в частности наркомании и алкоголизма. Эта боязнь может рассматриваться как эмоциональная установка переживания отрицательных чувств (страха, стыда, вины, смятения, беспокойства, страдания и т. п.), проявляющаяся реактивно на внешнюю провоцирующую ситуацию или ассоциативно — на внутренние импульсы: мысли, воспоминания, ощущаемые симптомы влечения.

Внутренняя блокировка необходима и в отношении проявлений гнева (с учетом его возможных разновидностей — ревности, обиды) и обусловленного им агрессивного побуждения. Такая блокировка выражается, с одной стороны, в освоенности навыка сдерживания и «сброса» эмоционального возбуждения гнева, а с другой — в формировании эмоционально толерантного отношения к людям в целом и негативно воспринимаемым типам в частности, а также установки на интеллектуально-оценочное (рассудительное) восприятие конфликтных

действий других людей в противоположность эмоционально-оценочному восприятию и аффективному реагированию.

В детерминации законопослушного поведения важную роль занимает *правомерно ориентирующее восприятие* социальных условий и обстоятельств ситуаций. Это восприятие имеет несколько особенностей. Во-первых, оно основывается на социально-правовых ожиданиях, которые выражают *убеждение в наступлении юридической ответственности* при совершении противоправных действий и *высокой опасности* привлечения к ней, что связано с боязнью быть привлеченным к ответственности. Во-вторых, правомерно ориентирующее восприятие заключается в юридически адекватной оценке обстоятельств с точки зрения правомерности-противоправности поведения других лиц, а также своих собственных действий. Такая оценка основывается на общих правовых представлениях и конкретных правовых знаниях, актуальных для жизнедеятельности индивида. В-третьих, подобное восприятие предполагает *правовую предусмотрительность*, которая выражается в *установке оценивать возможные правовые последствия* происходящих событий и вариантов собственного поведения, прежде всего, предполагать возможное их отрицательное развитие, связанное с юридической ответственностью. Правовая предусмотрительность также заключается в установке на недопущение совершения действий, которые можно расценивать как повод для подозрения в подготовке или покушении на совершение преступления.

Еще одним элементом антикриминальной устойчивости личности выступает способность к *правомерному самоопределению в группе*. Она включает в себя установку на критическую оценку поведения членов группы в плане его возможных правовых последствий и готовность отказаться от участия в групповых действиях в случае их противоправности. Эта готовность основана на соответствующем личностном принципе — «не участвовать в противоправных действиях ни с кем, ни поддаваться никакому влиянию, склоняющему к противоправным действиям». Готовность к отказу от участия в групповых действиях также предполагает достаточную волевую решимость и наличие умений достойно выходить из ситуаций, в которых индивид испытывает криминогенное влияние других лиц.

Важной составляющей антикриминальной устойчивости является *комплекс ценностных ориентаций*, который включает в себя, с одной стороны, высокую ценностную значимость правомерного социального статуса, а с другой — высокую антиценность юридической ответственности и неизбежно связанных с ней жизненно важных потерь. Эта антиценность не только выражается в видении жизненных потерь, но и должна обладать высоким мотивирующим потенциалом, сдерживающим противоправное поведение, который выражается в ее актуализации в сознании при мысли о возможном совершении противоправных действий. Такая актуализация должна проявляться ассоциативно и захватывать сознание индивида отрицательными последствиями противоправного деяния (а не положительным результатом или про-

цессом осуществления его осуществления), вызывать предвосхищение опасности и другие негативные эмоции. Наличие устойчивых и доминирующих по силе проявления отрицательных ассоциаций, актуализируемых при любых внешних или внутренних криминогенных импульсах, является важнейшей характеристикой антикриминальной устойчивости личности. Эти ассоциативные связи можно рассматривать как когнитивно-эмоциональные установки, выражающие готовность испытывать отрицательные мысли и чувства при определенных внешних или внутренних криминогенных факторах.

Подводя итог, отметим, что предложенное понимание феномена антикриминальной устойчивости личности, ее структурных составляющих и их содержательных характеристик является первоначальным шагом для научно-прикладной разработки проблемы. Изложенная модель включает в себя системообразующее ядро, выражающее отрицательную представленность преступного способа действий и его субъекта, а также ряд свойств второго порядка, реализуемых в мотивообразовании и социальном восприятии субъекта юридически значимого поведения. Эти свойства, с одной стороны, правомерно ориентируют содержание отражательно-регулятивной психической деятельности субъекта, а с другой — выполняют функции блокирования криминогенных воздействий внешнего и внутреннего рода, включая проявления симптомов ранее присущих индивиду криминальных склонностей и иных дезадаптирующих привычек и влечений. Структурно-содержательная модель антикриминальной устойчивости,

безусловно, открыта для дополнения и углубления знаний. Особое значение при этом имеет их прикладная направленность для использования в психологической диагностике, а также в правовом воспитании и исправлении личности преступников.

Литература

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Смысл, Академия, 2004. — 133 с.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1984. — 445 с.
3. Пастушеня А.Н. Готовность личности к правомерному поведению: структурно-содержательная характеристика // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 46–55.

4. Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция. — Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1998. — 207 с.

5. Пастушеня А.Н. Психологическая характеристика приемлемости преступного деяния как ядра криминогенной склонности личности // Вестн. Академии МВД Республики Беларусь. — 2011. — № 2 (22). — С. 188–194.

6. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. — М.: ИНФРА-М, 1998. — 528 с.

7. Платонов К.К. О системе психологии. — М.: Мысль, 1972. — 201 с.

8. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие / А.М. Столяренко [и др.]; под ред. А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 639 с.

9. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. — 356 с.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППОВОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Е. Л. Сучкова

Аннотация: в статье с теоретических позиций субъектного подхода к исследованию больших социальных групп анализируются внешние и внутренние условия формирования группового правосознания осужденных. Комплекс внешних условий описывается в контексте актуальной общественной ситуации в сфере правоотношений, тесно связанной с историческими и культурно-мировоззренческими особенностями правового сознания россиян. В качестве внутренних условий формирования группового правосознания осужденных анализируются социально-психологические особенности данной общности как группового субъекта.

Ключевые слова: групповое правосознание осужденных, социальные представления, коллективный субъект, субъектность группы, тюремное сообщество, неформальная нормативная система, коллективный копинг.

Summary: the article analyzes external and internal conditions for the formation of convicts' group law consciousness from the theoretical positions of the subjective approach to the study of large social groups. The complex of external conditions is described within the context of the real-time social situation in the area of legal relationships closely connected to the historical, cultural and visionary peculiarities of the law consciousness of the Russian people. Socio-psychological

peculiarities of the prison community as a group subject are analyzed as internal conditions for the formation of convicts' group law consciousness.

Keywords: *convicts' law consciousness, social representations, collective subject, collective subject, prison community, informal regulatory system, collective coping.*

Реформирование уголовно-исполнительной системы направлено на повышение эффективности социальной и психологической работы с осужденными для решения задачи по сокращению рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Усилия должны быть направлены на ликвидацию разрыва, образовавшегося между осужденными и обществом и углубившегося в силу совершения ими преступлений.

Приоритетным направлением в психологической работе с осужденными является проведение психокоррекционных мероприятий по формированию социальной направленности осужденных, снижению уровня деструктивного поведения в местах лишения свободы и более успешной интеграции в общество после освобождения. Деятельность по коррекции смысловой сферы личности осужденных осложняется тем, что в социальной среде осужденных функционирует неформальная система норм, являющаяся основой для формирования специфического группового правового и морального сознания данной категории лиц.

По мнению Г.Ф. Хохрякова, неформальная нормативная система осужденных не только конкурирует с формальными правовыми предписаниями по пове-

дению, но и возникает в связи с ними и одновременно в противовес им — она наиболее развита и устойчива. В местах лишения свободы тюремная субкультура является по сути аналогом официальной правовой системы. У осужденных «наблюдаются не просто дефекты правосознания, не своеобразный правовой вакуум, а нечто иное, что является основой для создания своей нормативной системы. Иными словами, им присуще свое правопонимание. Неформальные нормы поведения как бы подменяют собой правовые, а групповое нормативное сознание заполняет пустоты, которые образовались в силу неразвитости правового и нравственного сознания» [7, с. 7].

Основной предпосылкой формирования группового морального и нормативного сознания Г.Ф. Хохряков считает представления осужденных о справедливости, которые у них сформировались на основе жизненного опыта. Они в соответствии со своим пониманием справедливости лишают действующее право поддержки, не признавая его моральную основу, и отдают ее (поддержку) неформальной нормативной системе. «Право в своем воздействии как бы распадается, будучи лишенным одного из своих элементов — правосознания. А поскольку законы лишаются поддержки со стороны внутреннего мира личности, они начинают существовать для осужденных преимущественно в виде принуждения» [7, с. 28–29]. Лишение права поддержки со стороны нравственно-правового сознания в лице его наиважнейшей категории понижает его действенность.

Именно групповое моральное сознание осужденных, опирающееся на собственное представление о справедли-

ности, дискредитирует существующие правовые нормы. Изменить асоциальные взгляды осужденных можно, ограничив или нейтрализовав влияние группового сознания, неформальных норм поведения. Для разработки стратегий коррекционной работы по изменению негативных представлений осужденных о праве, осознанию причин совершения преступлений и принятию вины и ответственности за свое поведение необходим комплексный анализ условий формирования группового правосознания осужденных.

С целью исследования условий формирования группового правового сознания осужденных необходимо не только изучить социально-психологические особенности среды осужденных, но и осмыслить процессы социальных изменений, происходящих в российском обществе, социально-исторический контекст и культурологические особенности поведения людей в правовой сфере. Работа по изменению правовых взглядов осужденных должна строиться с учетом существующих в России общественных реалий и специфических черт российского менталитета.

Выделим ряд методологических оснований и концептуальных подходов, необходимых для анализа условий формирования группового правосознания осужденных: теория социальных представлений и разработанные в ее рамках подходы к анализу обыденного сознания больших социальных групп в условиях нестабильной общественной ситуации (С. Московичи, Т.П. Емельянова и др.); принципы социокультурной детерминации психических процессов (Г.М. Андреева и др.); субъектный подход (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова,

А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, Т.П. Емельянова).

Под групповым правовым сознанием осужденных понимается совокупность вырабатываемых и разделяемых общностью осужденных социальных представлений в правовой сфере, с помощью которых рассматриваемое сообщество конструирует собственную систему отношений к правовой реальности для адаптации к ней и объяснения собственного правового поведения.

Социальные представления являются способом обыденного познания действительности, ментальным образованием, с помощью которого конструируется внутренняя социальная реальность, картина мира, которая определяет и способ существования группы в социуме, и стратегию ее воздействия на него. Привлечение в качестве методологической основы концепции социальных представлений дает возможность исследовать условия формирования группового правосознания осужденных с учетом социокультурного и исторического контекстов, проследить влияние социальных особенностей данной группы на специфику процесса репрезентации социальных представлений.

Групповое правосознание рассматривается как атрибут коллективного субъекта (общности осужденных). В рамках субъектного подхода внешними условиями конструирования субъектом социальных представлений выступают характеристики общественно-политической ситуации, в которой осуществляется жизнедеятельность большой социальной группы (А.Л. Журавлев, Т.П. Емельянова) [3, с. 9]. В современной России актуальная общественная ситуация представляет собой совокуп-

ность кардинальных социальных преобразований во всех сферах общественной жизни и их последствий.

Комплекс внешних условий формирования группового правосознания осужденных определяется актуальной общественной ситуацией в сфере правоотношений, тесно связанной с историческими и культурно-мировоззренческими особенностями правового сознания россиян. Трансформационные процессы способствовали обострению традиционной для нашей страны проблемы — отрицательного отношения населения к праву и низкого уровня доверия к правовым институтам. Большинство россиян склонно руководствоваться в сфере правоотношений не правовыми принципами и нормами, а соображениями, основанными на житейских представлениях о моральных нормах и справедливости. Моральные представления преобладают над правовыми практически в любой ситуации. Правовые представления не развиты и компенсируются моральными отношениями, которые уславливаются на уровне непосредственного взаимодействия людей [5, с. 75]. Таким образом, в отечественном менталитете роль регулятора поведения выполняет не право, а мораль.

Указанные особенности правовых представлений обусловлены прежде всего спецификой взаимодействия государства и граждан в России. Право исторически воспринималось как навязанный извне приказ государственной власти. Неприятие рациональных форм и формализации права, акцентирование запретительной природы права как средства насилия и принуждения привели к дефициту правосознания в национальном сознании, что получило выражение

в интерпретации права как дополнения нравственности. Неуважение к праву и одновременно страх перед ним приводят к тому, что люди пытаются использовать другие ценностно-нормативные регуляторы поведения. Специфика российского правосознания проявляется в том, что законопослушность напрямую связана с отношением к морали.

Распад Советского государства и последовавшие за ним радикальные изменения в общественном устройстве страны привели к тому, что нравственные нормы, регулирующие как общесоциальные, так и межличностные отношения, были разрушены или существенно деформированы [9, с. 110]. Для современного российского общества характерно подчеркнутое игнорирование окружающих и общепринятой морали и даже умышленное нанесение вреда окружающим. То, что еще недавно было аморальным, становится привычным и повсеместно распространенным.

В ситуации стремительной нравственной деградации российского общества становится совершенно очевидным то, что уровень развития морального сознания большинства населения уже не в состоянии компенсировать неразвитое правовое сознание. Рост преступности в российском обществе тесно связан с кризисом в области нравственности: чем ниже нравственность, тем выше преступность. Когда отсутствует ориентация на моральные нормы, исчезает и компенсаторный механизм законопослушности.

В.Д. Байрамов указывает, что в российском обществе не создана система противовесов моральному релятивизму и конформизму, действует слепой конформизм по отношению к вла-

сти и хаотическое своеволие в отношениях с окружающими. Плохо адаптированные слои ориентированы на ценностный диссонанс, разрыв между провозглашаемыми традиционными ценностями и негативной индивидуализацией, недоверие к идее социального сотрудничества, и подозревают успешно адаптированные слои в агрессивности. Между тем социальная агрессивность присуща массовым слоям в не меньшей степени в виде бытовой и уличной преступности, склонности к девиантному поведению. Кроме того, ценностные ориентации массовых слоев сформировались в условиях массовой дезориентации, безальтернативности выживания, связаны с преодолением социокультурного шока, и если приспособление к переменам произошло, то путем развития реактивных и стереотипных позиций при весьма скромном опыте социальной рефлексии [1, с. 46–47].

Несовершенство законодательства Российской Федерации и практики его применения, избирательность в применении норм права, недостаточность институциональных механизмов, гарантирующих безусловное исполнение требований закона, неотвратимость, соразмерность и справедливость санкций за их нарушение, пропаганда в средствах массовой информации различных моделей криминального поведения усиливают ценностный диссонанс, что отрицательно сказывается на состоянии правосознания населения.

Нестабильность общественно-политической ситуации и нравственная аномия, царящая в современном российском обществе, создают более чем благоприятные условия для обесценивания сообществом осужденных социаль-

ной ценности права и правопослушного поведения. Кроме того, традиционный для российского менталитета приоритет морального регулирования над правовым способствует ориентации осужденных на нормы и принципы неформальной нормативной системы, опирающейся на групповую мораль тюремного сообщества и собственные представления о справедливости. Таким образом, внешние условия формирования группового правосознания осужденных можно охарактеризовать как неблагоприятные с точки зрения усвоения традиции уважения закона, правопорядка и суда, добросовестности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения.

В качестве внутренних условий формирования группового правосознания осужденных выступают социально-психологические особенности данной общности как группового субъекта. С теоретических позиций субъектного подхода к исследованию больших социальных групп субъектность группы одновременно описывается тремя совместными основными признаками: взаимосвязанностью членов группы, совместной активностью и групповой саморефлексивностью, в результате которой формируется чувство «Мы» (прежде всего как переживание своей принадлежности к группе и единения со своей группой) и образ-Мы (как групповое представление о своей группе, ее оценка) [2, с. 64].

Рассматривая факторы, влияющие на уровень субъектности большой социальной группы, А.Л. Журавлев и Т.П. Емельянова отмечают, что эмоциональные состояния стресса, фрустрации, неудовлетворенности активизируют процессы ментальной активности, выстраивания ин-

терпретаций, прогнозов, порождают рефлексивные процессы, направленные на понимание места, роли, социального потенциала и проблем своей группы, активизируют социально-психологические процессы внутренней связности, чувства принадлежности к группе, осознание своих социально-психологических черт как члена этой группы [3, с. 9–10].

Попадая в места лишения свободы, осужденные остро осознают тот разрыв, который образовался между ними и обществом, понимают, что значимость их личности в глазах общества понизилась. Нахождение в условиях социальной эксклюзии помогает осужденным объединиться, осознать себя общностью людей, связанных похожей судьбой, — «мы». В то же время они знают, что за стенами колоний живут свободные люди. «Между ними, заключенными, и теми свободными — незримая черта. Поэтому свободные люди — это “они”. Консолидация заключенных с неизбежностью приводит к разделению на “мы” и “они”» [8, с. 44].

Осознание осужденными своей принадлежности к сообществу «мы» спланирует их и способствует пониманию необходимости поддерживать членов своей группы для соблюдения интересов своей общности. Именно поэтому в неформальных нормах достаточно жестко регламентируется порядок взаимоотношений осужденных друг с другом и с теми, кто относится к группе «они» (прежде всего с администрацией учреждения). Общий принцип, определяющий правила поведения в местах лишения свободы, — «Не причиняй вреда никому, потому что от этого страдаем мы все, и не делай ничего такого, что вредит всем нам, так как от этого страдает каждый из нас»

[8, с. 65] — создает основу взаимосвязанности членов сообщества и проявлений совместной активности для достижения коллективных целей.

Отсутствие возможности сменить принадлежность к общности заставляет осужденных интенсивно наделять ценностями свое собственное сообщество. «Наделение происходит согласно простому правилу: общество в лице его обыденного сознания отнимает у осужденных возможность считаться полноценными личностями, а те в лице их группового сознания отказывают обществу в справедливости, равенстве, приписывая их себе» [7, с. 37]. За счет ценности сообщества «мы» осужденные сохраняют ценность отдельного «я».

Рассматривая социальную организацию тюремного сообщества в России, А.Н. Олейник обращается к типологии субъектов, разработанной социологией действия. В данной классификации значимы два критерия: характер актора (индивидуальный или коллективный) и характер его сознания (позитивное, то есть несущее позитивный проект организации повседневной жизни, или негативное, ориентированное на критику существующих правил игры). Переход от одной формы существования субъекта к другой происходит в зависимости от контекста: организационного, институционального или политического. В тюрьме переход к высшим уровням действий, институциональному или политическому, практически невозможен ввиду жестких репрессий из-за любых коллективных протестов осужденных. Существование коллективного субъекта протекает в латентной форме, что «затрудняет переход от негативного сознания к позитивному» [4, с. 44].

Не согласимся с позицией А.Н. Олейника в том, что только невозможность открытого проявления коллективного субъекта в тюрьме и перехода к высшим уровням действий (институциональному и политическому) препятствует его трансформации от негативного сознания к позитивному. «Тюремное» сознание не становится позитивным не потому что отсутствуют условия для институционализации интересов сообщества осужденных, а в силу его расхождения с общечеловеческими гуманитарными ценностями. Обладая всеми признаками субъектности, общность осужденных не направлена на создание позитивного проекта социального устройства и является носителем негативного группового сознания.

Сообщество осужденных рассматривается как группа, находящаяся в социально-неблагополучных условиях и идентифицирующаяся как социально фрустрированная, что проявляется в эмоционально-оценочных компонентах социальных представлений в правовой сфере. Составляющие групповое правосознание осужденных социальные представления в правовой сфере выполняют мировоззренческие функции, обеспечивая понимание и объяснение происходящего, способствуют психологическому комфорту членов группы.

Для сохранения позитивного представления о себе и членах своей группы осужденные прибегают к различным способам оправдания своего поведения. Социально-правовой контроль нейтрализуется не только психологическими защитными механизмами, с помощью которых индивид оправдывает свое поведение, но и с помощью группового сознания осужденных, представленно-

го в принципах и нормах тюремной субкультуры.

В ситуации социальной эксклюзии происходит трансформация внутригрупповых дискурсов (или социальных представлений), которые направляются на восстановление и защиту прежнего статуса группы. Таким образом, социальные представления в правовой сфере, вырабатываемые и разделяемые общностью осужденных, можно рассматривать как результат группового (коллективного) копинга, ослабляющего действие права.

В наших исследованиях были получены данные о том, что в представлениях значительной части опрошенных осужденных закон и справедливость вообще являются диаметрально противоположными понятиями, никак не связанными между собой [6, с. 54–55]. При этом явный приоритет отдается нормам справедливости. Большая часть осужденных заявили о том, что деятельность правоохранительных органов в нашей стране нельзя считать справедливой («нет, так как одни бандиты, которые только прикрываются погонями», «злоупотреблений много, заинтересованности, а ведь УК не только для осужденных, но и для сотрудников»), «несправедлива, она нужна, если только осуществлять порядок, а так — много коррупции», «много несправедливых вещей ими делается обманым путем, под давлением — это сплошь и рядом»).

Отношение к собственному противоправному поведению предопределяет и характер отношения к мерам правового воздействия. Наказание, назначенное судом, большинство осужденных оценивает как несправедливое, не соответствующее тяжести и опасности со-

вершенного деяния. Большинство опрошенных осужденных считают, что деятельность судебной системы нельзя считать справедливой, но при этом одни отмечают, что несовершенна система принятия судебных решений («наша судебная система отсталая: живет советскими временами», «сам порядок следствия, суда не соответствует справедливости и не выполняет свою функцию — предотвращение преступлений»), а другие (большая часть) говорят о злоупотреблениях должностными полномочиями, коррумпированности судебной системы, предвзятом отношении к ранее судимым и т. п. В пример практически все опрошенные приводили судебные приговоры, вынесенные им с нарушениями процедуры принятия судебного решения («меня несправедливо наказали, даже с точки зрения закона: повлияла моя прошлая судимость», «в моем случае суд вообще был беспредельный: ничего не анализировали, доказательств никаких не было, суд был просто куплен»).

Анализ внутренних условий формирования группового правосознания осужденных свидетельствует о том, что нахождение в условиях социальной изоляции способствует активному продуцированию дискурса о крайне значимых для данной группы правовых явлениях, что приводит к широкому распространению в сообществе осужденных социальных представлений, позволяющих нейтрализовать или ослабить влияние социально-правового контроля.

Рассмотрев внешние и внутренние условия формирования группового правосознания осужденных, можно говорить о том, что они создают благоприятную почву для ориентации осужденных на неправопослушное поведение и принятия неформальных норм тюремного сообщества как антипода официальной правовой системы. Коррекция входящих в групповое правосознание осужденных правовых представлений должна носить комплексный характер и строиться с учетом всех описанных выше условий его формирования.

Литература

1. Байрамов В.Д. Социальный хаос в российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. — Ростов н/Д, 2009.
2. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — С. 51–81.
3. Журавлев А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психолог. журн. — 2009. — Т. 30. — № 3. — С. 5–15.
4. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. — М.: ИНФРА-М, 2001.
5. Славская А.Н. Правовые представления российского общества // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. — М.: Ин-т психологии РАН, 1997. — С. 75–92.
6. Сучкова Е.Л. Коррекция правовых представлений осужденных: метод. рек. для психологов уголовно-исполнительной системы. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011.
7. Хохлаков Г.Ф. Формирование правосознания осужденных: учеб. пособие. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1985.
8. Хохлаков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. — М.: Юрид. лит., 1991.
9. Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Психолог. журн. — 2009. — Т. 30. — № 3. — С. 107–117.

РАЗВИТИЕ ОТКРЫТОЙ, СКРЫТОЙ АГРЕССИИ И СОВЕРШЕНИЕ ПОДРОСТКАМИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Е. Г. Дозорцева, Д. С. Ошевский

Аннотация: статья посвящена проблеме агрессии у подростков. Отмечается актуальность этой темы в связи с общественным обсуждением вопроса о снижении возраста уголовной ответственности. Рассматриваются категории открытой и скрытой агрессии, описываются результаты недавних исследований развития этих видов агрессии у детей и подростков, а также разработанные на основе этих исследований модели траекторий, по которым развивается противоправное поведение у несовершеннолетних. Анализируется проблема факторов развития агрессии, в том числе жестокого обращения и семейного насилия, применительно к современной ситуации в российском обществе.

Ключевые слова: открытая агрессия, скрытая агрессия, несовершеннолетние правонарушители, развитие агрессии, траектории развития противоправного поведения, факторы риска насилия, жестокое обращение.

Summary: the article deals with the problem of aggression in juveniles. The importance of the topic is stressed, especially due to the public discussion about the diminishing of the criminal responsibility age for juvenile offenders. The categories of overt and covert aggression are discussed. The results of the recent international studies concerning development of these aggression types in children and adolescents, as well as development trajectories models based on their data, are described. The analysis of the prob-

lem of factors influencing aggression development, among them child abuse and intra-familial violence, in application to the current situation in Russian society is presented.

Keywords: overt aggression, covert aggression, juvenile offenders, aggression development, trajectories of delinquency development, violence risk factors, child abuse.

В средствах массовой информации все чаще говорится о росте преступности несовершеннолетних. Общественные деятели, депутаты Государственной Думы РФ выражают озабоченность этим обстоятельством и предлагают понизить возраст уголовной ответственности за совершение тяжких преступлений до 12 лет. При этом данные МВД России свидетельствуют об обратном: за последние 5–6 лет наблюдалось устойчивое снижение количества уголовно наказуемых действий несовершеннолетних, в том числе тяжких преступлений, таких как убийства и причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Однако их относительное количество продолжает существенно превышать европейские показатели. В качестве аргумента в пользу понижения возраста уголовной ответственности сторонники этой позиции указывают на рост общественно опасных деяний, совершаемых детьми и младшими подростками до достижения 14 лет, нынешнего минимального возраста уголовной ответственности,

а также на жестокий агрессивный характер действий малолетних, чувствующих свою безнаказанность. Точных статистических данных, которые подтверждали бы этот тезис, нет, однако отдельные примеры жестокости 12–13-летних подростков действительно производят отталкивающее впечатление. Проблема агрессии детей и подростков становится одной из общественно значимых тем, что требует и более внимательного отношения к ней специалистов. Встает вопрос о том, как возникает и развивается агрессивное поведение в детском и подростковом возрасте, какие формы оно приобретает, как это может быть связано с совершением подростками правонарушений.

Определения понятия «агрессия» отличаются в деталях у разных специалистов в этой области, однако большинство из них выделяют в качестве наиболее существенных признаков агрессивного поведения его целенаправленность, преднамеренность, нарушение норм сосуществования людей, разрушительный характер, нанесение вреда, физического и морального, в том числе причинение людям психического дискомфорта [2; 3 и др.]. Среди разнообразных классификаций агрессии (физическая и вербальная, проактивная и реактивная, инструментальная и фрустрационная и др.) нас будет интересовать дихотомия открытой и скрытой агрессии. Открытая агрессия, проявляющаяся в физической или вербальной форме, давно стала предметом исследования психологов. Скрытая (*covert aggression*) агрессия, которую нередко рассматривают как синоним агрессии в сфере отношений (*relational aggression*) или социальной агрессии (*social aggression*), при-

влекла внимание специалистов позже, главным образом в связи с проблемой буллинга, травли, как правило, в школьной или рабочей среде (в последнем случае используется также термин «моббинг»). Скрытая агрессия в таком контексте понимается как агрессивное поведение, направленное на причинение вреда отношениям или социальному статусу его объекта. Вместе с тем агрессия в сфере отношений не исчерпывает понятия «скрытая агрессия», которое может включать в себя также пассивно-агрессивное поведение (подавленный гнев проявляется косвенно в забывчивом, безответственном, амбивалентном, избегающем поведении), манипуляции другими людьми (например, мошенничество). В то же время и агрессия в сфере отношений может быть как скрытой (распространение слухов), так и открытой (угроза перестать дружить) [11]. Вероятно, скрытая агрессия ближе всего к понятию косвенной агрессии, неочевидной, но причиняющей вред социальным и иным аспектам интересов и благополучия человека. Каким же образом соотносятся между собой открытая и скрытая агрессия в процессе развития ребенка и подростка?

В психологической литературе широко представлены концепции причин и факторов возникновения и развития агрессии. Большая их часть относится к формированию открытой физической агрессии. Биологический аспект проблемы в последние годы активно развивается Э. Рейном [13]. Он постулирует прямые связи между генетическими факторами, биохимическими процессами, структурными особенностями мозга и формированием асоциальной личности, совершающей агрессив-

насильственные преступления. Вместе с тем большее распространение в разработке проблематики агрессии получили социально ориентированные подходы. Одно из центральных мест среди них традиционно занимает теория социального научения А. Бандуры (1973), который рассматривает агрессию в качестве социального поведения, включающего в себя действия «за которыми стоят сложные навыки, требующие всестороннего научения» [2]. Сходными идеями руководствуются и те психологи, которые объясняют возникновение агрессии у ребенка социальными причинами: интеракцией, передачей агрессивных образцов поведения в «цикле насилия», где пострадавший от агрессии в дальнейшем сам становится агрессором (Forehand R. et al., 1975; Dodge, K. A. et al., 1990). Несмотря на признание определенной роли биологических факторов в возникновении агрессии, представители этого направления считают ее приобретаемым феноменом, которым ребенок изначально не обладает. В то же время в возрастном аспекте формирование агрессии ими не изучалось.

Динамической стороне развития агрессии у детей и подростков посвящены работы группы канадских исследователей под руководством Р. Трэмбля (1995, 2004, 2005), основанные на лонгитюдном исследовании группы детей в возрасте от 2 до 15 лет. Одна из серий исследования заключалась в том, что матери детей от 2 до 12 лет фиксировали по специальной системе проявления их физической агрессии. Оказалось, что наибольшее количество агрессивных актов совершали дети в возрастном промежутке от 2 до 3 лет, после чего их агрессивная активность постепенно

существенно уменьшалась. На основании полученных данных исследователи [в отличие от тех, кто придерживается положений теории научения] пришли к выводу, что дети не столько научаются быть агрессивными, сколько обучаются быть неагрессивными благодаря социализирующим воспитательным тактикам родителей. Кроме того, Р. Трэмблей и его сотрудники считают, что необходимо создавать условия для детей, помогающие им быть неагрессивными, а успех родителей в снижении агрессии детей зависит от того, насколько они сами обучились этому в детстве. Кроме того, авторами этой концепции был сделан вывод о том, что худшие формы нарушения поведения никогда не бывают с поздним началом. Однако, как показал специальный анализ, проведенный исследователями в группе мальчиков от 6 до 15 лет, в склонности детей к совершению физических агрессивных действий существуют типологические различия. Были выделены четыре типа детей. Два из них характеризовались полярными, очень высокими и очень низкими, показателями открытой агрессии, которые практически не изменялись с возрастом. Два других, промежуточных, типа различались высоким и низким исходными уровнями агрессивного поведения, но проявляли отчетливое снижение физической агрессии к 15 годам. Первые, полярные, типы, каждый из которых насчитывал 10–15 % общей выборки, оказались как бы независимыми от социальных воздействий. Один из них, с низким уровнем агрессии, в коррекции не нуждался, другой, отличавшийся самой высокой агрессивностью, проявлял резистентность к социальным влияниям. Промежуточные же группы составляли

подавляющее большинство обследованных, и именно они представляли собой пример успешной социализации.

Вместе с тем, как обнаружил проведенный теми же исследователями анализ поведения детей от 4 до 11 лет, падение уровня физической агрессии сопровождалось соответствующим увеличением косвенной (скрытой) агрессии. При этом отчетливо проявились гендерные различия. Косвенная агрессия у мальчиков на всех возрастных этапах оставалась ниже уровня физической агрессии. Физическая агрессия у девочек была выше косвенной лишь в возрасте 4–5 лет, оба вида сравнялись в 6 лет, а затем косвенная агрессия превышала у них не только собственную физическую, но и уровень косвенной агрессии у мальчиков. Таким образом, можно предположить, что развитие косвенной, скрытой, агрессии является побочным продуктом социализации и определенной заменой физической агрессии в процессе социальной адаптации [15].

Исследования соотношений открытой и косвенной агрессии у подростков было продолжено в последние годы на материале канадского национального лонгитюдного исследования детей и подростков, охватившего 2338 подростков обоего пола от 10 до 15 лет [8]. У подростков были выделены три отчетливые траектории изменений с возрастом физической агрессии (отсутствует — 32,5%, средняя уменьшающаяся — 52,2, высокая увеличивающаяся — 15,3%) и три траектории косвенной агрессии (низкая снижающаяся — 29,9%, умеренная снижающаяся — 65,5, высокая — 4,6%). Сочетания траекторий показывают, что самая большая группа детей (41,6%) демон-

стрировала умеренные уменьшающиеся траектории как физической, так и косвенной агрессии. Пропорция мальчиков выше в группах, для которых свойственны сочетания низкой косвенной агрессии с умеренной уменьшающейся физической агрессией и умеренной косвенной агрессии с высокой увеличивающейся физической агрессией. Девочки преобладают в группах с сочетаниями низких уровней косвенной и физической агрессии и умеренной косвенной агрессии с низкой физической. Не обнаружено подростков, у которых был бы низкий уровень по одному виду агрессии и высокий по другому. Итак, косвенная агрессия не просто является замещением или «социализированной» компенсацией физической агрессии, а скорее дополняет, сопровождает ее, составляя особую форму проявления повышенной агрессивности. Для предмета нашего анализа интерес представляют подростки, демонстрирующие повышенные траектории развития косвенной и физической агрессии. Согласно результатам описываемого исследования, именно они проявляли значительно больше симптомов делинквентности, депрессии и низкого эмоционального интеллекта, чем их сверстники с пониженными траекториями проявления агрессии.

Проведенный в 2012 г. мета-анализ 105 исследований траекторий развития агрессии у подростков выявил различные варианты таксономии, охватившие от 2 до 7 подгрупп внутри подростковой популяции. Однако большая часть работ подтвердила справедливость классификации, предложенной Т. Моффит (1993), которая описала три категории подростков: тех, кто не проявляет агрессивности и делинквентности и делинквентных тен-

денций; подростков, уменьшающих с возрастом уровень агрессии; хронических правонарушителей, увеличивающих интенсивность агрессии [9].

В несколько ином ракурсе рассмотрели проблему развития делинквентного поведения и агрессии подростков исследователи под руководством Р. Лёбера в рамках Питтсбургского лонгитюдного изучения делинквентности несовершеннолетних [10]. Ими была предложена схематическая модель формирования такого поведения, включающая три траектории, или пути к преступности, у мальчиков. Первая, наиболее ранняя в возрастном плане, получила название траектории конфликта с авторитетами. Она начинается до наступления подросткового возраста с таких явлений, как упрямство, непослушание, переходит затем в вызывающее и дерзкое поведение и заканчивается избеганием авторитетов в виде прогулов, поздних возвращений домой, побегов из дома (то есть теми феноменами, которые в другой терминологии относят к пассивно-агрессивному поведению). Эта траектория частично представляет собой предшествующую фазу или сопровождение двух других траекторий, которые обозначаются как открытая и скрытая. Скрытая траектория возникает, как правило, в возрасте до 15 лет и начинается с мелких девиаций и правонарушений (например, частая ложь, мелкие кражи из магазинов). В дальнейшем скрытая форма делинквентности усиливается и находит выражение в виде повреждений имущества (вандализма, поджогов), умеренно серьезных (мошенничество, карманные кражи) и серьезных правонарушений (угоны машин, кражи с проникновением в жилище). Открытая траекто-

рия берет начало в мелких проявлениях агрессии, таких как буллинг, приставание к другим детям и подросткам, переходит в драки, как одиночные, так и групповые, и развивается в серьезные проявления насилия (изнасилования, нападения, в том числе с оружием, убийства). Если первоначальные формы поведенческих девиаций, относящихся к каждой траектории, начинаются в младшем возрасте и встречаются у большого числа детей и подростков, то серьезные преступные действия совершает значительно меньшее количество несовершеннолетних в старшем возрасте. Нередки случаи, когда подростки с наиболее серьезными поведенческими проблемами сочетают все три траектории. Вместе с тем эмпирические данные свидетельствуют о том, что подобные сочетания имеют асимметричный характер: мальчики, следующие открытой траектории и проявляющие все большую агрессию, демонстрируют склонность и к действиям, характерным для скрытой траектории, но не наоборот. В данном исследовании также подтверждается положение о том, что чем раньше возникает проблемное поведение ребенка, тем больше вероятность развития серьезных форм делинквентности.

С нашей точки зрения, остается дискуссионным вопрос о том, относятся ли перечисленные варианты противоправных действий скрытой траектории к категории «скрытая агрессия», ибо некоторые из них (например, мошенничество) наверняка можно включить в эту категорию. Далее встает вопрос, какие факторы отличают несовершеннолетних, совершающих открытые агрессивные-насильственные криминальные действия, от тех, кто совершает

неагрессивные деликты. Эта проблема была рассмотрена в работе Д.С. Ошевского [4], посвященной особенностям психического развития у подростков 14–17 лет, проходивших комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу в связи с совершенными ими общественно опасными деяниями. Среди ряда факторов риска насилия, характеризующих индивидуально-психологические особенности, историю жизни подростка, его социальное окружение, подростков, совершивших агрессивно-насильственные преступления, от правонарушителей, не склонных к открытой агрессии, статистически значимо ($p < 0,001$) отличали прежде всего обстоятельства их прошлой жизни: история жестокого обращения в детстве, ранний собственный опыт насилия и попытки совершения аутоагрессивных действий (самоповреждения, суицида). Кроме того, значимые отличия заключались в так называемых факторах защиты, к которым относились наличие привязанностей и связей в ближайшем окружении подростка, а также социальной поддержки, что было характерно для подростков, не склонных к агрессии, в то время как у их сверстников, совершивших агрессивно-насильственные деликты, в этой сфере наблюдался явный дефицит. Таким образом, открытая агрессия, тяжелые агрессивно-насильственные преступления подростков действительно являются итоговыми звеньями в цепи предшествующих агрессивных действий, как их собственных (в том числе аутоагрессивных), так и направленных на них самих со стороны ближайшего, как правило, семейного окружения, которое не служит для таких под-

ростков опорой или центром эмоциональных связей.

Проблеме источников скрытой агрессии у детей и подростков в последнее время также посвящались специальные исследования. Корни и этого вида агрессии обнаруживаются в семейных отношениях, прежде всего детско-родительских, составляющих основную сферу социальной ситуации развития ребенка. Мета-анализ исследований, проводившихся в этой области [11], позволил заключить, что позитивный родительский стиль, как отца, так и матери, связан с меньшим уровнем скрытой агрессии (агрессии в отношениях) у детей. Под позитивным родительским стилем, который также обозначается как авторитетный, понимается сочетание эмоциональной теплоты, твердого контроля и четких стандартов поведения. Теплое отношение к ребенку, чувствительность к его состоянию, эмоциональная откликаемость родителей выступают наряду с их требовательностью и четким обозначением границ допустимого. В то же время авторитарному, жесткому (высокий контроль и низкая эмоциональная откликаемость) и попустительскому, стимулирующему вседозволенность (высокая откликаемость при низком контроле), стилям соответствует повышенный уровень скрытой агрессии. Склонность к агрессии в отношениях стимулируется и психологически контролирующим поведением родителей по отношению к ребенку, то есть нарушающим психологическую автономию ребенка и проявляющимся в таких тактиках, как угроза лишения любви, внушение чувства вины, негативное аффективное выражение неодобрения или обвинения, гиперпротекция или собствен-

ническое отношение к ребенку. Этот вариант поведения сам по себе очень близок к скрытым агрессивным стратегиям и манипуляции в отношениях, в качестве образца он усваивается ребенком, а затем реализуется им в отношениях с окружающими.

Если вернуться к проблеме агрессивного противоправного поведения подростков в России и его предупреждения, то среди многих факторов, которые могут обуславливать подобное поведение, условия семейного воспитания занимают одно из главных, если не главное место. Мы уже упоминали жестокое обращение в семье как особый фактор, отличающий подростков с агрессивным криминальным поведением. В этом контексте хотелось бы обратить внимание на проблему насилия по отношению к детям, в частности, физических наказаний. Не претендуя на сколько-нибудь широкое освещение этой темы в рамках настоящей статьи, сошлемся на результаты недавних социологических опросов. Один из них был выполнен специалистами Левада-центра в 2013 г. Он, в частности, показывает динамику отношения россиян к допустимости применения таких наказаний по отношению к подросткам 13–14 лет с 2000 года до настоящего времени. Если до 2010 г. количество ответивших на этот вопрос положительно составляло около 30 %, то в мае 2013 г. — 45 %. Одновременно число респондентов, выбравших ответ «определенно нет», уменьшилось с 37 % в 2000 г. до 15 % в 2013 г. Другой опрос был проведен в 2010 г. по заказу Уполномоченного по правам человека в городе Москве и Уполномоченного по правам ребенка в городе Москве

для оценки современной ситуации и выявления основных тенденций в состоянии насилия по отношению к детям на репрезентативной выборке из 1,5 тысяч школьников в возрасте от 14 до 17 лет [6]. По данным опроса, случаи, когда детей выгоняли из дома, не пускали домой и часто избивали, встречались редко (0,8 %), однако до 5 % детей находились в социально опасном положении в связи с физическим насилием, а 20 % — в зоне риска по физическому насилию. Показателен, однако, с нашей точки зрения, следующий результат: физические наказания в принципе считают допустимыми 51,5 % подростков, нормальными — 7,5 %. Речь при этом идет о подростках из категории «условной нормы». Какое значение имеют названные тенденции для динамики подростковой преступности, агрессивно-насильственных деликтов, насколько успешно «отучаются» наши дети быть агрессивными, или, наоборот, обучаются агрессивным образцам поведения, покажут время и дальнейшие исследования.

Литература

1. Большая психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. — М.: Прайм-Еврознак, 2003.
2. *Бэррон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб.: Питер, 2001.
3. *Ениколопов С.Н.* Психология агрессии: основные подходы // Вестн. Псков. Вольного ун-та. — 1994. — № 1. — С. 62–68.
4. *Ошевский Д.С.* Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (психологический аспект): дис. ... канд. психол. наук. — М., 2006.
5. Россияне о ювенальной юстиции и наказаниях по отношению к детям // <http://www.levada.ru/03-06-2013/rossiyane-o-yuvenalnoi-yustitsii-i-nakazaniyakh-po-otnosheniyu-k-detyam> (дата обращения: 05.06.2013).

6. Смакотина Н.Л. Подростки мегаполиса о проблеме насилия. Результаты социологического исследования // Ценности и смыслы. — 2011. — № 4 (13). — С. 73–92.

7. Состояние преступности // <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports> (дата обращения: 15.06.2013).

8. Developmental Trajectories of Physical and Indirect Aggression From Late Childhood to Adolescence: Sex Differences and Outcomes in Emerging Adulthood / K. Cleverly et al. // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. — Vol. 51. — Iss. 10. — 2012. — P. 1037–1051.

9. Jennings W.G., Reingle J.M. On the number and shape of developmental/ life-course violence, aggression, and delinquency trajectories: A state of the art review // Journal of Criminal Justice. — 2012. — № 40. — P. 472–489.

10. Loeber R., Lacourse E., Homish D.L. Homicide, Violence and Developmental Trajectories // Developmental origins of aggression / R.E. Tremblay, W.E. Hartup, J. Archer (Eds.). — New York: Guilford

Press, 2005. — P. 202–222.

11. Maternal and paternal parenting styles associated with relational aggression in children and adolescents: A conceptual Analysis and meta-analytic review / Y. Kawabata et al. // Developmental Review. — 2011. — № 31. — P. 240–278.

12. Physical aggression during early childhood: trajectories and predictors / R.E. Tremblay // Pediatrics. — 2004. — № 114. — P. 43–50.

13. Raine A. The Anatomy of Violence: The biological roots of crime. — Pantheon Books. — Toronto, 2013.

14. Tremblay R.E., Nagin D.S. The Developmental Origins of Physical Aggression in Humans // Developmental origins of aggression / R.E. Tremblay, W.E. Hartup, J. Archer (Eds.). — Guilford Press. — New York. — 2005. — P. 83–106.

15. Vaillancourt T. Indirect Aggression among Humans: Social Construct or Evolutionary Adaptation? // Developmental origins of aggression / R.E. Tremblay, W.E. Hartup, J. Archer (Eds.). — New York: Guilford Press, 2005. — P. 158–177.

ИССЛЕДОВАНИЕ АТРИБУЦИИ АГРЕССИИ ПО МИМИКЕ С ПОМОЩЬЮ КОМПЬЮТЕРНОЙ МЕТОДИКИ РЭМ

С. Н. Ениколопов, Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова

Аннотация: в статье представлены результаты пилотажного исследования склонности к атрибуции агрессии с помощью разрабатываемой методики РЭМ-А. Проведенное исследование дало ответы на вопросы, связанные с реакциями наблюдателя на проявление агрессии или страха на лице незнакомца, а также с особенностями распознавания эмоций на лицах людей разного возраста и пола.

Ключевые слова: распознавание эмоций, приписывание эмоций, агрессивность, эмоционально окрашенная мимика.

Summary: this article presents the results of piloting investigations of the pro-

ensity for the attribution of aggression by the developed methods of rem-a. The study gave answers to the questions related to the reactions of the observer on the display of aggression or fear on his face stranger, as well as the peculiarities of recognition of emotions on people's faces once-age children and sex.

Keywords: recognition of emotion, emotion attribution, aggressiveness, emotive facial expressions.

В исследованиях агрессивного поведения встает проблема взаимосо- гласования описаний агрессии на общепсихологическом и социально- психологическом уровнях. Модельным

примером, на котором к решению этой проблемы можно приблизиться, является феномен приписывания эмоций, в частности, атрибуции социальных эмоций, таких как гнев, презрение, вина, стыд.

В социальной психологии явление приписывания используется как объяснительный механизм в рамках атрибутивных теорий. Как известно, в работах Г. Келли показано, что можно рассматривать субъекта восприятия как вполне рациональную личность, делающую выводы на основе наблюдений в соответствии со схемой ковариации событий во времени. Им же был проанализирован случай, когда атрибуция опирается на одно-единственное наблюдение, а человек тем не менее демонстрирует достаточную категоричность суждения. Как показали дальнейшие исследования в области социальной атрибуции, особенно ярко эта готовность к атрибутированию на основе первого взгляда проявляется в случае связывания некоего внешнего признака человека с определенным психологическим свойством. Подобные автоматизмы Л. Росс назвал ложными корреляциями [1]. Представляется, что в ситуации распознавания эмоционального состояния незнакомого человека по изменениям его мимики наблюдатель опирается в первую очередь на такие основанные на ложных корреляциях предположения, позволяющие предугадывать постепенно проявляющуюся эмоцию и выносить суждение, не доводя дело до полной и однозначной манифестации чувств незнакомца. Ясно, что высокая скорость и точность распознавания нарастающего эмоционального состояния обеспечивает наблюдателю пространство для ма-

невра в общении, что в случае развития у партнера именно эмоций агрессивного круга служит инструментом повышения безопасности. В связи с этим можно ожидать, что атрибуция гнева будет тем отчетливее, чем выше для наблюдателя риск при столкновении с разгневанным незнакомцем стать его жертвой и, видимо, приписывание агрессивных переживаний будет происходить чаще в отношении мужчин, чем женщин, и молодых мужчин, чем пожилых.

В последние годы изучение феномена приписывания эмоций активно ведется при исследовании межгрупповой дифференциации [2]. Было обнаружено, что при восприятии эмоций проявляется ингрупповой фаворитизм. Так, членам ингруппы чаще приписывается переживание так называемых вторичных эмоций (сожаление, восхищение, нежность, разочарование), которые, по мнению людей, присущи исключительно человеку и отсутствуют у животных. Видимо, это позволяет субъекту восприятия рассматривать членов своей группы как более типичных представителей человечества, чем членов аутгруппы. Помимо описанного эффекта, существуют и другие различия в приписывании эмоций членам разных групп. Например, в ситуациях с негативным исходом членам высокостатусных групп приписываются большая выраженность злости и меньшая — подавленности и чувства вины, чем низкостатусным, а в ситуациях с позитивным исходом большая гордость и меньшая признательность. Следовательно, можно ожидать, что пол и возраст наблюдателя должны сказываться на его склонности приписывать определенный тип эмоций наблюдаемому персо-

нажу в зависимости от пола и возраста последнего.

Для общей психологии приписывание эмоций — это прежде всего сфера действия фиксированных познавательных гипотез (в рамках когнитивного подхода) и защитных механизмов, точнее, проекции и перцептивной защиты (в рамках психоаналитического подхода). Соответственно, предшествующий опыт, в том числе травматический, должен оказывать влияние на склонность человека приписывать партнеру по общению определенный тип эмоциональных состояний. Возможно, в некоторых случаях действие социально-психологических механизмов будет подавляться. Так, утрата доверия к миру может приводить к ослаблению групповой идентичности и, как следствие, к нивелированию различий между эмоциями «своих» и «чужих». В общем случае можно ожидать, что плохая система переработки опыта будет приводить к систематическим ошибкам в прогнозировании эмоций и ошибкам в их восприятии. При этом если у психологически благополучных людей мы будем наблюдать стандартные ошибки, связанные с действием стереотипов и ложных корреляций, которые обусловлены социально-демографическими особенностями человека, а также с влиянием ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации, то у людей с личностными проблемами ошибки будут более индивидуализированы и плохо предсказуемы с позиций социально-психологических моделей.

В проведенном исследовании была предпринята попытка экспериментально проверить выдвинутые предположения. Испытуемому предлагалось угадать

ту эмоцию, развитие которой он может вычислить по выражению лица человека, показанного в видеоролике. Для этого разработанная ранее авторами компьютерная методика распознавания эмоциональной мимики РЭМ [3] была модифицирована. В базовой версии методики РЭМ испытуемый решает задачу обнаружения изменений в выражении лица модели на экране компьютера и определения ее эмоционального состояния. Переход от нейтрального выражения лица к эмоционально окрашенному осуществляется с помощью процедуры морфинга, что позволяет организовать для испытуемого процесс построения мимического образа эмоции и измерять время, необходимое субъекту восприятия для формирования гештальта данного эмоционального состояния. Предлагаемая процедура задается как трансформация на основе использования двух функций: функции деформации, то есть направленности трансформации черт лица, и функции переходов, или интенсивности трансформации. Этим функциям соответствуют два показателя методики — точность и время ответа.

В базовой версии испытуемому предъявляются шесть видеороликов одной модели с шестью базовыми эмоциями (страх, гнев, печаль, радость, удивление, презрение). В новой модификации РЭМ-Атрибуция испытуемый решает задачу последовательной категоризации эмоциональных выражений, возникающих на лицах пяти моделей — женщины и мужчины среднего возраста, женщины и мужчины пожилого возраста, мальчика младшего школьного возраста. Мимические выражения моделей соответствуют базовым эмоциям:

гнев, печаль, презрение, радость, страх, удивление. В качестве ответа испытуемый должен выбрать название эмоции из предлагаемого ему списка 17 категорий, куда, наряду с названиями базовых эмоций, включены и семантически смещенные названия. Так, семантика слова «гнев» и семантика слова «возмущение» близки, но не тождественны и, атрибутируя незнакомцу возмущение, мы в меньшей степени будем ждать от него физической агрессии, чем от того, кто охвачен гневом. В эксперименте в этом случае мы при оценке распознавания можем учитывать как семантически точное (например, ответ «гнев» при демонстрации гнева на лице модели), так и семантически размытое приписывание (ответы «гнев», «возмущение» и «злоба» при демонстрации гнева). Для снятия эффекта места слова в списке на протяжении выполнения задания порядок слов-ответов постоянно меняется. Процедура подразумевает, что испытуемый, наблюдая за постепенным изменением выражения лица модели от нейтрального до сильно выраженного эмоционального состояния, останавливает процесс, когда считает, что может уверенно определить, какую именно эмоцию испытывает модель. При этом он выбирает название эмоции не только из слов, обозначающих базовые эмоции, когда за каждым словом предьявляемого списка стоит отчетливо различимая реальность переживаний, но и из слов, которые обозначают очень близкие эмоции, из слов, иногда используемых как синонимы. Таким образом, в эксперименте моделируется ситуация приписывания эмоции незнакомому человеку, чье эмоциональное состояние меняется на глазах и если направлен-

ность изменения отражает состояние незнакомца состоянием незнакомца, то отношение к этому изменению — например, ощущение большей или меньшей угрозы физического насилия, исходящей от него, — определяется уже и особенностями наблюдателя.

Пилотажное исследование с помощью разрабатываемой методики РЭМ-А проведено на 31 испытуемом, 16 мужчин и 15 женщин в возрасте от 22 до 55 лет, специалисты в области программирования и IT, математики, физики, психологи, культурологи, педагоги.

Проведенное исследование позволило получить ответы на ряд вопросов, связанных, с одной стороны, с особенностями распознавания эмоций на лицах людей разного возраста и пола, а с другой — с реакцией наблюдателя (потенциального противника или жертвы) на проявление агрессии или страха на лице незнакомца.

Первая группа вопросов касается точности распознавания эмоциональной мимики. Так, полученные данные позволили ответить на следующие вопросы:

Чьи агрессивные эмоции распознаются точнее всего? Чья эмоциональная жизнь остается малопонятной для окружающих?

Существуют ли различия между точностью распознавания эмоций на мужских и женских лицах и если да, то какие эмоции хуже всего распознаются?

Насколько точно распознаются те эмоции, которые связаны с ситуацией агрессии — эмоции гнева, презрения и страха?

Вторая группа вопросов связана с проблемой приписывания эмоций. В первую очередь нас интересуют дан-

ные о приписывании агрессивных переживаний и переживаний фобического круга, сопряженных с первыми в рамках ситуации насилия. В нашей методике к первой группе переживаний относятся такие эмоции, как гнев, злоба, возмущение, презрение, брезгливость, осуждение; ко второй — страх, боязнь, вина, стыд. Кому же чаще всего приписываются переживания агрессивно-фобического круга; как интерпретируются эмоции гнева, презрения и страха, отраженные на лицах моделей в первую очередь на мужском лице; как сказываются представления человека о мире и взаимоотношениях людей («базисные убеждения») на склонности приписывать те или иные эмоции другим людям?

Остановимся вначале на данных о точности распознавания агрессивных эмоций.

Установлено, что легче всего распознается гнев на лице мужчины, в то время как гнев женщин — и пожилой и в особенности молодой — распознается лишь небольшим числом испытуемых (25 и 13 %, соответственно). Презрение, напротив, на мужском лице распознается лишь третью испытуемых, в то время как презрение, испытываемое другими моделями, распознавали около 2/3 испытуемых. Страх также мало кем узнается, когда его испытывают мужчины или мальчик (по 10 % испытуемых). Легче всего распознаются эмоции гнева, презрения и страха на лице пожилого мужчины: приблизительно 3/5 испытуемых правильно предугадывают развитие этих эмоций при первом появлении их признаков на лице этой модели. На лице же пожилой женщины, напротив, гнев и страх мало кем «прочитывается».

Итак, гнев оказывается чисто мужской эмоцией, в то время как презрение ожидают увидеть и на лицах женщин (молодой и пожилой), и на лицах пожилого мужчины и мальчика. Страх же распознается хуже всех других эмоций и ожидается как от лиц женского пола (молодая женщина), так и от лиц мужского пола (пожилой мужчина).

Обратимся теперь к ответам на основные вопросы нашего исследования, а именно к тем, что касаются приписывания эмоций.

1. *Кому чаще всего приписываются переживания агрессивно-фобического круга?* Общее число случаев приписывания агрессивных реакций оказалось зависимым от пола и возраста моделей: чаще переживание гнева приписывается мужчинам, а презрения — людям пожилого возраста. Зрелый мужчина и пожилая женщина представляют в «наивной психологии» (по Хайдеру) две формы агрессивности — гнев и презрение. Страх же и переживания вины, стыда и раскаяния вообще мало атрибутируются по сравнению с другими переживаниями, при этом реже всего переживания этой группы приписываются взрослому мужчине, а чаще всего — молодой женщине.

Чаще всего гнев и его более резкий, общий для человека и животных вариант — злоба — приписываются молодому мужчине (всего 32 случая распознавания на его лице эмоций из группы гнева, среди которых — 14 случаев приписывания злобы); затем пожилому мужчине (25 и 7), мальчику (16 и 9), молодой (10 и 5) и пожилой (10 и 1) женщине. В то же время ослабленная, наименее пугающая, «человеческая» форма реакций гнева — возмущение — от-

носителю чаще приписывается пожилой женщине (из 10 случаев распознавания эмоций из группы гнева — 7 ответов «возмущение») и относительно реже мужчинам (9 из 25 и 5 из 32). Можно сказать, что не только плохо распознается испытываемый женщиной гнев, но и в целом от женщин не ждут гневливости (особенно от пожилых). Таким образом, гнев и злоба оказались в представлениях испытуемых гендероспецифичной реакцией, зависимой еще и от силы проявления мужского начала.

Для приписывания презрения и близких ему осуждения и безразличности более существенным параметром модели оказался не пол, а возраст. Чаще всего презрение видят на лице пожилой женщины (44 случая), затем пожилого мужчины (37), мальчика (34), и, наконец, молодых женщины (30) и мужчины (20). Итак, презрение выступает в определенном смысле заменой гнева — тот, кто не имеет возможности быть открыто агрессивным, тот проявляет свое недовольство презрением.

Конструкт страха (боязни) и конструкт вины-стыда редко использовались нашими испытуемыми при прогнозировании развития эмоционального состояния модели. Конструкт страха использовался вдвое чаще, чем конструкт вина-стыд, при этом в отношении взрослого мужчины слово «боязнь» не было применено ни разу, а в отношении пожилого мужчины ни разу не применялось слово «вина». В целом треть всех случаев приписывания страха пришлась на молодую женщину, хотя и для этой модели точность распознавания была невысока. Предположение о переживании моделью чувств вины или стыда возникло у очень небольшого числа

наших испытуемых. Видимо, этот конструкт не входит у большинства в число фиксированных гипотез или ложных корреляций, связанных с полом или возрастом, а мимика этих состояний столь специфична, что с нею редко что путают. Отметим также, что такое негативное переживание, потенциально связанное с ситуацией агрессии, как раскаяние, также приписывалось молодой женщине чаще, чем всем другим персонажам.

Остановимся далее на проблеме ложного распознавания переживаний агрессивно-фобического круга.

Всего нашими испытуемыми было дано 900 оценок (30 испытуемых определяли по 6 эмоций для 5 моделей), из них более трети (377 ответов) оказались неправильными. Чаще всего ошибочно приписывается удивление (125 случаев), а реже всего — гнев (25 случаев), то есть испытуемые демонстрируют игнорирование признаков агрессии — меньше всего они склонны предполагать возможность переживания партнерами по общению гнева, презрения или страха. Ошибочная атрибуция гнева оказалась не связанной с полом модели, но зависимой от возраста модели: взрослым чаще приписывается гнев, чем пожилым и ребенку. Презрение и страх по количеству неверных распознаваний уступают только удивлению: презрение неверно приписывается в 84 случаях, а страх — в 56 случаях, при этом презрение чаще ошибочно видится на лицах пожилых людей, а страх — на лице ребенка и лицах взрослых.

Итак, если гнев мужчины распознается достаточно уверенно (3/4 испытуемых), то большинство наблюдателей испытывают затруднения, когда признаки гнева появляются на лице женщины. При

этом если женщина испытывает гнев, то не только мало кто адекватно распознает ее состояние, но и приписываемые эмоции оказываются весьма широкого спектра: и стенические негативные (например, презрение), и астенические негативные (печаль), и даже стенические позитивные (радость). Видимо, состояние гнева для женщины до сих пор остается табуированным и, столкнувшись с ним, наши испытуемые просто начинают теряться в догадках (как говорит одна из героинь А.Н. Островского: «Ну, уж это вот режь ты меня сейчас на части, ни за что не пойму, к чему приписать»). Ошибочное же приписывание гнева не связано с полом модели, а определяется только возрастом — гнев неверно приписывают чаще взрослым, чем пожилым людям и детям. Следовательно, речь не идет о наличии фиксированной гипотезы о гневливости мужчин, скорее можно говорить о существовании перцептивной защиты в отношении гнева женщин.

Как уже указывалось, женщинам и пожилым людям скорее приличествует переживание презрения, во всяком случае именно такой стенической эмоции из числа негативных ждет от них большинство наблюдателей. Более того, в отношении пожилых женщин у наших испытуемых обнаружилась фиксированная гипотеза о готовности партеров из этой гендерно-возрастной группы реагировать презрением или удивлением: пожилой женщине именно эти эмоции чаще всего приписываются и когда она действительно испытывает эти чувства, и в тех случаях, когда она переживает что-то иное (в первую очередь гнев и страх).

Предположение о страхе, переживаемом кем-то, видимо, столь неприятно,

что испытуемые стараются как можно реже пользоваться этим конструктом — гипотеза страха выдвигается реже других, но все же в отношении молодой женщины она возникала почти в три раза чаще, чем в отношении мужчины. Существенно, что даже в тех случаях, когда мужчине приписывалось переживание страха, это приписывание было ошибочным, видимо, потому что в отношении страха у взрослого мужчины действует такая же сильная перцептивная защита, как в отношении гнева у женщины. Другими словами, страх мужчины и гнев женщины «невидимы» — это те эмоции, которые люди не готовы увидеть, даже если существование данных переживаний у этих моделей допускается «наивной психологией» конкретного наблюдателя.

2. Как интерпретируются эмоции гнева, презрения и страха, отраженные на лицах моделей, в первую очередь на мужском лице?

Гнев — «мужская» эмоция, как было показано ранее, и распознавание гнева на мужском лице для большинства испытуемых оказалось несложным: 11 человек назвали гнев гневом, 10 — злобой, 4 — осуждением, несколько человек описали гнев как возмущение, презрение, брезгливость. Как уже указывалось, в целом эмоция гнева распознается неплохо на лицах моделей мужского пола и очень плохо — когда эта эмоция переживается женщинами. В последнем случае половина ошибочных интерпретаций приходится на презрение, четверть на удивление и несколько раз гнев даже был принят за радость. Обнаружилось, что женщины значимо чаще мужчин на начальных стадиях переживания гнева склонны принимать его за печаль.

Презрение на лице взрослого мужчины лишь четвертью испытуемых было верно угадано (три человека назвали это состояние именно презрением, трое — осуждением, один — брезгливостью). Чаще испытуемые это переживание на лице взрослого мужчины принимали за злобу (4), возмущение (4), печаль (5), уныние (5) и даже за чувство вины (1), раскаяния (1) и стыда (1). В последних случаях мы, видимо, имеем дело с работой проекции испытуемым переживания, которое возникало в результате принятия им роли презираемого при встрече с незнакомцем, демонстрирующим презрение. Подобную инверсию мы обнаружили еще лишь в двух случаях, когда презрение проявлялось на лице молодой женщины. Презрение также было ошибочно принято за печаль и уныние при интерпретации эмоций мальчика.

Как отмечалось ранее, страх оказался тем переживанием, наличие которого игнорируется у взрослого мужчины, мальчика и пожилой женщины, а у молодой женщины и пожилого мужчины распознается лишь половиной или 3/5 испытуемых соответственно. В связи с этим неудивительно, что и наибольшее число неверных приписываний приходится именно на страх — 101 случай из 377 полученных неверных ответов. В 3/4 случаях ошибочного понимания состояния страха испытуемые трактуют его как удивление (как тут не вспомнить знаменитый совет из произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Необходимо обывателей во всегдашнем изумлении содержать!»). Кроме того, страх иногда принимается за презрение и женщины совершают такую ошибку значимо чаще, чем мужчины.

3. *Как сказываются представления человека о мире и взаимоотношениях людей («базисные убеждения») на склонности приписывать те или иные эмоции другим людям?* В первую очередь нас интересовала готовность приписывать агрессию, однако никаких корреляций числа приписываний гнева или презрения с показателями методики ШБУ обнаружено не было. Выяснилось, что склонность приписывать радость уменьшается с ростом уверенности в справедливости происходящего, а приписывание удивления связано отрицательной корреляцией с убеждением в доброжелательности окружающего мира.

При рассмотрении данных о приписывании для отдельных видов эмоций обнаружилось, что когда ошибочная атрибуция касается переживания гнева, то высокие баллы почти по всем шкалам ШБУ отрицательно коррелируют со склонностью интерпретировать гнев как радость. Иными словами, оптимистичный взгляд на жизнь позволяет человеку не принимать черное за белое — не путать гнев и радость. Сходная тенденция наблюдается и в отношении ошибок при интерпретации презрения — чем более человек уверен в справедливости мира и в собственной удачливости, тем менее он готов видеть вместо презрения печаль. Следовательно, игнорирование чужой агрессивности, попытка приписать разгневанному или испытывающему презрение человеку эмоции, максимально далекие от реальных, возникают в случае, когда человек не уверен в себе, в благожелательности или хотя бы в справедливости мира. Такая атрибуция эмоций «с точностью до на-

оборот» выступает, видимо, в качестве одного из компонентов защиты.

В отношении эмоции страха обнаружено, что склонность видеть вместо страха удивление снижается с возрастом. Возможно, зрелые люди меньше боятся столкнуться с этим переживанием — и у другого человека, и у себя самого. Эмоция страха тем реже принимается за радость, чем выше у человека убежденность в существовании правил и закономерностей в мире и в собственной способности контролировать происходящее. С ростом же уверенности в доброжелательности мира падает готовность интерпретировать чужой страх как демонстрацию презрения.

Как можно видеть, склонность приписывать человеку совсем иные эмоции, чем он испытывает в реальности, связана с некоторым неблагополучием в переработке опыта и характерна для людей не уверенных ни в себе, ни в стабильности мира.

Итак, пилотажное исследование феномена приписывания агрессии человеку, чье эмоциональное состояние меняется на глазах у наблюдателя и необязательно в сторону агрессии, позволило обнаружить следующее.

1. Гнев лучше распознается на мужских лицах, чем на женских, при этом у взрослого мужчины он распознается точнее, чем на лице пожилого и тем более, на лице мальчика. При этом гневающемуся зрелому мужчине приписывается гнев и злоба, пожилому мужчине — некоторые люди в этой ситуации приписывают осуждение, а мальчику — еще и недоверие. Гнев пожилой женщины чаще всего интерпретируется как недоверие или осуждение, а гнев молодой всеми трактуется по-разному. Видимо, мы мо-

жем констатировать отсутствие мимического стереотипа для восприятия гнева молодой женщины, а в целом — отсутствие конструкта «гнев» при описании женских эмоций.

2. Презрение плохо распознается на лице взрослого мужчины — вместо него многие «видят» печаль, уныние или злобу, а некоторые даже приписывают чувство вины или раскаяния. Чаще всего переживания презрения, брезгливости и осуждения приписываются пожилой женщине. Если гнев для «наивной психологии» — это эмоция крепкого мужчины, то осуждение и презрение — это состояние, часто испытываемое пожилыми женщинами.

3. Страх — эмоция, которую хуже всего распознают и довольно редко приписывают. Страх на лице взрослого мужчины практически единодушно прочитывается как удивление. Вероятно, в этом случае есть смысл говорить о конвенциональной атрибуции — культурная норма не только запрещает людям видеть испугавшегося мужчину, но и предлагает удобную замену — на удивление нет необходимости отвечать ни агрессией, ни сочувствием. Скорее всего, в реальной ситуации незнакомый мужчина, начинающий испытывать страх, остается для большинства посторонним человеком, в отношении которого можно сохранять нейтралитет.

В заключение отметим, что наши выводы сделаны на основе данных группы испытуемых, однородной в плане социальных норм выражения недовольства и требований к партнеру: в среде научных сотрудников и преподавателей вузов не принято решать проблемы с помощью кулаков и в целом ожидать от окружающих высокого уровня агрессивности.

В другой нашей работе, проведенной с помощью методики РЭМ-А (усеченный вариант с двумя взрослыми моделями) на группе чиновников [4], было обнаружено, что гнев распознается этими испытуемыми лучше, чем контрольной группой, и приписывается в тех случаях, когда модель демонстрировала презрение. Эти данные показывают, что нельзя недооценивать роль, которую играют социальные и групповые нормы при восприятии эмоций, и проведение исследования феномена приписывания на таких социальных группах, в которых «насилие повседневности» имеет больший масштаб и/или чаще выражается в каких-то определенных формах, например, физической агрессии, может дать много интересных результатов.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 1997.
2. Гулевич О.А. Межгрупповая дифференциация: условия возникновения и последствия // Социальная психология: актуальные проблемы исследований: сб. науч. тр. / под ред. Е. Белинской, Т. Емельяновой. — М.: Фонд Л.С. Выготского, 2008.
3. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Способность к распознаванию эмоциональной мимики в контексте личностных особенностей // Когнитивные исследования: сборник. — Вып. 4. — 2010. — С. 90–100.
4. Кузнецова Ю.М. Чиновник и эмоции: особенности восприятия эмоциональной мимики специалистами в области управления образованием // Психология индивидуальности: материалы IV Всероссий. науч. конф. (г. Москва, 22–24 нояб. 2012 г.) / отв. ред. А.Б. Купрейченко, В.А. Штроо. — М.: Логос, 2012. — С. 259–260.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ И МАССОВЫХ ГРУППОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛИЦЕЙСКИХ СТРУКТУР В ПОНИМАНИИ МАССОВЫХ ПРОЦЕССОВ И ВОЗНИКНОВЕНИИ МАССОВОГО КОНФЛИКТА

В. А. Соснин

Аннотация: статья посвящена психологическим проблемам взаимодействия полиции с лидерами массовых групповых образований.

Ключевые слова: полиция, агрессия, конфликт, теории массового поведения.

Summary: article focuses on the psychological problems of the interaction of the police with the leaders of the mass of group formations.

Keywords: police, aggression, conflict, queuing theory of behavior.

На нашем семинаре обсуждается проблема агрессии, в том числе в деятельности правоохранительных органов. Необходим содержательный анализ поведения правоохранительных структур государства в изменившихся условиях — анализ роли восприятий и их опыта в объяснении феноме-

нов конфликта в протестных толпах.

Какие же тенденции исследований в этой области можно выделить в настоящее время в мировой исследовательской практике?

Классические теории массового поведения объясняли возникновение массового конфликта из патологии поведения толпы в целом [1; 2]. Последующие исследования в массовой психологии, такие как разработка модели социальной идентичности (ESIM), концептуализировали массовое поведение как динамический межгрупповой процесс между демонстрантами и полицией.

Английские исследователи Стотт и Рейхер подвергли классическую модель массового поведения критике и предложили другую модель, основанную на теории социальной идентичности [18].

Разработка этой модели при объяснении массового поведения и конфликта основывалась на положении, что поведение ин-группы зависит от поведения аут-групп в контексте межгруппового взаимодействия [4; 9; 10; 18]. Более того, эта теория концептуализировала социальную идентичность как непрерывный процесс, зависящий от межгрупповых отношений: нормы и идентичность членов массового группового образования, детерминирующие нормативное поведение членов ин-группы, могут изменяться со временем как функция взаимодействия с аут-группой.

Согласно этим положениям массовый конфликт может возникать тогда, когда: а) существует расхождение (несоответствие) между восприятием и определением своей идентичности и поведения самими членами ин-группы и членами аут-группы. Например, тотальное

использование силы и подавления при массовых беспорядках может считаться законным с точки зрения полиции и незаконным с точки зрения демонстрантов; б) когда у членов ин-группы в их групповом сознании возникает феномен «групповой силы» и уверенность в том, что ин-группа способна навязать аут-группе свое понимание ситуации (например, демонстранты могут чувствовать свою способность коллективно сопротивляться действиям полиции).

Другими словами, динамика понимания законности и силы во взаимодействии между группами является критически важным параметром в понимании возникновения массового конфликта между массовым групповым образованием (демонстрантами, различными толпами) и полицейскими структурами. Однако проблема возникновения массового конфликта и ее анализ с позиции представителей полиции обычно игнорировались в силу ряда объективных трудностей [6].

Современные исследования по групповой динамике начали проявлять интерес к проблеме «массового конфликта с позиции правоохранительных структур» [3; 5; 9; 13; 14; 18] и его управления с позиции психологических установок представителей полиции.

Согласно исследованию Рейхера, объяснение массового поведения должно включать представления представителей полицейских структур для лучшего понимания динамики взаимодействия между ин- и аут- группами [9]. Стотт и Рейхер выделили три важные темы, связанные с пониманием толпы с позиции правоохранительных структур [18].

Первая тема (проблема) относится к вопросу композиции состава массо-

вого группового образования (толпы). С одной стороны, офицеры полиции признавали, что массовые групповые образования (толпы) являются гетерогенными в целом, с другой — они разделяли толпу (массовое групповое образование) на меньшинство и большинство. Меньшинство — это властная и насильственная подгруппа, тогда как большинство характеризуется как миролюбивое и состоящее из рядовых людей, которые в толпе становятся не способными к собственным оценкам ситуации и, следовательно, сильно подвержены манипуляции.

Исследование Стотта и Рейхера подтверждает, что описание (характеристика) большинства и меньшинства соответствует двум классическим теориям массового поведения [18]. В случае меньшинства поведение объяснялось как функция индивидуальной патологии в контексте, соответствующем классическим теориям толпы. В случае большинства поведение объяснялось в контексте, ведущем рядовых людей становиться также патологически завышающими от общих настроений толпы.

Динамика поведения потенциально агрессивного меньшинства и большинства, склонного к внушению и манипуляции, привела к возникновению второй темы — проблемы обобщенного восприятия потенциальной однородности угрозы со стороны толпы для представителей правоохранительных структур. Как только люди собираются вместе в массовое групповое образование (толпу), все ее члены для полиции становятся потенциально опасными. Исходя из этого чувства потенциальной опасности офицеры полиции озбочены собственной безопасностью.

И, наконец, третья тема — проблема сохранения общественного порядка полицейскими структурами (как их основная профессиональная функция). Естественно, переживание представителями полиции состояний страха за свою жизнь и за выполнение профессиональных функций имеет ряд следствий:

— *во-первых*, все члены толпы воспринимались как потенциально опасные, поэтому в случае возникновения массового конфликта для полицейских структур рекомендовался жесткий силовой контроль и быстрое вмешательство в возникающий конфликт;

— *во-вторых*, если опасность со стороны массового группового образования воспринималась полицейскими структурами как однородная, то появлялись объяснимые причины для полиции относиться к членам толпы как к монолитному образованию;

— *в-третьих*, офицеры полиции были склонны отвергать какую бы то ни было свою ответственность за возникновение массового конфликта, и приписывали его возникновение поведению толпы.

Иными словами, насилие и иррациональная природа массового группового образования являлись достаточными объяснениями в возникновении массового конфликта. И не было никаких оснований адресовывать эту проблему роли поведения правоохранительных структур в возможном возникновении массового конфликта (например, тотальное не дифференцированное использование силы со стороны полиции при возникновении массовых беспорядков).

В работе Друри с коллегами, включающей опрос офицеров полиции, прошедших подготовку для управления массовыми беспорядками из разных поли-

цейских структур Великобритании, рассматривалась проблема валидности и обобщаемости результатов исследований, проводящихся в Англии [5]. Авторы использовали опросник, содержащий ряд тем, основанных на работе Стоттера и Рейхера [18]. Результаты опроса показали, что офицеры полиции воспринимают толпы спортивных фанатов и демонстрационные толпы как однородные, но в то же время и как имеющие в своем составе сильное меньшинство и не участвующее и подверженное манипуляции большинство.

И наконец, результаты исследований показали связь между восприятиями и практикой. Доминирующее восприятие потенциальной угрозы со стороны массовых групповых образований (несмотря на восприятие возможной дихотомии между ее членами) приводило к обращению с толпой со стороны правоохранительных структур как с единым групповым образованием без каких-либо различий в составе ин-групп. В связи с этим офицерам полиции рекомендовался жесткий контроль и быстрое оперативное вмешательство для предотвращения массового конфликта. Хотя представители правоохранительных структур не были склонны рассматривать всех членов массовых групповых образований потенциально опасными, существовали и тактические и практические причины рассматривать толпу как единое образование.

Восприятие массового группового образования (толпы) с позиции правоохранительных структур и их практические действия по сохранению общественного порядка в ряде случаев приводили к феномену «самоподтверждающегося пророчества». Этот феномен

хорошо известен в социальной психологии и приводил к оправданию тотального (недискриминального) использования силы к протестным толпам, как к единому групповому образованию, потенциально враждебному полицейским структурам.

Исследования демонстраций и массовых конфликтов подтверждают эти тенденции, подкрепляемые и качественными, и количественными исследованиями [8; 9; 13; 14]. Эти исследования, анализирующие «перспективу полиции», возникли в структурах полицейских органов Великобритании. Существует необходимость проведения подобных исследований (и их валидации) и в других странах, в том числе в России.

Согласно исследованию Рейхера, так называемые идеологические толпы выполняли с позиции правоохранительных структур ряд функций: отрицание «голоса» демонстрантов, так как их требования не имеют оснований; отрицание ответственности общества и законности репрессий [10]. Возникает вопрос: «Почему полицейские структуры навязывают свое видение на групповую динамику?». Одной из причин этого является то, что массовые групповые образования действительно имеют в составе сильное и потенциально агрессивное меньшинство, предрасположенное к конфликтному поведению [13; 14; 16; 17]¹.

Исследования в этой области подтверждают, что стрессовые условия, обусловленные исполнением своих обя-

¹ Однако этот факт не является поводом считать толпу как иррациональное образование, склонное к влиянию насильственного меньшинства. Более обоснованная причина может заключаться в том, что идеология толпы соответствует массовой культуре (McClelland, 1989), в том числе в полицейских структурах.

занностей офицерами полиции, связанные с циничным и подозрительным отношением к людям в целом [12]. Более того, открытая приверженность представителей правоохранительных структур к возможному насилию со стороны массовых групповых образований — важный стрессовый фактор, связанный с исполнением своих обязанностей. Это может сделать свой вклад в психологическое состояние деперсонализации для представителей правоохранительных структур².

Одновременно с этим начинает действовать синдром «выгорания» [7]. Этот феномен обычно определяется как негативное, бесчувственное и циничное отношение к публике в целом со стороны правоохранительных структур. Эффект деперсонализации сильно коррелирует с циничной установкой представителей полиции по отношению к публике в целом (Stearns, Moore, 1993) и предполагаемым насилием со стороны полицейских структур (Kop, Euwema, Schaufeli, 1999)³.

Показательным в этом направлении стало исследование Пратти и Петрантони, где анализировалась валидность и обобщаемость результатов, представленных в работах предыдущих исследований [8]. В исследовании респонден-

тами были офицеры полиции из разных стран. В работе подвергался анализу ряд позиций: а) состав толпы (композиция толпы) — гетерогенна или дихотомична; б) представляют или не предоставляют члены массового группового образования опасность для правоохранительных структур; в) необходим ли в случае возникновения массового конфликта жесткий контроль и быстрое вмешательство при возникновении массового беспорядка; г) есть ли причины рассматривать толпу как единое целое. Результаты исследования в целом подтвердили гипотезы исследователей: 1) исходя из обобщенности потенциальной угрозы со стороны массового группового образования, реакции представителей полиции также будут обобщенными, то есть не дискриминированными; 2) опыт переживания массового конфликта со стороны правоохранительных структур будет влиять на восприятие массовых событий.

Считаем оправданным сделать ряд обобщающих соображений в отношении современных исследований, проводящихся по данной проблематике. Исследования в этой области подтверждают возможность анализа массового поведения с позиции теории социальной идентичности. Она разработана и позволяет рассматривать анализ массового поведения с позиции правоохранительных структур. Исследования подтверждают кросс-культурную валидность связи между представлениями полицейских структур в понимании толпы как иррационального образования и их реактивным тотальным использованием силы без различия наличия разных подгрупп в толпе в целом.

Офицеры полиции признают, что в массовом групповом образовании су-

² Однако этот факт не является поводом считать толпу как иррациональное образование, склонное к влиянию насильственного меньшинства. Более обоснованная причина может заключаться в том, что идеология толпы соответствует массовой культуре (McClelland, 1989), в том числе в полицейских структурах.

³ Термин «деперсонализация» имеет разное значение при использовании положений теории социальной идентичности. В целом он означает уменьшение осознания себя как индивида и осознание себя как представителя группы с соответствующей идентификацией.

ществует меньшинство и большинство. Меньшинство изначально является потенциально агрессивным и способным к манипуляции большинством. В ситуации возникновения массового конфликта у представителей полиции нет согласованного мнения в отношении опасности поведения массовых групповых образований. Исследования свидетельствуют, что офицеры полиции разделяют мнение — люди склонны к иррациональному поведению в толпе, но необязательно насильственному. Однако в совокупности офицеры полиции считают, что поведение массового группового образования (демонстранты, фанаты, протестные толпы и т. п.) имеет тенденцию к превращению в агрессивные насильственные толпы, поэтому представители полицейских структур придерживаются жесткой установки — к массовому групповому образованию (толпе) следует относиться как к единому целому и использовать самые жесткие методы подавления массовых беспорядков, а их собственные действия не являются причиной возникновения и эскалации массового конфликта.

Прикладные аспекты исследований, проводящихся в этой области, подтверждают важность разработки стратегических методов сохранения общественного порядка для полицейских структур. Превалирующее отношение представителей полиции к массовым групповым образованиям (толпам) в соответствии с идеями классиков (Лебон и др.) может превращаться в «самоподтверждающееся пророчество», если эти идеи составляют основу поведения полиции.

Исследования подтверждают эффективность модели «хорошей практики», основанной на теории социаль-

ной идентичности в поддержании общественного порядка [3; 13–15 и др.].

Исследователи разработали ряд стратегических рекомендаций для правоохранительных структур, основанных на следующих принципах: а) необходимость подготовки (обучения) представителей полицейских структур для дифференцированного понимания социальных идентичностей разных подгрупп в массовом групповом образовании (толпе); б) необходимость использования целей толпы для управления ее поведением (признание законности целей толпы при мирном развитии событий); в) необходимость профессиональной межгрупповой коммуникации (взаимодействия) с членами массового группового образования; г) необходимость четкой дифференциализации членов толпы с соответствующим различием реагирования при управлении толпой [11; 15].

Более того, исследования подтверждают необходимость проведения тренингов для сотрудников полиции с позиции положений теории социальной идентичности и против классических идеологических моделей толпы [5; 8].

В целом восприятие представителей полиции и их действия по сохранению общественного порядка имеют критически важное значение при разрешении массовых конфликтов. Исследования показывают, что возникновение массового конфликта и приверженность представителей полиции к классическим взглядам на толпу как на иррациональное патологическое образование делают вклад в возникновение массовых конфликтов. Данное направление исследований подтверждает и расширяет представления полиции в рамках модели социальной идентичности, подчер-

кивает важность использования новых стратегий во взаимоотношении с массовыми групповыми образованиями, а также подчеркивает необходимость проведения тренинг-программ в этой области.

Литература

1. Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб., 1898.
2. Allport F. Social psychology. — Boston: Houghton Mifflin, 1924.
3. Cronin P., Reicher S. A study of the factors that influence how senior officers police crowd events: On SIDE outside the laboratory // *British Journal of Social Psychology*. — 2006. — Vol. 45. — P. 175–196.
4. Drury J., Reicher S.D. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British Journal of Social Psychology*. — 2000. — Vol. 39. — P. 579–604.
5. Drury J., Stott C.J., Farsides T. The role of police perceptions and practices in the development of 'public disorder' // *Journal of Applied Social Psychology*. — 2003. — Vol. 33. — P. 1480–1500.
6. Drury J., Stott C. "Bias" as a research strategy in participant observation: The case of intergroup conflict // *Field Methods*. — 2001. — Vol. 13. — P. 47–67.
7. Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter, M.P. Job burnout // *Annual Review of Psychology*. — 2001. — Vol. 52. — P. 397–42.
8. Prati G., Pietratori L. Elaborating the police perspective: The role of perceptions and experience in the explanation of crowd conflict // *European Journal of Social Psychology*. — 2009. — Vol. 39. — P. 991–1001.
9. Reicher S. "The battle of Westminster": Developing the social identity model of crowd behaviour in order to explain the initiation and development of collective conflict // *European Journal of Social Psychology*. — 1996. — Vol. 26. — P. 115–134.
10. Reicher S. The psychology of crowd dynamics // Hogg M., Tyndale R.S. (Eds.). *The Blackwell handbook of social psychology: Group processes*. — Oxford: Blackwell, 2001. — P. 182–208.
11. Reicher S., Stott C., Cronin P., Adang O. An integrated approach to crowd psychology and public order policing // *Policing: An International Journal of Police Strategies and Management*. — 2004. — Vol. 27. — P. 558–572.
12. Robinson H.M., Sigman M.R., Wilson J.P. Duty-related stressors and PTSD symptoms in suburban police officers // *Psychological Reports*. — 1997. — Vol. 81. — P. 835–845.
13. Stott C., Drury J. The intergroup dynamics of empowerment: A social identity model // Bagguley P., Hearn J. (Eds.). *Transforming politics: Power and resistance*. — New York: Macmillan, 1999. — P. 32–45.
14. Stott C., Drury J. Crowds, context, and identity: Dynamic categorization processes in the "poll tax riot" // *Human Relations*. — 2000. — Vol. 53. — P. 247–273.
15. Stott C., Pearson G. Football 'hooliganism': Policing and the war on the 'English disease'. — London: Pennant Books, 2007.
16. Stott C., Adang O., Livingstone A., Schreiber M. Variability in the collective behaviour of England fans at Euro 2004: Intergroup relations, identity content and social change // *European Journal of social psychology*. — 2007. — Vol. 37. — P. 75–100.
17. Stott C., Hutchison P., Drury J. "Hooligans" abroad? Intergroup dynamics, social identity, and participation in collective "disorder" at the 1998 World Cup finals. *British Journal of Social Psychology*. — 2001. — Vol. 40. — P. 359–384.
18. Stott C., Reicher S.D. Crowd action as intergroup process: Introducing the police perspective // *European Journal of Social Psychology*. — 1998. — Vol. 28. — P. 509–529.

ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ТРАНСФОРМАЦИЮ ВНУТРЕННЕЙ АГРЕССИИ СУБЪЕКТА МАРГИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВО ВНЕШНЮЮ АГРЕССИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Р. А. Ромашов

Аннотация: в статье рассмотрены понятия агрессии и формы ее выполнения. Автор анализирует соотношение понятий преступления и агрессии, а также факторы, способствующие трансформации агрессивного намерения в агрессивное преступное поведение.

Ключевые слова: агрессия, преступление, формы выражения агрессии, правомерное и противоправное поведение.

Summary: the article deals with the concept of aggression and the form of its manifestation. The author analyzes the relationship between the concepts of crime and aggression, as well as factors contributing to the transformation of aggressive intent to the aggressive criminal behavior.

Keywords: aggression, crime, the forms of expression of aggression, lawful and unlawful behavior.

Агрессия — это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому существу, не желающему подобного обращения [1, с. 26].

Агрессия (от лат. *aggressio* — приступ, нападение) — 1) вооруженное нападение государства или нескольких государств на другие страны; 2) воинственная неприязнь, враждебность [4, с. 14].

В книге “Преступление от «А» до «Я»” определение агрессии как понятия не

дается, хотя на его базе строится ряд тематических материалов [3, с. 12–18].

Из приведенных определений следует, что необходимо разграничивать несколько форм выражения агрессии. Дифференциация агрессии на скрытую (психологическую) и открытую (поведенческую) предполагает разграничение агрессивного состояния, агрессивного намерения и агрессивного поведения, последнее, в свою очередь, может быть выражено в действиях и поступках.

Агрессивное состояние представляет собой потенциальную готовность субъекта к агрессивному поведению безотносительно конкретизированного предмета и контрсубъекта агрессивной коммуникации. Так, в условиях вооруженного конфликта представители воюющих сторон воспринимают друг друга в качестве врагов с вытекающими из этого последствиями, независимо от того, принимают они непосредственное участие в боевых действиях или нет. В качестве социальной среды, формирующей у субъектов агрессивное состояние, может рассматриваться пенитенциарная система, в рамках которой сотрудники и осужденные в процессе общения руководствуются предубеждениями, обуславливающими взаимную враждебность и агрессивность.

Агрессивное намерение — это личные (групповые), скрытые, недоступные прямому наблюдению замыслы, высту-

пающие в качестве мотивационных оснований, целевых установок и постановочных задач агрессивного поведения. Агрессивное намерение есть условие перехода психологической (скрытой) агрессии в поведенческую (открытую) фазу. Агрессивное намерение не тождественно преступному умыслу (в уголовно-правовом его понимании). Преступления могут совершаться как умышленно, так и не умышленно. Внешне выраженная агрессия в любом случае есть следствие агрессивного намерения, выступающего в качестве своего рода катализатора агрессивного начала человеческого поведения в той или иной ситуации. Это с одинаковой вероятностью может быть тщательно разработанный план военной агрессии против другого государства или рейдерский захват хозяйствующего субъекта, бытовой скандал, закончившийся поножовщиной недавних собутыльников, или убийство ревнивым мужем неверной супруги, застигнутой с любовником. Во всех примерах имела место «точка начала отсчета», функции которой как раз и выполняло агрессивное намерение.

Агрессивное поведение — действия и поступки, направленные на причинение вреда объекту агрессивного проявления. В качестве агрессивных действий следует рассматривать умышленное поведение, изначально направленное на наступление вредоносных последствий в отношении объекта. При этом объект может носить как персонифицированный, так и неперсонифицированный характер. В качестве примера персонифицированного агрессивного действия может быть приведен акт заказного убийства, в свою очередь, в качестве неперсонифицированных следует рассматривать

большинство террористических актов, не ставящих целью уничтожение либо захват конкретных людей или материальных объектов.

Итак, агрессия представляет собой комбинированную систему, в рамках которой детерминируют три формы: агрессивное состояние, агрессивное намерение, агрессивное поведение. Между перечисленными формами существует причинно-следственная связь. При этом агрессивное намерение и агрессивное поведение выступают в качестве обязательных элементов агрессии, а агрессивное состояние в качестве факультативного. Возможна ситуация, при которой агрессивное намерение возникает внезапно, без каких бы то ни было предпосылок, например, убийство в состоянии аффекта.

Нередко преступление и агрессия рассматриваются как если не взаимозаменяемые, то очень близкие по смыслу и содержанию категории. Думаю, что это не вполне верно. Конечно, агрессия присуща ряду составов преступлений. Прежде всего, это преступления, посягающие на жизнь и здоровье граждан: убийство, изнасилование, грабеж, разбой и т. п. Вместе с тем значительная часть преступных деяний не связана с агрессивным поведением. Отсутствует агрессия в таких составах, как: кража, мошенничество, преступления экономического и коррупционного характера и т. д. Таким образом, агрессию следует рассматривать лишь в качестве одного из инструментов осуществления преступления. Причем, как правило, это преступления, относимые к так называемой преступности бедных, совершаемые представителями люмпенизированных слоев населения либо людьми, попавшими

в форс-мажорные обстоятельства (алкогольное либо наркотическое опьянение, стресс, аффект и т. п.).

«Беловоротничковая преступность» представляет собой не что иное, как вид криминального бизнеса, развивающегося под воздействием тех же принципов, которыми руководствуется официальный бизнес (соответствие цены и качества товаров и услуг; спроса и предложения в отношении предлагаемого товара; конкуренции субъектов рыночных отношений). Естественно, что в данной сфере преступности уровень агрессии в криминальных отношениях несоразмерно меньше, нежели в «преступности бедных».

Таким образом, агрессия выступает в качестве одного из инструментов преступного поведения и наиболее характерна для группы преступлений, относимых криминологами к «преступности бедных». Прежде всего, к таким преступлениям относятся составы, связанные с посягательствами на человеческую жизнь, здоровье, половую неприкосновенность.

Каждый из нас произносил когда-то фразы: «Будь моя воля, убил бы...», «Вот доберусь до подлеца, всыплю по первое число», «Стрелять таких надо» и т. п. Однако все мы (хочется в это верить), являясь законопослушными гражданами, произносим приведенные и подобные им фразы, как правило, не всерьез. Проходит какое-то время, мы успокаиваемся, и агрессивные намерения уступают место менее эмоциональным, но более значимым и реальным заботам. Часто агрессивные намерения получают дальнейшее развитие в агрессивном поведении. При этом в ряде случаев агрессия выходит за рамки морально-этических

норм и приобретает форму преступного деяния (действия или поступка). Какие факторы способствуют переводу скрытого агрессивного намерения в открытое агрессивное поведение, квалифицируемое как преступление?

Представляются интересными и продуктивными для гипотетического конструирования следующие концепции: этологическая концепция агрессивности К. Лоренца; концепция опасного состояния Гарофало; концепция социальной дезориентации (правовой аномии) Э. Дюркгейма.

Согласно К. Лоренцу, агрессия берет начало из врожденного инстинкта борьбы за выживание, который присутствует у людей, так же как и у других живых существ.

При этом наделение животных более высокой степенью агрессивности и более эффективными орудиями агрессии одновременно предполагает наличие у них ограничительного барьера, связанного с недопущением агрессии в отношении себе подобных. Чем выше степень агрессивности, тем более сильным является барьер, препятствующий проявлению агрессии в отношении себе подобных.

По гипотезе К. Лоренца конфликты обусловлены соотношением двух факторов:

- количеством накопленной агрессивной энергии;
- силами, необходимыми для выплеска этой энергии [1, с. 35–36].

В соответствии с концепцией *опасного состояния*, любой человек обладает определенными криминальными способностями, проявление которых в нормальных условиях сдерживается рядом факторов (воспитанием, конформными

установками, страхом перед наказанием и т. п.). При этом в ситуации ослабления существующих ограничителей скрытые прежде способности могут получить проявление в агрессивных противоправных деяниях.

По мнению итальянского криминолога Гарофало, опасное состояние представляет собой перманентную и имманентную склонность человека к проявлению агрессии и совершению преступлений.

Концепция социальной дезорганизации (правовой аномии) связывает проявление преступной агрессии с уровнем стабильности социальной организации общества, определяемым стабильностью и функциональностью политико-правовой системы. По мнению Э. Дюркгейма, нормальная жизнь любого человеческого общества возможна при социальной сплоченности. Отсутствие социальной сплоченности приводит к состоянию политико-правовой аномии. Э. Дюркгейм рассматривал аномию как проявление социальной дезорганизации общества и причину проявления преступной агрессивности [3].

Представляя собой специфическое психическое состояние и форму поведения, агрессия в равной степени при-

суща как правомерному, так и противоправному поведению.

Будучи свойственной для преступлений конфликтного типа, агрессия переходит из латентного (скрытого) состояния в открытую (поведенческую) стадию под воздействием ряда факторов. К числу таких факторов следует отнести: высокий уровень агрессивного состояния, превосходящий страх перед возможными последствиями преступной агрессии; формирование у субъекта перерожденного правосознания, в рамках которого преступная агрессия рассматривается в качестве нормального способа обеспечения субъективных интересов лица, находящегося в опасном состоянии; снижение либо утрата функциональности легальными государственно-правовыми механизмами, что, в свою очередь, обуславливает рост криминальной активности, в том числе выраженной в агрессивных формах.

Литература

1. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб.: Питер, 1999.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. — СПб., 1912.
3. Преступление от «А» до «Я»: словарь по пенитенциарной психологии / под общ. ред. Д.В. Сочивко. — М.: МПСИ, 2009. — С. 12–18.
4. Словарь иностранных слов и выражений / гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2004.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДОВ, СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНТРАКУЛЬТУРЫ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

В. А. Малышев, А. В. Карпов

Аннотация: в работе приведены результаты исследований индивидуальных различий людей, составляющих контркультуры в организациях, раскрыта логика исследования, представлены данные статистической обработки, выделены типы.

Ключевые слова: организационная контркультура, теоретические типы и эмпирические типы, этап χ^2 , факторизация, выделенные типы.

Summary: this paper presents the results of studies of individual differences in people that make up the counter-culture in organizations revealed the logic of the study, statistical analysis of the data presented, identified types.

Keywords: organizational counter-culture types theoretical and practical types, stage χ^2 , factorization, dedicated types.

На основе выводов, сделанных в теоретическом обзоре о проблеме контркультурности, опубликованном ранее, мы пришли к выводу, что вся область исследований по этой теме — это общепризнанная, всеми разделяемая организационная культура. Это понятие, которое многие исследователи рассматривают в качестве одной из переменных, выступающих регулятором поведения работника в организации, наряду с другими (например, такими, как формальная или неформальная структура, организационный климат, технология), представляет собой аксиому в любой организации. Тогда

почему, исходя из того факта, что теоретический компонент организационной культуры всесторонне изучен, возникают проблемы? Потому что контркультурные явления действительно имеют место, имеют место также типологические различия в системе ценностей сотрудников организации, осознаваемой и нет.

Наше предположение состояло в том что, есть определенные типы людей в организации, имеющие индивидуальные различия, которые в той или иной степени не поддерживают общепризнанную организационную культуру. Выявить данные типы, по нашему мнению, возможно двумя способами:

1) путем построения теоретического конструкта, предположения возможной типологии, указанной в прежней публикации, дедуктивным путем;

2) с помощью эмпирического выявления типов путем применения к выборке кластерного анализа с выделением кластеров обследуемых, имеющих различия в их психологических характеристиках.

Логика проведения исследования предполагала реализацию следующих этапов:

1. *Диагностический этап* — проводилась диагностика личностных характеристик испытуемых (по методике 16 PF Кеттелла), определялся их экспертный статус (Методике аттестации персонала — МАП) и проводилась диагностика методикой МИОК.

2. *Аналитический этап* делился на две части:

– выделялись группы испытуемых со схожими результатами по методике 16 PF и МАП и объединялись в теоретически выделенные группы;

– из этих же испытуемых выделялись группы с помощью кластерного анализа без ограничения кластеров для получения эмпирических групп.

3. *Структурный этап* — изучалась структурная организация личностных факторов в группах.

4. *Этап χ^2* — для выявления сходства-различия в конфигурациях структур психических качеств использовался непараметрический критерий χ^2 . Проводилось ранжирование в полученных типах для проведения ранговой корреляции между типами в теоретически и эмпирически выделенных блоках. Для выяснения наличия корреляционной связи между типами внутри каждого блока.

5. *Этап факторизации* — полученные матрицы интеркорреляции теоретического и практического блока подвергались факторному анализу.

6. *Этап сравнения полученных данных (заключительный этап)* — сравнивались значения факторов теоретически и практически выделенных блоков для выяснения результатов и дополнительная факторизация полученных типов.

Обработка и интерпретация результатов. По результатам, полученным в процессе диагностики 16-факторным опросником Р. Кеттелла, испытуемый при нормировании по шкале «конформизм» мог получить результат, соответствующий стенам Кеттелла от 1 до 10.

С помощью стенов для всех шкал выделяются различия и в методике аттестации персонала.

Всего было продиагностировано 184 человека — сотрудники различных учреждений УФСИН по Ярославской области, как руководящего, так и рядового состава.

На этапе обработки полученных данных применялся метод корреляционного анализа и построения коррелограмм. На основе анализа матриц интеркорреляций нами были построены структуры личностных факторов, относящиеся к определенному типу. Используемая процедура обработки и анализа структур была разработана А.В. Карповым [16] и включала следующие этапы: анализ выявленных корреляционных связей, определение весовых коэффициентов каждого качества в структуре. Затем в каждой структурограмме применялся метод ранжирования и в теоретически выделенных типах и эмпирически проводилась ранговая корреляция.

Для определения степени взаимовлияния типов использовался факторный анализ метода главных компонент с варимакс-вращением.

Результаты теоретически выделенных типов. В результате процесса отнесения испытуемых по полученным результатам к теоретически выделенным особенностям с помощью структурного анализа матриц корреляции было выделено восемь типов.

1 тип «Сильный старожил конформист» — 52 человека. Средняя оценка по МАП — 7 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор представления себя в лучшем свете (MD), тревожности-уверенности в себе (O), и

расслабленности-фрустрированности (Q4).

2 тип «Сильный тип, старожил, нонконформист». Средняя оценка по МАП — 6,5 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор эмоциональной зрелости (С), представления себя в лучшем свете (MD), чувства долга (G) и самоконтроля (Q3).

3 тип «Сильный новичок, конформист» — 18 человек. Средняя оценка по МАП — 7 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор смелости (Н), неопределенных ответов (NA), расслабленности-фрустрированности (Q4).

4 тип «Сильный новичок, нонконформист» — 22 человека. Средняя оценка по МАП — 7,5 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор эмоциональной зрелости (С), представления себя в лучшем свете (MD) и тревожности-уверенности в себе (O).

5 тип «Слабый новичок, нонконформист» — 14 человек. Средняя оценка по МАП — 3 стена. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор представления себя в лучшем свете (MD), расслабленности-фрустрированности (Q4), эмоциональной зрелости (С) и доверчивости (L).

6 тип «Слабый старожил, конформист» — 9 человек. Средняя оценка по МАП — 2 стена. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор самоконтроля (Q3), уступчивости (E) и расслабленности-фрустрированности (Q4).

7 тип «Слабый старожил, нонконформист» — 11 человек. Средняя оценка по МАП — 4 стена. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор нон-

конформизма (Q2), эмоциональной зрелости (С) и смелости (Н).

8 тип «Слабый новичок, нонконформист» — 4 человека. Средняя оценка по МАП — 4 стена. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор сентиментальности (I), нонконформизма (Q2) и доверчивости (L).

В процессе применения метода кластерного и структурного анализа выделились теоретические типы, некоторые из которых отличаются чрезмерной малочисленностью, что вполне может быть характерно для теоретически выделенных групп по результатам их обследования. Логически можно сделать вывод, что очень мало бывает в организациях слабых новичков нонконформистов. Для сопоставления полученных аналитическим путем данных выделим выявленные симптомокомплексы в таблицу организации систем (табл. 1).

Из таблицы 1 можно сделать вывод, что симптомокомплексы сильных работников формируются через «представление себя в плохом свете», в то время как симптомокомплексы слабых старожил и новичков нонконформистов формируются через понятие «нонконформизм».

Результаты экспериментально выделенных типов. В процессе выборки обследуемых с помощью кластерного и структурного анализа было получено эмпирическим путем тринадцать кластеров.

Кластер 1 «Сильный тип, старожил, конформист» — 9 человек. Общая оценка по МАП — 6 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор эмоциональной зрелости (С), фрустрированности-расслабленности (Q4) и тревожности (O).

Таблица 1

Индексы организации систем теоретических типов

№	ИКС	ИДС	ИОС	Симптомокомплекс
Тип 1	71	65	136	O MD Q4
Тип 2	90	81	171	C MD G Q3
Тип 3	53	53	106	H NA Q4
Тип 4	78	53	131	C MD O
Тип 5	60	64	124	MD Q4C L
Тип 6	34	43	76	Q3 E Q4
Тип 7	41	36	77	Q2 C H
Тип 8	53	57	110	I Q2 L

Кластер 2 «Сильный тип, новичок, конформист» — 18 человек. Общая оценка по МАП — 7 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор смелости (H), неопределенных ответов (NA), фрустрированности-расслабленности (Q4) и тревожности (O).

Кластер 3 «Слабый тип, старожил, неконформист» — 11 человек. Общая оценка — 5. Общая оценка по МАП — 5 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор неконформизма (Q2), фрустрированности-расслабленности (Q4), эмоциональной зрелости (C) и тревожности (O).

Кластер 4 «Сильный тип, старожил, конформист» — 23 человека. Общая оценка по МАП — 5 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор смелости (H), общительности (A) и экспрессивности (F).

Кластер 5 «Сильный тип, новичок, неконформист» — 13 человек. Общая оценка по МАП — 8 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор неопределенных ответов (NA), общительности (A) и смелости (H).

Кластер 6 «Сильный тип, старожил, неконформист» — 39 человек. Об-

щая оценка по МАП — 8 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор эмоциональной зрелости (C), представления себя в лучшем свете (MD), чувства долга (G) и фрустрированности-расслабленности (Q4).

Кластер 7 «Сильный тип, новичок, неконформист» — 4 человека. Общая оценка по МАП — 7 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор тревожности (O), представления себя в лучшем свете (MD), сентиментальности (I) и доверчивости (L).

Кластер 8 «Сильный тип, новичок, неконформист» — 5 человек. Общая оценка по МАП — 5 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор эмоциональной зрелости (C), радикализма (Q1), неконформизма (Q2) и приземленности-мечтательности (M).

Кластер 9 «Слабый тип, новичок, конформист» — 14 человек. Общая оценка по МАП — 3 стена. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор представления себя в лучшем свете (MD), фрустрированности-расслабленности (Q4) и доверчивости (L).

Таблица 2

Индексы организации систем эмпирических типов

№	ИКС	ИДС	ИОС	Симптомокомплекс
Кластер 1	77	112	189	C,Q4,O
Кластер 2	106	113	219	H,NA,Q4,O
Кластер 3	78	79	157	Q2,Q4,C,O
Кластер 4	83	86	163	H,A,F
Кластер 5	153	69	222	NA,A,H
Кластер 6	178	148	356	C,MD,G,Q4
Кластер 7	115	154	269	O,MD,I,L
Кластер 8	73	82	155	C,Q1,Q2,M
Кластер 9	119	120	239	MD, Q4,L
Кластер 10	93	110	203	MD,Q4,A
Кластер 11	72	86	158	Q2,Q3,H
Кластер 12	104	127	231	C, Q4,NA
Кластер 13	119	137	256	I, L, Q2

Кластер 10 «Сильный тип, старожил, конформист» — 20 человек. Общая оценка по МАП — 7 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор представления себя в лучшем свете (MD), фрустрированности-расслабленности (Q4) и общительности (A).

Кластер 11 «Сильный тип, старожил, неконформист» — 15 человек. Общая оценка по МАП — 7 стенов. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор неконформизма (Q2), эмоциональной устойчивости (Q3) и смелости (H).

Кластер 12 «Слабый тип, старожил, конформист» — 9 человек. Общая оценка по МАП — 2 стена. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор эмоциональной зрелости (C), фрустрированности-расслабленности (Q4) и неопределенных ответов (NA).

Кластер 13 «Слабый тип, новичок, неконформист» — 4 человека. Общая

оценка по МАП — 4 стена. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор сентиментальности (I), доверчивости (L) и неконформизма (Q2).

В таблице 2 представлены данные об индексах организации систем в приведенных типах.

На основании анализа данной таблицы можно сделать вывод, что практически путем получены более равномерные по численности группы, но в основном малочисленные. По результатам аналитического исследования тринадцати эмпирически выделенных типов маловероятно нахождение каких-либо закономерностей, кроме как наличия типов, выражающих неконформизм, которые формируются вокруг своего диагностического критерия.

Сравнительный анализ выделенных типов. В результате создания групп и кластерного анализа нами получены теоретически и практически выделенные типы, часть из которых представ-

Таблица 3

Матрица ранговой корреляции теоретической группы

	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип	5 тип	6 тип	7 тип	8 тип
1	1							
2	0,821	1						
3	0,389	0,215	1					
4	0,461	0,378	0,506	1				
5	0,741	0,542	0,173	0,208	1			
6	0,078	0,236	0,083	0,005	0,242	1		
7	0,593	0,471	0,505	0,567	0,472	-0,132	1	
8	-0,176	-0,271	0,068	-0,142	0,158	-0,039	0,113	1

Таблица 4

Матрица ранговой корреляции эмпирической группы

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	1												
2	00,001	1											
3	00,428	00,518	1										
4	-0,102	00,066	-0,038	1									
5	-0,017	00,624	00,117	00,314	1								
6	00,282	00,25	00,279	00,197	00,221	1							
7	00,137	-0,238	-0,109	00,214	00,268	-0,048	1						
8	00,232	-0,236	00,205	-0,198	-0,55	-0,011	-0,393	1					
9	00,528	00,261	00,472	00,123	00,272	00,456	00,33	-0,182	1				
10	00,364	00,38	00,366	00,029	00,126	00,730	-0,073	00,014	00,601	1			
11	00,3	00,251	00,261	00,158	00,164	00,236	-0,214	00,093	00,404	00,346	1		
12	00,279	00,097	-0,089	-0,25	00,111	00,479	-0,099	-0,034	00,374	00,282	00,029	1	
13	00,009	00,001	00,082	00,396	00,134	-0,4	00,197	00,078	00,128	-0,265	-0,058	-0,182	1

ляют сотрудники не всегда придерживающиеся общепринятой оргкультуры. И на момент когда встал вопрос об их сопоставлении нами был использован метод .

Суть данного метода заключается в проведении ранжирования полученных весов факторов опросника в результате построения структурограмм в теоре-

тической и эмпирической группе и подсчета внутри каждой группы рангового коэффициента корреляции. Далее возможны два варианта для анализа:

1) матрица ранговой интеркорреляции не содержит или содержит мало значимых показателей в соответствии с критическими значениями;

2) матрица ранговой интеркорреля-

ции содержит много значимых показателей в соответствии с критическими значениями.

Именно первый вариант означал бы, что типы в любой из групп имеют мало общего между собой и имеют право на существование. В случае второго варианта между группами есть достоверная связь, и они мало отличаются — тогда бы вероятность существования типов организационных контркультур снижалась.

Приведем полученные матрицы ранговой корреляции теоретической и эмпирической групп. Критическое значение для 19 факторов теста при 0,01 равно 0,580, при 0,05 равно 0,468.

Таким образом, из анализа приведенных матриц можно сделать вывод, что большинство типов в теоретически выделенной группе, а в эмпирически еще с большим преобладанием различны, что указывает на то, что индивидуальные различия в предполагаемой нами плоскости контркультурности организации действительно имеют место.

Среди наиболее неотвечающих нашим требованиям типов констатируется седьмой тип теоретически выделен-

ной группы, то есть слабые старожилы, нонконформисты. Вероятно, это наиболее трудно диагностируемая типология людей, которая максимально адаптировалась к условиям работы, смирилась с предъявляемыми к ним требованиями и мнением о них руководства и коллег, «ходят серой тенью», возможно, «ни за что не отвечают» и в глубине души таят недовольство по отношению к организации, где давно трудятся.

Этап факторизации. В целях получения более конкретизированных выводов нам необходимо снизить пространство наблюдаемых переменных, для этого мы применили факторный анализ. Матрицы ранговых корреляций теоретически и практически выделенных типов, часть из которых представляют сотрудники, не всегда придерживающиеся общепринятой культуры, были подвержены факторному анализу методом главных компонентов и с последующим варимакс-вращением с помощью программы Statistica.

В результате факторизации в теоретически выделенном типе получилось три фактора.

Таблица 5

Результаты факторного анализа матрицы теор. группы

	Фактор	Фактор	Фактор
	1	2	3
Тип 1	0,936383	0,255743	0,195148
Тип 2	0,951372	-0,02668	0,195573
Тип 3	-0,09139	0,377948	0,805972
Тип 4	0,298418	0,354495	0,811148
Тип 5	0,838818	0,184326	-0,41876
Тип 6	0,046852	-0,96799	-0,11661
Тип 7	0,432788	0,77207	0,376766
Тип 8	-0,73093	0,311611	-0,60493

В первом факторе суммарный процент дисперсии переменных, имеющих общее значение «сильный старожил», составляет 79,9 % от общей дисперсии, но в этом факторе анализ значений имеет определенную специфику. Первые два значения имеют точное обозначение как «сильный старожил» в данном контексте для них конформизм не имеет значение, но при переходе к двум нижним значениям можно увидеть некоторый уклон в сторону слабых новичков с явным конформизмом, таким образом они могут как бы перейти на сторону сильных благодаря этому качеству.

Во втором факторе 53,5 % от общей дисперсии имеет общее значение «нонконформизм», шестой тип был рассмотрен полярно противоположно, так как он имеет отрицательное значение.

В третьем факторе суммарный процент дисперсии переменных, имеющих общее значение «стаж», составляет 46,8 % от общей дисперсии.

Итак, мы получили теоретически выдвинутые параметры предполагаемой типологии организационных культур.

В результате факторизации в эмпирически выделенном типе получилось четыре фактора.

В первом факторе суммарный процент дисперсии переменных, имеющих общее значение «стаж», составляет 63,1 % от общей дисперсии, кластер 13 был рассмотрен от обратного.

В третьем факторе суммарный процент дисперсии переменных, имеющих общее значение «сильный», составляет 46,3 % от общей дисперсии.

Четвертый фактор имеет суммарный процент дисперсии переменных, име-

Таблица 6

Результаты факторного анализа матрицы практической группы

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Кластер 1	0,2855723	-0,505716	0,208679	0,71995
Кластер 2	0,217698	0,557840	0,703971	-0,183700
Кластер 3	-0,000120	-0,157520	0,852228	0,299808
Кластер 4	-0,475820	0,590258	-0,143170	-0,139410
Кластер 5	0,034653	0,950566	0,106800	-0,038000
Кластер 6	0,872974	0,124695	0,247980	0,141265
Кластер 7	-0,296450	0,454372	-0,608490	0,526020
Кластер 8	-0,074720	-0,953060	0,160828	-0,193990
Кластер 9	0,402754	0,252629	0,260078	0,802054
Кластер 10	0,742319	0,044482	0,481498	0,294601
Кластер 11	0,182413	-0,041060	0,704911	0,117391
Кластер 12	0,884877	-0,077770	-0,170000	0,119599
Кластер 13	-0,882950	0,093502	-0,233040	-0,034970

ющих общее значение «конформизм», составляющий 41,2 % от общей дисперсии.

Второй же фактор требует отдельного рассмотрения. В нем 39,6 % от общей дисперсии не имеют общего значения, в модуле это совершенно идентичные кластеры сильного типа, новички, неконформисты, но второй показатель имеет отрицательное значение, следовательно, они противоположны. Именно поэтому нами было выдвинуто предположение о существовании маргинального типа, который вероятнее всего не укладывается в нашу концепцию трех основных компонентов. И если посмотреть на структурограммы этих типов можно увидеть, что по другим показателям 16 PF они совершенно различны.

Посредством факторизации теоретического и эмпирического типа нами были выделены схожие факторы в обеих группах, но чтобы еще более конкретизировать наши результаты, мы подвергли их анализу с помощью метода, примененного нами на выделенных в самом начале исследования типах.

Был также рассмотрен центроидный метод факторного анализа, в результате выявлено полное совпадение значений первых факторов и смена мест, но не значения последних.

Мы подвергли корреляции типы, составляющие основную дисперсию факторов, и получили следующие группы.

Фактор 1 «Сила» теоретического типа — 124 человек. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор представления себя в лучшем свете (MD), фрустрированности-расслабленности (Q4) и чувства долга (G).

Фактор 2 «Неконформизм» тео-

ретического типа — 20 человек. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор эмоциональной устойчивости (C), представления себя в лучшем свете (MD) и тревожности (O).

Фактор 3 «Стаж» теоретического типа — 40 человек. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор эмоциональной устойчивости (C), представления себя в лучшем свете (MD) и смелости (H).

Приведем также структурограммы эмпирически выделенных типов.

Фактор 1 «Стаж» эмпирического типа — 72 человека. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор представления себя в лучшем свете (MD), фрустрированности-расслабленности (Q4) и смелости (H).

Фактор 2 «Маргинальный» эмпирического типа — 18 человек. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор смелости (H), тревожности (O) и представления себя в худшем свете (FB).

Фактор 3 «Сильный» эмпирического типа — 44 человека. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор смелости (H), общительности (A) и представления себя в лучшем свете (MD).

Фактор 4 «Конформизм» эмпирического типа — 23 человека. Наибольший вес в данной структурограмме имеет фактор эмоциональной зрелости (C), тревожности (O) и фрустрированности-расслабленности (Q4).

Далее в экспериментальных целях мы подвергали ранговой корреляции схожие типы из теоретической и практической группы.

Коэффициент ранговой корреляции теоретической и практической группы типа «сильный» равен 0,795.

Таблица 7

Матрица ранговой корреляции выделенных типов

	1	2	3	4
1 сил теор	1			
2 кон теор	0,645	1		
3 стаж пр	0,831	0,353	1	
4 маргин	0,149	0,354	0,046	1

Коэффициент ранговой корреляции теоретической и практической группы типа «конформизм» равен 0,708.

Коэффициент ранговой корреляции теоретической и практической группы типа «стаж» равен 0,665 [45].

Коэффициенты корреляции между подобными факторами в теоретической и практической группе дают нам право делать вывод о весьма близкой связи этих факторов.

Далее, исходя из логики нашего исследования, полученные группы были вновь подвергнуты ранговой корреляции. При этом критическое значение коэффициента ранговой корреляции при

19 рассматриваемых переменных равно 0,460 или 0,580.

В итоге при сопоставлении результатов двух путей исследования мы пришли практически к одному результату — к качествам, заложенным в основу нашей типологии организационных контркультур, за исключением наличия некоего маргинального типа.

Выделенные типы: сильный работник, сильный старожил, конформист и маргинальный тип.

Приведем также результаты по структурной организации выделенных теоретических и практических типов.

Таблица 8

Индексы организованности систем значимых типов

	ИКС	ИДС	ИОС
1 сил теор	59	74	133
2 кон теор	26	32	58
3 стаж пр	87	64	151
4 маргин	32	26	58

Таблица 9

Индексы организованности систем всех типов

	ИКС	ИДС	ИОС
1 сил теор	59	74	133
2 нонконттеор	26	32	58
3 стаж теор	51	33	84
1 стаж пр	87	64	151
2 маргиналы	32	26	58
3 силнпракт	66	62	128
4 конфтеор	49	45	94

ДЕСТРУКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ КОРРЕКЦИИ

Д. В. Мингазова

Аннотация: рассматривается понятие «деструктивное общение» и теоретические предпосылки его исследования, а также его основные виды и формы. Представлены особенности проявления деструктивного общения в подростковом возрасте и основные условия его коррекции.

Ключевые слова: деструктивное общение, девиантное общение корыстное общение, барьерное общение, конфликтное общение, нарциссическое общение.

Summary: the concept destructive communication and theoretical preconditions its research, and also its main types and forms are considered. Features of manifestation of destructive communication at teenage age are presented.

Keywords: destructive communication, deviating communication, mercenary communication, barrier communication,

conflicting communication, narcissistic communication.

Введение

Социальные и экономические проблемы в российском обществе сказываются прежде всего на детях и подростках. Ослабление института семьи, ее нравственных устоев, снижение позитивного влияния на воспитание детей приводит к возникновению различного рода девиаций среди подростков. Это объясняется особенностями данного возрастного этапа развития человека, его высокой уязвимостью, как в физиологическом, так и в психологическом плане. Именно в подростковом возрасте в связи с резкими физиологическими изменениями во всем организме в целом возникает кризисное состояние. Несмотря на это параллельно развиваются такие структуры лично-

сти, как самосознание, самооценка, личностная рефлексия и социальная активность, возникают нравственные идеалы и осознанное стремление к самоутверждению. Формирование этих важных компонентов личности происходит не в учебной деятельности, а в общении, которое является ведущим видом деятельности. Все исследователи психологии подросткового возраста так или иначе сходятся в признании того огромного значения, которое имеет для подростков общение со сверстниками [7; 10]. В своих трудах Д.И. Фельдштейн выделяет три формы общения подростков: интимно-личностную, стихийно-групповую, социально-ориентированную [13]. Автором было установлено, что педагоги и родители не входят в круг интимно-личностной, стихийно-групповой форм общения подростков. Однако именно в процессе стихийно-группового общения могут быть приобретены такие устойчивые черты характера, как агрессивность, повышенная тревожность, замкнутость. Этот факт не может не настораживать, так как стихийно складывающиеся неформальные группы подростков нередко приобретают противоправную направленность, превращаясь в криминальные объединения. Реальная потребность в стихийно-групповом общении отмечается у 15,5 % подростков, притом что фактическое наличие этой формы зафиксировано у 56 % детей 11–15 лет [10, с. 132]. Разрушительная, деструктивная деятельность подростков происходит, как правило, в компаниях и это является результатом нарушений в общении и взаимодействии, которое затрагивает и влияет на формирование личностных качеств молодых людей. Именно поэтому возникает необходимость иссле-

дования деструктивных форм общения подростков, являющихся малоизученными в науке формами нарушения взаимодействия.

Понятие «деструктивное общение»

В психологической литературе отсутствует понятие «деструктивное общение». Анализ энциклопедической и философской литературы позволил выявить общий смысл и значение понятий «деструкция» и «деструктивная деятельность человека». Деструкция (от лат. destructio — разрушение) — разрушение, нарушение структуры явления. В английском языке destructive — разрушительный, вредный. И.В. Лысак в своей работе, посвященной деструктивной деятельности человека, дает следующее определение данного явления: «Деструктивная деятельность человека — это специфическая форма активного отношения субъекта к миру или самому себе, основным содержанием которой является разрушение существующих объектов и систем» [6, с. 11]. К деструктивному общению В.Н. Куницына относит те формы и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения. Любая форма деструктивного общения затрагивает обе стороны, нередко вовлекая в это деструктивное взаимодействие массу других людей, заражая их негативными эмоциями, выбивая из привычного жизненного ритма [5, с. 398], в отличие от конструктивного общения, в результате которого участники получают для себя что-то полезное и могут сказать, что общение прошло плодотворно.

Основываясь на характеристике особенностей этого явления, выделенно-

го Н.В. Куницыной, мы даем следующее определение понятию «деструктивное общение» — это форма взаимодействия, которая носит осложненный характер, что обусловлено особенностями личностей общающихся. Деструктивное общение пагубно (разрушающе) сказывается на личности участников взаимодействия.

Виды деструктивного общения подростков

В.Н. Куницына с соавторами выделяет три основных вида деструктивного общения: агрессивно-конфликтное, корыстное и криминогенное. При этом она подчеркивает, что указанное явление мало изучено и здесь может быть еще множество проявлений и видов. По мнению этого автора, есть ряд нарушений общения, которые тоже могут быть отнесены к деструктивному общению либо тесно граничат с ним: авторитарное; агрессивно-конфликтное; корыстное, которое проявляется в форме лжи, обмана и вранья; манипулятивное; эгоистическое; патологическое, подвидами которого являются зависть, равнодушие и нарциссизм; затрудненное общение в виде застенчивости, склонности к одиночеству; криминогенное общение. Рассмотрим возможные проявления деструктивных форм в общении и поведении подростков, а также их последствия.

Эгоистическое общение подростков проявляется в предпочтении при выборе линии поведения собственных интересов и потребностей интересам общества, потребностям других людей. Эгоистическому общению свойственны: восприятие людей в качестве средства, предпочтение собственных инте-

ресов и потребностей интересам общества, неспособность понять переживания, стремления других людей; склонность произвольно расширять границы дозволенного в своих интересах вплоть до антиобщественного поведения, отсутствие лояльности, непризнание взаимных обязанностей.

Агрессивно-конфликтное общение держит партнера в напряжении и активизирует у него разнообразные способы психологической защиты [5, с. 402]. Агрессивность может принимать различные формы: мстительность, враждебность, попреки и угрозы, обиды и самонаказание, крики и ссоры, тихое ворчание, самобичевание. Вербальная агрессия представляет собой выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угрозы, проклятия, ругань), отрицательных эмоций, например: недовольство другими в форме брани, затаенной обиды, недоверия, ярости, ненависти и оскорбления. Произнесение в чей-либо адрес грубых, насмешливых и язвительных слов как раз является не чем иным, как проявлением вербальной агрессии. Этому способствует множество причин: стремление самоутвердиться, неуверенность в себе, попытка отстоять свою «взрослость». Склонность к авторитарному общению проявляется в следующих характеристиках: властолюбие; стремление получать контроль над другими; непризнание своей неправоты. Подростки, характеризующиеся авторитарным стилем общения, часто находят себя в качестве неформальных лидеров подростковых объединений, которые имеют асоциальную направленность.

Корыстное общение преследует цель обмана партнера. Обман по целям можно разделить на два вида: обман с целью получения выгоды, называемый ложью, и обман без цели получения выгоды, или вранье [4, с. 399]. Вранье в подростковом возрасте становится средством самоутверждения, служит способом психологической защиты — это уход от реальности и приписывание себе эмоций и качеств, которых нет, и вера в это. Преувеличивая свою уникальность и особенность, подростки часто создают себе вымышленную биографию, поддержание которой требует постоянных усилий. В связи с этим подростковое общение часто является напряженным, неестественным, имеет двойной план. Ложь — это сознательное, корыстное искажение истины для получения выгоды [4, с. 399]. Используя ложь, подросток стремится скрыть «ненужную» информацию, получить финансовую выгоду и т. д.

Манипулятивное общение подростков — это такое общение, когда партнер рассматривается как совокупность качеств, которые могут пригодиться при достижении той или иной цели. Манипуляция подростка чаще направлена: в семье — на родителей, с целью получения каких-либо выгод; в группе — на отдельного ее члена-сверстника, с целью поддержания каких-либо групповых норм. Манипулирование может осуществляться в групповом варианте. В этом случае, как правило, используется термин «групповое давление». Виды группового давления: лесть, шантаж, уговоры, запугивания, подчеркнутое внимание, похвала и т. п. Санкции могут носить поощрительный или запретительный характер. Наиболее болезненны эти меры именно для

подростков из-за возрастных особенностей психики.

Следующий вид деструктивного общения — криминогенное общение, для которого характерны антиобщественная направленность, психологическая стрессогенность и конфликтность, жестко заданный ролевой характер. В.Н. Волков выделяет три основных вида развития объединений подростков: товарищеская, криминогенная и преступная группы. Первая из них является просто досуговой группой, третья уже носит антисоциальный характер, а криминогенная представляет собой собственно делинквентную группу. Именно криминогенная группа «является базой для формирования негативных взглядов и установок, лежащих в основе преступного поведения, посредством таких психологических механизмов, как конформизм с переходом в полную жесткую идентификацию» [3, с. 219]. Путь к преступному поведению начинается с участия в группах совместного времяпрепровождения, где проявляется асоциальный элемент, через группу криминального характера, в которой происходит усвоение криминальной субкультуры и поведения, при активном влиянии лидеров.

Барьерное общение — взаимодействие, в основе которого лежат барьеры общения: относятся застенчивость — беззастенчивость, одиночество и отчуждение. Для застенчивости характерны следующие проявления: трудности при встречах с новыми людьми и знакомствах; ограниченная возможность положительной оценки личных качеств другими людьми; замкнутость и чрезмерная озабоченность собственными реакциями — все это препятствует ясности мыс-

ли и эффективности общения; обычно сопровождается такими чувствами, как депрессия, беспокойство и ощущение одиночества. Застенчивость у подростка со временем может трансформироваться в беззастенчивость, которая проявляется в наглости, развязности, хулиганском поведении, склонности к «плохим» компаниям. Беззастенчивость является попыткой изменить поведение в процессе общения, чтобы выглядеть уверенным в себе человеком, не изменяя при этом ведущих характеристик личности.

Патологическое одиночество в подростковом возрасте — это тот случай, когда значимые люди отвергают, не понимают и не принимают взрослеющего ребенка. Чаще всего такое происходит в контактах подростка со сверстниками, реже подобные трудности происходят в семье. В данном случае не всегда отвержение является истинным, важную роль играет субъективное ощущение неприятия, формирующееся в представлении самого подростка. Подобные осложнения подросток ощущает как мучительные и осуществляет попытки изменить ситуацию.

Еще один вид деструктивного общения — это завистливость, которая проистекает из желания приобрести то, что другой имеет, а также склонность к ревности, которая возникает из страха потерять уже приобретенное. Среди последствий завистливости в процессе общения могут быть: ухудшение процесса взаимодействия, неконструктивное отношение к разрешению конфликтных ситуаций; разрыв отношений с объектом зависти; торможение продуктивности в деятельности из страха зависти. Ревность в процессе общения характеризуется следующими проявлениями:

восприятие личности партнера по общению как своей «собственности»; подозрительным отношением к окружающим; страхом потери внимания партнера по общению. Сложности в общении с другом, который ревнует тебя и мешает устанавливать отношения с другими, оборачиваются в конфликтную ситуацию: внутриличностную или межличностную.

Подросток, склонный к нарциссическому общению, демонстрирует в обществе такие особенности поведения, как грандиозное самомнение о своей значимости, преувеличение своих успехов, нуждаемость в чрезмерном восхищении, ощущение, что имеет особые права, преимущества, при этом проявляет мало эмпатии, не сопереживает; часто завидует другим, и считает, что другие ему завидуют, демонстрирует высокомерное, надменное поведение.

Как показывает анализ деструктивного общения подростков, существует достаточно большое количество его различных видов и подвидов. Проблема содержания, психологические характеристики, формы проявления в психологической литературе еще недостаточно изучены. Для определения видов и структуры деструктивного общения подростков был использован факторный анализ показателей выделенных проявлений. Он дал пять факторов, представляющих собой соответственно пять основных видов деструктивного общения, которые объединили в себе близкие по своим качествам типы. Рассмотрим виды, которые были получены, а также процент распространенности каждого из них на выборке из 207 подростков-школьников. Первый вид — это «девиантное общение» (рас-

пространенность — 14,5 %), которое включает в себя склонность к агрессивности, авторитарности, эгоизму и криминогенности. Проявляется в общении властолюбием, стремлением получить контроль над другими людьми, неспособностью признать свою неправоту, демонстративностью и часто грубостью. Личность часто воспринимает окружающих как средства, предпочитает свои интересы и потребности интересам и потребностям других людей, может проявлять мстительность, враждебность, в речи часто использует попреки и угрозы, склонность расширять границы дозволенного вплоть до антиобщественного поведения, возможно следование ценностям криминальной субкультуры.

Следующий вид деструктивного общения — «корыстное общение» (распространенность — 24,2 %), оно включает в себя стремление манипулировать партнером и корыстные формы деструктивного общения (ложь, вранье). В данном случае партнер рассматривается как носитель качеств, которые могут быть полезны при достижении своей цели, то есть в стремлении овладеть волей партнера. Проявляется в форме обмана, лицемерия, прилипчивости, стремлении обмануть партнера из личной выгоды, либо человек просто получает удовольствие от процесса обмана окружающих.

«Барьерное общение» — взаимодействие, в основе которого лежат барьеры общения: застенчивость, одиночество и отчужденность (распространенность — 6,3 %). Человеку характерны: низкая экстравертированность, ощущение постоянной неловкости, напряжения во взаимодействии, причиной ко-

торых могут быть низкие самооценка и самоуважение, чувствительность к чужому мнению, страх быть отвергнутым и в то же время страх перед эмоциональной близостью, недоверие к людям. Как крайняя форма проявляется в охлаждении и разрыве с окружением, выпадении из социальных связей, апатии.

«Конфликтотенное общение» проявляется в поведении и взаимодействии человека в виде склонности к ревности, зависти, высокой конфликтности личности (распространенность — 20,3 %). Человек, склонный к данному виду деструктивного общения, проявляет во взаимодействии такие черты, как обидчивость, вспыльчивость, повышенная подозрительность, склонность к зависти и ревности, которые выражаются в страхе стать непопулярным, недоверии к ближайшему окружению. Стремление обесценить чужие достижения, которым завидует, доставить человеку неприятность (ябедничество, «стукачество»). При этом человек может запрещать своему лучшему другу общаться с кем-то, кроме него, обижаться на отсутствие внимания к своей персоне.

И последняя форма — «нарциссическое общение» (распространенность — 11,1 %), при котором человек демонстрирует выраженное высокомерие, эгоцентрическое поведение, безумное стремление выделиться, идеализирует тех, с кем общается, но при этом отвергает и даже уничижительно относится в процессе взаимодействия к тем, кто не входит в близкий круг общения. При этом для человека, склонного к этому виду общения, характерны низкая мотивация к деятельности и отсутствие высоких целей.

Предпосылки деструктивного общения

Деструктивное общение объективно существует не только как явление сознания или переживаний партнеров. Оно детерминировано особенностями психологической природы человека и человеческих отношений. В качестве детерминанты затрудненного общения Л.А. Петровская выделяет негармоничное развитие различных характеристик личности, ее отношений и социального контекста [9]. Особенности личности могут стать причиной затруднений в общении или результатом такого общения, могут рассматриваться как внешние или внутренние, субъективные или объективные факторы. Нельзя не учитывать неразрывную связь между общением и личностью при классификации причин деструктивного общения [1; 2; 7]. В зависимости от интегральных личностных образований изменяются характеристики общения, совокупность которых придает ему качество деструктивного. Таким образом, субъект деструктивного общения владеет особенностями, которые делают развитие глубоких и эффективных межличностных отношений недостижимыми, что деформирует личность, нарушает адекватные связи с окружающим миром.

В.Н. Куницына отмечает, что в основе возникновения деструктивного общения могут лежать определенные личностные качества человека, такие как эгоизм, склонность к манипуляции, агрессивность, застенчивость. Выявление взаимосвязи личностных особенностей подростков и склонности к деструктивным формам общения возможно на основе корреляционного ана-

лиза показателей (склонность к манипуляции, эгоистичность, негативизм, вербальная агрессия, косвенная агрессия, раздражительность, подозрительность, обидчивость, склонность к преодолению норм и правил, авторитарность, зависимость). Для выявления значимых связей между особенностями личности и деструктивными видами общения в группе из 207 подростков — учащихся общеобразовательных школ, использовался ряд методик: шкала диспозиционного эгоизма М. Муздыбаева и соавторов, опросник для выявления выраженности макиавеллизма Кристи и Гейса (Christie, Geis, 1970), методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки (адаптация А.К. Осницкого), методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению, разработанная Вологодским центром гуманитарных исследований и консультирования «Развитие», методика диагностики межличностных отношений Т. Лири и авторская методика определения склонности к деструктивному общению Д. Мингазовой, Р. Фатыховой, И. Нестеровой (МОДО).

Девиантное общение имеет значимые связи с эгоизмом (0,48, $p < 0,05$), негативизмом (0,32, $p < 0,05$), вербальной агрессией (0,81, $p < 0,05$), склонностью к преодолению норм и правил (0,34, $p < 0,05$), авторитарностью (0,74, $p < 0,05$) и отрицательно коррелирует с подчиняемостью (-0,42, $p < 0,05$). Можно заметить, что девиантное общение в основе своей развивается благодаря высокому уровню эгоизма личности и стремлению к доминированию над партнером по взаимодействию, при отсутствии уступчивости и эмоциональ-

ной сдержанности часто выражается в применении различных способов вербально через ссору, угрозы, ругань добиться своих целей.

Корыстное общение, в свою очередь, имеет связи с такими личностными качествами, как склонность к манипулированию (0,79, $p < 0,05$), эгоизм (0,59, $p < 0,05$), косвенная агрессия (0,36, $p < 0,05$), подозрительность (0,45, $p < 0,05$). В основе этой формы деструктивного общения также лежит эгоистичность и высокая степень манипулятивности. Такой человек подозрителен, потому что оценивает окружающих через свои качества и мотивы.

Положительная корреляция показывает связь барьерной формы деструктивного общения с подозрительностью (0,61, $p < 0,05$), зависимостью (0,74, $p < 0,05$) и подчиняемостью (0,61, $p < 0,05$), а также отрицательно связана с авторитарностью (-0,35, $p < 0,05$). Личность, которая изначально подозрительно и с недоверием относится к окружающему миру и людям, не способна отстаивать свои интересы.

Значимые положительные связи выявлены между конфликтогенным общением и склонностью к манипулированию (0,34, $p < 0,05$), эгоизмом (0,41, $p < 0,05$), косвенной агрессией (0,31, $p < 0,05$), раздражительностью (0,34, $p < 0,05$), обидчивостью (0,28, $p < 0,05$), а отрицательная связь — с подчиняемостью (-0,51, $p < 0,05$). Это означает, что субъект проявляет недоверие, зависть и ненависть к окружающим, использует против других лиц сплетни, шутки, очень раздражителен и склонен к манипуляции. Нарциссическое общение имеет значимые связи с эгоизмом (0,34, $p < 0,05$) и негативизмом (0,26, $p < 0,05$).

Личностные качества имеют тесную взаимосвязь с возникновением деструктивных видов общения, в особенности такие качества, как склонность к манипулированию, эгоизм, косвенная агрессия, подозрительность, которые имеют значительные связи не с одной, а с целым рядом видов деструктивного общения подростков. При этом почти все виды деструктивного общения, кроме барьерного, положительно коррелируют с высоким эгоизмом личности, которое, в свою очередь, является основной предпосылкой возникновения склонности к деструктивному общению.

Психолого-педагогические условия преодоления деструктивного общения

Коррекция деструктивного общения подростков возможна и эффективна при реализации следующих психологических и педагогических условий:

- создание комплексной коррекционной программы в виде социально-психологического тренинга для подростков;
- обеспечение атмосферы высокой культуры общения в отношениях педагог — подросток;
- осуществление объективной и своевременной диагностики, позволяющей определить различные виды деструктивного общения и особенности их проявления во взаимоотношениях подростков.

Культура педагогического общения выступает ведущим фактором формирования конструктивного общения у учащихся [11, с. 38], поэтому педагоги, которые имеют представление о том, как организовать эффективное взаимодействие в форме диалога с учащимися, осознают свои трудности в общении и

трудности, которые испытывает подросток, и могут определять пути их успешного преодоления [12].

Основным условием коррекции деструктивного общения подростков выступает создание комплексной коррекционной программы в виде социально-психологического тренинга для подростков. Как уже было отмечено, в практической психологии есть множество методов и форм коррекции нарушений поведения подростков. Наиболее приемлемой считается работа в группе, а именно в форме социально-психологического тренинга, так как для данного возраста значимым является именно принадлежность к группе. Условие по обеспечению высокой культуры педагогического общения реализуется в программе в несколько шагов: организация семинаров-практикумов для педагогического состава школы; выработка рекомендаций по дальнейшему взаимодействию с подростками, у которых выявлена склонность к деструктивному общению; организация тесного контакта с родителями учащихся.

Главными факторами при выбранном способе коррекции выступает опора на развитие и учет личностных качеств подростков, которые лежат в основе возникновения всех форм деструктивного общения, что эмпирически доказано. Эта проблема решается путем развития рефлексии и эмпатии в процессе занятий, когда делается упор на осознание мотивов. В связи с тем что все формы деструктивного общения подростков тесно взаимосвязаны, то вторым фактором эффективной коррекции можно считать равнозначное внимание ко всем из

них во время занятий, что выражается в количестве времени и качестве внимания, затраченных на каждую форму.

В заключение можно констатировать, что в коррекции деструктивного общения подростков необходим комплексный подход, реализуемый в трех направлениях: с подростками, педагогами и родителями.

Литература

1. *Аржакаева Т.А.* Психологические трудности общения начинающих учителей: автореф. дис... канд. психол. наук. — М., 1995.
2. *Бодалев А.А., Ковалев Г.А.* Психологические трудности общения и их преодоление // Педагогика. — 1992. — № 5–6.
3. *Волков В.Н.* Юридическая психология. — М., 2009. — 368 с.
4. *Знаков В.В.* Психология понимания правды. — СПб., 1999. — 79 с.
5. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение: учеб. для вузов. — СПб.: Питер, 2001. — 544 с.
6. *Лысак И.В.* Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. — Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ; Изд-во ТРТУ, 2004. — 160 с.
7. *Мудрик А.В.* Общение как фактор воспитания школьников — М., 1984. — 112 с.
8. *Петровская Л.А.* Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. — М., 1989. — 14 с.
9. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерицкая, Е.Д. Бреус. — М.: Академия, 2001. — 288 с.
10. Психология подростка: полное руководство / под ред. А.А. Реан. — СПб., 2008. — 504 с.
11. *Фатыхова Р.М.* Культура педагогического общения: учеб. пособие. — Уфа: БГПУ, 2003. — 130 с.
12. *Фатыхова Р.М.* Культура педагогического общения как условие психологической безопасности образовательной среды // Известия РАО. — 2012. — № 2. — С. 1389–1400.
13. *Фельдштейн Д.И.* Психологические аспекты изучения современного подростка // Вопр. психологии. — 1983. — № 1. — С. 33–42.

НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ — КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР ДЕТСКОЙ И ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

И. С. Соколов

Аннотация: в статье рассматриваются факторы, присущие российским неблагополучным семьям, влияющие на формирование девиантного и делинквентного поведения у детей и подростков. Дается сравнительный анализ качества жизни детей-инвалидов в США и Российской Федерации, что также влияет на детскую и подростковую преступность. На примере Калужской области указывается на влияние взрослого криминалитета на детей и подростков.

Ключевые слова: институт семьи; неполные семьи; девиантное и делинквентное поведение; трудная жизненная ситуация; семейное насилие; качество жизни.

Summary: the article discusses the factors inherent in the Russian disadvantaged families influencing the formation of deviant and delinquent behavior in children and adolescents. The comparative analysis of quality of the life of children-invalids in the USA and the Russian Federation is given, that also influences children's and teenage criminality. The example of the Kaluga area shows the influence of adult criminal on children and teenagers.

Keywords: family institute; incomplete families; deviant behaviour; a difficult vital situation; family violence; quality of the life.

Как известно, важное значение в социализации подрастающего человека имеет институт семьи. Детско-родительские отношения составляют

важнейшую подсистему отношений семьи как целостной системы и могут рассматриваться как непрерывные, длительные и опосредованные возрастными особенностями ребенка и родителя отношениями. Именно в раннем возрасте в семье прививаются детям основные моральные требования, правила поведения и приличия, закладываются основы характера, исходные жизненные установки и ценности.

В настоящее время накоплено значительное количество данных о том, что семья — главное звено той причинной цепочки, которая выводит на преступное поведение, поэтому вопросы формирования личности в семье заслуживают исключительного внимания психологов, педагогов, криминологов.

Как показывают исследования личности преступников, будучи уже взрослыми людьми, они часто воспроизводят в своем поведении то, что запечатлелось в их психике в период детства. Преступное поведение в определенном смысле есть продолжение и следствие первичной социализации — периода жизни ребенка, когда он еще бессознательно усваивает образцы и манеры поведения, типичные реакции старших на те или иные проблемы. Семейное неблагополучие — один из криминогенных факторов, который приводит к искаженному формированию личности и последующему переходу подростка на преступный путь.

В терминологии практикующих юристов давно используется понятие «небла-

гополучные семьи». Большинство практиков связывают неблагополучие в семье не только с пьянством, алкоголизмом или наркозависимостью родителей, но и гораздо шире.

Роль образа родителя и ребенка в детско-родительских отношениях состоит в ориентировке в указанной системе отношений с целью достижения согласованности и сотрудничества в решении задач совместной деятельности и обеспечении необходимых условий гармоничного развития ребенка. Особенно интеграции образов родителя и ребенка в детско-родительских отношениях исследуются в работах Л.И. Вассермана, Г.Т. Хоментausкаса, Е.О. Смирновой, В.В. Абраменковой, О.А. Карабановой, И.М. Марковской.

Семья — это основополагающая ячейка, где осуществляется социализация ребенка. Именно семья дает человеку возможность ощутить психологический комфорт, человеческое тепло и заботу, удовлетворенность жизнью. Однако в последние годы она испытывает серьезные потрясения. Социальный кризис в России способствовал девальвации семейных ценностей.

Большинство отклонений в поведении несовершеннолетних: безнадзорность, правонарушения, употребление психоактивных веществ и т. д. имеют в своей основе один источник — социальную дезадаптацию, корни которой лежат в семье.

Семьи, для которых характерны наиболее глубокие дефекты социализации, вольно или невольно провоцируют детей на раннее употребление психоактивных веществ и совершение правонарушений. Специалисты выделяют следующие типы дисфункциональных, неблагополучных семей:

1. Псевдоблагополучная семья, приносящая неправильные методы воспитания. Это приводит к социальной и педагогической запущенности ребенка, иногда к задержкам психического развития и психическим отклонениям, следствием этого становятся употребление психоактивных веществ, правонарушения.

2. Неполная семья, отличающаяся дефектами в структуре. Разводу предшествует общее ухудшение семейных отношений. Ребенок становится свидетелем скандалов между родителями, видит сцены грубости, унижения, насилия. Он чувствует себя отчужденным в семье и старается, как можно больше времени проводить вне дома и роль воспитателя берет на себя улица.

3. Проблемная семья, характеризующаяся постоянной конфликтной атмосферой. Господствующая в семье конфликтная ситуация создает постоянную атмосферу напряженности, которая является непереносимой для детей и подростков, они стремятся как можно меньше находиться дома, «улизнуть» под любым предлогом на улицу, где и проводят большую часть времени.

4. Аморальная семья, характеризующаяся алкогольной, аморальной и сексуальной деморализацией. Дети вынуждены скитаться по улицам, по подъездам и вокзалам, где собираются точно такие же сверстники.

5. Криминогенная семья. В таких семьях между родителями и детьми отсутствуют или искажены эмоциональные связи, отсутствует социальный контроль, искажается процесс усвоения социальных ролей, норм-образцов и норм-принципов поведения, что в итоге приводит к формированию асоциальной личности.

Таким образом, в профилактической деятельности акцентировать внимание следует именно на проблемах семьи, так как воспитание в семье определяет деструктивный или конструктивный путь развития ребенка, именно в ней закладываются интересы, потребности, характер и направленность формирующейся личности.

Данный подход позволит минимизировать социальную дезадаптацию в поведении несовершеннолетних, оптимизировать процесс социализации, привить новые образцы социально желаемого поведения.

Семейное неблагополучие, как фактор девиантного поведения несовершеннолетних, может проявляться в отсутствии одного из родителей либо полном отсутствии таковых. Распад семей оказывает неизгладимое воздействие на психику несовершеннолетнего. О значении семейной атмосферы для эмоционального развития ребенка известно уже достаточно много. Имеется множество экспериментальных свидетельств того, что делинквентное поведение, злоупотребление алкоголем, поведенческие трудности, депрессивные симптомы имеют место у несовершеннолетних подросткового возраста, переживших развод родителей и уход отца из семьи.

Существенные дефекты семейного воспитания имеют место в большинстве случаев искаженного формирования личности и последующего перехода на преступный путь. Исследования свидетельствуют о росте конфликтующих, отчужденных отношений между родителями и детьми. На этой почве у несовершеннолетних развивается чувство оппозиции к нравственным ценностям стар-

шего поколения, растерянности и неуверенности, низкая самооценка.

Негативные процессы социального и экономического характера, сопровождающие преобразования, проводимые в стране, существенно ослабили родительскую семью как социальный институт, ранее наиболее последовательно и надежно защищавший жизнь и здоровье детей и подростков, обеспечивающий их интеллектуальное и нравственное развитие.

В связи со снижением материальных возможностей, последствиями мирового экономического кризиса в Калужской области около 48 % учащихся общеобразовательных школ живут в малообеспеченных семьях, характеризующихся сложной психологической обстановкой, что способствует интенсивному распаду таких семей, уходу из них детей и подростков. В малообеспеченных семьях все больше превалирует неуверенность в завтрашнем дне, слабая защищенность от жизненных невзгод и прямого насилия, что ведет к дальнейшему росту безнадзорности. Анализ сведений о среде обитания и социальных связях подростков показал, что количество неблагополучных семей, ежегодно берущихся на учет органами внутренних дел, растет из года в год.

В настоящее время в наиболее сложном положении находятся дети и подростки, не защищенные от негативного влияния неблагополучной родительской семьи, в результате чего значительная часть детей и подростков получает примеры аморального образа жизни, деформируется в своем развитии, приобретает негативные личностные качества.

Среди несовершеннолетних с девиантным и делинквентным поведением

значительным остается число лиц, проживающих в неблагополучных семьях.

Увеличивается число разводов среди супругов, имеющих несовершеннолетних детей, а также внебрачная рождаемость и, как следствие этих процессов, растет количество неполных семей. Ежегодно в России остается без одного родителя около 500 тыс. детей и подростков. Значительную долю составляют неполные семьи до 13 %. В подавляющем числе случаев это семьи одиноких матерей, разведенных женщин и вдовцов.

Наши исследования показали, что многие подростки совершали преступление не по причине неблагоприятного стечения обстоятельств, а в силу того, что они постепенно приближались к правонарушению в процессе деградации личности.

На становление личности несовершеннолетнего преступника влияют семьи, которые способствуют: а) вовлечению несовершеннолетних в наркоманию, проституцию, занятия азартными играми; б) отрицательный пример членов семьи, их аморальный образ жизни, пьянство, ссоры, скандалы, переходящие в драки; в) воспитание детей бездельниками и эгоистами; г) невыполнение родителями своих обязанностей по воспитанию детей, невнимание к их интересам, грубость и деспотизм; д) наличие в семье антиобщественных взглядов, обычаев, нравов и иных вредных пережитков, пренебрежительное отношение к труду и другим важным гражданским обязанностям.

Девиантные семьи — семьи алкоголиков, наркоманов, правонарушителей и др. По данным МВД России, на учете в органах внутренних дел находятся свыше 113 тыс. родителей, отрица-

тельно влияющих на поведение детей. В 30% неблагополучных семей родители систематически злоупотребляют спиртными напитками, в 40% устраивают скандалы, ведут антиобщественный образ жизни.

В таких семьях утвердился культ насилия в межличностных отношениях как способ общения. Взаимное неуважение, грубость, жестокость, откровенный цинизм стали настолько привычными для детей, что воспитывают в них ненависть к непосредственным виновникам создания подобной обстановки в семье и одновременно формируют аналогичные качества и у самих подростков.

При сохранении типичных черт семейного положения подростков, совершивших административные правонарушения, к которым относятся психологический дискомфорт, неблагополучие, ограничения или неисполнения семьей социально-полезной воспитательной функции, в последнее время все чаще определяется негативная внутренняя ситуация, связанная с прямым отрицательным примером родителей и других взрослых членов семьи (пьянство, наркомания, проявление жестокости цинизма), а также неправильная ориентация семейного воспитания (формирования у детей безответственности, потребительства, эгоцентризма).

Сегодня в Калужской области проживает 164 540 детей от 0 до 17 лет, 96 тыс. из них — в возрасте от 7 до 17 лет. По последним отчетным данным, 49 323 ребенка от 7 до 17 лет находятся в трудной жизненной ситуации.

Типичная характеристика семьи несовершеннолетнего, совершившего правонарушения преступного характера, — это пониженный, против средне-

го, образовательно-культурный уровень и профессиональный статус, что существенно ограничивает сферу позитивного общения семьи с детьми, а также правильное формирование у них духовных интересов и потребностей.

По выборочным результатам нашего исследования почти каждый четвертый родитель подростков, совершивших административные проступки, страдал тем или иным хроническим заболеванием или являлся инвалидом, каждый шестой имел начальное образование. Родитель каждого второго-третьего правонарушителя имел низкую квалификацию и работал в сфере частного бизнеса, жил в основном случайным заработком за оказание различных разовых услуг.

Характеризуя климат взаимоотношений в семьях правонарушителей важно отметить, что только 30% из них можно отнести к категории дружных. В 15% семей атмосфера жизни была постоянно накалена острыми конфликтами, ссорами между взрослыми членами семьи, в 40% — конфликтовали родители с детьми. Одним из негативных обстоятельств в девиантных семьях является неумение вести себя в повседневном общении. Девиантные семьи характеризуются в быту использованием примитивного словаря, состоящего из нецензурных слов, оскорбительных выражений, а также незнанием, игнорированием правил этикета, невнимательностью, грубым тоном.

Отсутствие понимания между родителями и детьми опасно тем, что в трудных жизненных ситуациях дети могут пойти за помощью к лицам с асоциальной направленностью. Эти лица, оказав детям сиюминутное внимание, понимание и помощь, могут стать значительными

ми в жизни ребенка и оказывать в дальнейшем существенное негативное влияние на его поведение.

Обстановка в делинквентных семьях, семьях с криминальной направленностью, характеризуется периодическими или с нарастающей интенсивностью конфликтами, драками, кратковременными или длительными разрывами семейных связей, супружеской неверностью.

Выборочное криминологическое исследование показало, что 25% подростков из неблагополучных семей живут в семьях, где есть судимые. На личность подростка в семье, на его формирование в дальнейшем отрицательную роль играет то, что с ним совместно проживают близкие люди, которые ранее были осуждены за те или иные преступления, т.е. имели судимость. Анализ уголовных дел несовершеннолетних свидетельствует, что 40% несовершеннолетних преступников являются выходцами из семей, в которых братья или сестры ранее были судимы.

Физическое и психологическое насилие — это одна из главных причин, влияющих на формирование у подростков предпосылок совершения правонарушений. Ежегодно от насилия страдают около двух миллионов мальчиков и девочек в возрасте до 14 лет. Для 10% из них семейное насилие заканчивается смертельным исходом; 2 тыс. кончают жизнь самоубийством. В то же время размеры инвалидизации определить не представляется возможным.

Обычно агрессором в семье является мужчина, а его жертвами — те, кто слабее. Но если женщины, особенно бездетные, могут избавиться от обидчика путем обмена жилплощадью, развода и

так далее, то правовые положения детей такой возможности не дают. Они вынуждены лишь терпеть побои и истязания в подавляющем большинстве случаев от собственных же родителей.

Многих несовершеннолетних правонарушителей характеризует постоянное желание куда-нибудь уехать, переменить место жительства.

По мере взросления и приобретения самостоятельности подросток получает возможность уйти от подобных условий жизни, избежать, упреков, безразличия, во многих случаях — побоев и издевательств. Эта возможность реализуется путем все более активного участия в неформальных группах сверстников и побегов из дома.

Результаты насилия могут быть самыми разными, начиная от повышенной ранимости до шизофренических расстройств, гомосексуализма и многих других отклонений.

Последствия насилия в семье приводят к изменениям в физическом и психическом развитии детей. Именно насилие во многом определяет характер их поведения и образ жизни на все последующие годы. Показательно, что около 90 % несовершеннолетних преступников, осужденных за насильственные преступления, еще до начала их криминальной деятельности сами являлись объектами жестокого обращения.

У ребенка, постоянно подвергающегося такому обращению, складывается убеждение, что грубость — норма отношений между людьми. Они испытывают гнев, который чаще всего изливают на более слабых: младших по возрасту, на животных. В некоторых случаях несправедливое отношение вызывает у подростка отчаянное желание любой

ценой отомстить обидчику и ведет к совершению преступления. В 30 % случаев преступления против жизни несовершеннолетние лица совершают в ответ на провоцирующие действия со стороны жертвы.

В семьях с насильственным поведением у детей озлобление против родителей сохраняется на всю жизнь. Человек чрезвычайно ожесточается, сам становится циничным, эмоционально глухим, не считается с интересами и чувствами других людей — у него появляется ненависть к людям.

В последнее время отмечается увеличение интереса к проблеме качества жизни, который находит отражение в научно-исследовательских работах в социологии, экономике, медицине, психологии. Под качеством жизни понимается система ценностей, характеризующих созидательную деятельность, удовлетворение потребностей и развитие человека (групп населения, общества), удовлетворенность людей жизнью, социальными отношениями и окружающей средой. Качество жизни является и целью и результатом деятельности общества. К примеру, в США около 4 % всего детского населения составляют дети с заболеваниями и состояниями, ограничивающими их функциональную и социальную активность (до 17 лет).

Для сравнения и понимания проблемы российские данные последствий болезни детей-инвалидов, связанные с их ограничениями жизнедеятельности, выглядят следующим образом: снижение интеллектуальных способностей, включая способность к приобретению знаний — 15,9 %, память — 3,5 %, способность понимать — 9,2 %, способность видеть — 7,75, слышать — 5,2 %, хо-

дить — 11,5 %, преодолевать препятствия — 7,2 %, владеть телом — 3,9 %, действовать руками — 3,8 %, перемещаться — 3,5 %, ограничения ухаживать за собой — 8,7 %.

До 60% детей-инвалидов страдают нарушениями способности передвигаться, производить точные движения, адекватно вести себя, контролировать собственные действия. Отсутствие в настоящее время единой системы регистрации хронических заболеваний и состояний,

не позволяет иметь сведения о характере степени нарушений функций у детей.

Таким образом, проблема насилия в семье, способствует формированию крайне высокого уровня психических заболеваний и инвалидности детей. Судьба таких детей зависит от действий взрослых. Настало время определить роль семьи как института воспитания молодого поколения с учетом всех происходящих экономических и социально-политических изменений общества.

ОСОБЕННОСТИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СТРОГОГО РЕЖИМА

Н. Г. Соболев, А. Н. Михайлов

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования психологических особенностей автобиографической памяти ВИЧ-инфицированных осужденных с учетом времени нахождения человека в условиях социальной изоляции и тяжести совершенного преступления, а также рекомендации, направленные на психологическое сопровождение данной категории преступников в ИУ.

Ключевые слова: автобиографическая память; ВИЧ-инфицированные осужденные; кризисная жизненная ситуация, событие; психологическое сопровождение.

Summary: the article presents results of empirical research of psychological features of autobiographical memory HIV-infected prisoners to the time of finding a person in conditions of social exclusion and the severity of the crime, and recommendations for the psychological support of this category of offenders in correctional institutions.

Keywords: autobiographical memory; the HIV-infected prisoners; crisis situation in life, the event; psychological support.

В настоящее время проблема психологического обеспечения деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) с ВИЧ-инфицированными осужденными приобретает первостепенное значение для

решения многих практических задач, например, для профилактики деструктивных форм поведения инфицированных осужденных, в том числе намеренного распространения ВИЧ среди остальной части осужденных, а также коррекции склонности к агрессивному поведению и суициду [8].

По состоянию на январь 2012 г. общее количество ВИЧ-инфицированных осужденных, содержащихся в УИС, составляет более 55 тыс. человек. По данным ведомственной статистики, начиная с 2004 г., отмечается прогрессивное нарастание числа ВИЧ-инфицированных лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях. Так, если в указанном году насчитывалось 12 164 таких лиц, то к 2011 г. их численность составляла уже 55 527 человек, из них 39 130 содержится в исправительных учреждениях, что составляет порядка 70,5 % от общего числа ВИЧ-инфицированных осужденных [7, с. 257].

Интерес к отдельным феноменам автобиографической памяти является ровесником психологии. Как в зарубежной (А. Адлер, А. Бергсон, К. Левин, А. Фрейд, З. Фрейд и др.), так и в отечественной (К.Н. Василевская, Е.Н. Исполатова, А.А. Кроник, Т.П. Николаева, В.В. Нуркова и др.) психологии обосновываются попытки изучения автобиографической памяти с позиций различных подходов: феноменологического, психоана-

литического, генетического, социокультурного и когнитивного. Каждый из подходов предлагает теоретические постулаты и методические процедуры, но ни один из них не дает возможности построения теории, адекватно отражающей богатство феноменологии автобиографической памяти в ее специфике и сложности [9, с. 141–142].

Диагноз «ВИЧ-инфекция» создает дополнительные нервно-психические нагрузки на осужденных к лишению свободы. У большинства осужденных, живущих с ВИЧ-положительным диагнозом, достаточно часто встречаются тяжелые эмоциональные периоды, когда они испытывают такие симптомы, как депрессия, тревога, страх, нарушения сна, ночные кошмары, трудности концентрации внимания, чувство вины или беспомощности, безнадежность, мысли о смерти. Эмоциональные кризисы оказывают негативное воздействие, направленное на психологическую коррекцию и адаптацию ВИЧ-инфицированных осужденных [6, с. 54].

Переживание трудной жизненной ситуации ориентирует личность на осознание необходимости работы с субъективным настоящим, о чем свидетельствует достаточно большое количество воспоминаний, связанных с психотравмирующим событием — болезнью или заключением, локализованным в настоящем; прошлое и будущее становятся несколько менее значимыми, то есть наблюдается сужение временной трансспективы личности. Преобразование прошлого — преобладание позитивных событий или же, наоборот, усечение прошлого, которое проявляется в феноменах утраты воспоминаний, обесценивания прошлого, может быть попыткой

совладания с трудной жизненной ситуацией [5, с. 14–15].

Итак, с учетом позиций, представленных в публикациях современных зарубежных и отечественных психологов, под автобиографической памятью понимается память как психологическое образование, которое несет на себе основное бремя организации временной трансспективы личности. Лишенный памяти об уникальном индивидуальном прошлом, человек существовал бы в постоянно неуловимо обновляющемся настоящем и не был бы способен выстроить сколько-нибудь адекватный образ будущего с осознанием специфических особенностей трудной жизненной ситуации, в которой он оказался.

В отечественной психологии достаточно широко представлена тематика кризисных жизненных ситуаций: ситуация социальной нестабильности, стрессогенная, кризисная, критическая, переломная, экстремальная и невозможная ситуации и т. д.

Отличительные особенности перечисленных типов трудных для личности ситуаций можно описать на основе комплексного взаимодействия пяти факторов:

1) фактора вероятностного прогнозирования, исходя из анализа своего прошлого опыта, человек оценивал вероятность наступления этого события как нулевую либо минимальную;

2) витального фактора, который выражается в субъективном ощущении невозможности жить, существовать в связанной ситуации, человеку кажется, что он не перенесет этих условий, не сможет с ними смириться;

3) когнитивного фактора, то есть отсутствия необходимых знаний, умений и

навыков для жизни в данной ситуации, неприменимость имеющихся когнитивных схем;

4) поведенческого фактора, то есть отсутствия сформированных моделей поведения;

5) экзистенциального фактора, или ощущения смыслоутраты, «экзистенциального вакуума». На более высоком уровне обобщения эти ситуации объединяет в первую очередь симптоматика деформации временной транспективы личности, когда будущее утрачивает позитивную валентность, настоящее хаотично, а прошлое перестает быть ресурсом для продуктивного жизнетворчества.

С учетом изложенного было проведено исследование особенностей автобиографической памяти ВИЧ-инфицированных осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях строгого режима УФСИН России по Архангельской области.

Анализ материала, представленного в личном деле осужденного, позволил получить сведения о времени его пребывания в учреждении, имеющихся заболеваниях, а также статьи, по которым лицо было осуждено к лишению свободы.

Согласимся с позицией, представленной в работе Е.П. Молчановой, о том, что одной из наиболее сложно адаптируемых категорий осужденных к условиям отбывания наказания являются ВИЧ-инфицированные осужденные [4, с. 48–52]. При этом, по ее мнению, первоначальный этап отбывания наказания в исправительном учреждении (длительностью от 2–3 месяцев до года) является наиболее психотравмирующим для ВИЧ-инфицированных осужденных и выражается в конфликтах с другими

осужденными и представителями администрации, нарушениях режима содержания, суицидальных попытках или актах членовредительства.

В связи с этим в экспериментальную группу нами было отобрано 46 респондентов, осужденных за корыстные и насильственные преступления, находящиеся в учреждении не более одного года, являющихся ВИЧ-инфицированными.

В контрольную группу мы также включили 45 осужденных, отбывающих наказание в учреждении не более одного года и не зараженных ВИЧ-инфекцией.

Автобиографическая память как крайне интенсивно функционально нагруженное психологическое образование играет значительную роль в преодолении кризисных ситуаций различного рода.

В качестве инструмента, позволяющего, с одной стороны, исследовать особенности автобиографической памяти осужденных, а с другой — выделить особый механизм совладающего поведения, ориентированный на ресурсный потенциал автобиографической памяти, нами была выбран метод каузометрии, разработанный А. Кроником и Р. Ахметовым [3]. Каузометрический опрос состоит из следующих блоков:

Биографическая разминка. Процедура предназначена для введения человека в ситуацию целостного осмысления своего жизненного пути. Включает в себя определение даты рождения, ожидаемой продолжительности жизни и методики «Оценивание пятилетних интервалов».

Формирование списка событий. Процедура предназначена для формирования опрашиваемым списка наиболее важных событий прошлого, настоящее

го и возможно будущего в любой удобной для него формулировке. Всего предстоит назвать 15 событий.

Датировка событий. Опрашиваемый указывает год, месяц (или время года), число (или начало/середину/конец) месяца, когда произошло или произойдет каждое из названных событий.

Ранжировка событий по важности «для себя». Процедура предназначена для определения личной значимости событий. Измеряется с помощью прямой ранжировки опрашиваемым событий по их важности для себя.

Обозначение сфер принадлежности. Процедура предназначена для определения того, к каким сферам жизни принадлежит то или иное событие (перемены в обществе, природе, деловой и семейной жизни, проведении досуга, внутреннем мире, состоянии здоровья).

Анализ событий по шкале «приятное — безразличное — неприятное». Процедура направлена на выявление осознанного эмоционального отношения к событиям (эмоционального знака событий).

Каузометрия позволяет сделать выводы о возможных деформациях картины жизненного пути, о масштабности, осмысленности и реализованности замыслов человека, об особенностях его стиля жизни и удовлетворенности своим прошлым, настоящим, будущим.

На основании проведенного эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что автобиографическая память здоровых осужденных содержит большее количество событий, чем автобиографическая память ВИЧ-инфицированных осужденных.

У осужденных, включенных в экспериментальную группу, наблюдалось существенное сокращение ($p \leq 0,01$) обще-

го количества событий, представленных в блоке «Формирование списка событий», а также уменьшение количества жизненных тем, к которым можно было отнести упомянутые события. Группы значимо различались по тематическому составу событий.

Можно предположить, что ВИЧ-инфекция приводит к внезапному блокированию всех потенциалов трудоспособности и одаренности осужденного. За этим следует переоценка своих достижений в прошлом и возможностей в будущем. Болезнь «сковывает» человека в настоящем, будущее становится неопределенным. Это обстоятельство позволяет отметить наличие у данной категории респондентов кризисной жизненной ситуации, выражающейся в эмоциональной опустошенности и бесперспективности в оценках своего существования. Подтверждение указанного вывода мы находим в ответах испытуемых. Так, для ВИЧ-инфицированных осужденных самыми значимыми темами явились следующие: «как я попал в места лишения свободы» — 80 %; «почему я оказался здесь» — 78 %; «если бы начать жизнь заново» — 69 %. Наименее значимыми явились темы: «мои достижения в жизни» — 9,6 %; «школьные годы» — 8,4 %; «мои дети» — 5,8 %.

Респондентам, включенным в контрольную группу, свойственен феномен идеализации и осмысления прошлого, что служит своеобразным защитным механизмом. Для них особенно значимыми и ценными становятся межличностные отношения, для ВИЧ-инфицированных осужденных же межличностные отношения чаще сопряжены с болезненными воспоминаниями («разрыв» — $p \leq 0,01$). Высокосignificantным собы-

тием для ВИЧ-инфицированных также оказалась смерть близких людей.

В трудной жизненной ситуации у ВИЧ-инфицированных осужденных происходит активизация работы с субъективным настоящим; прошлое и будущее становятся менее значимыми, то есть наблюдается сужение временной транспективы личности. В то же время исключение прошлого из психологического обихода личности, которое проявляется в описанных нами феноменах утраты детства, обеднения прошлого и онтологизации настоящего, на наш взгляд, не может рассматриваться в качестве оптимальной стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией. В исследовании, проведенном К.Н. Василевской, также указывается на необходимость включения более широкого перечня значимых событий, направленных на расширение временной транспективы при проведении коррекционных мероприятий с данной категорией испытуемых [1, с. 93–102].

Культурные жизненные сценарии ВИЧ-инфицированных осужденных могут рассматриваться в качестве интериоризованных идеальных средств, формирующих автобиографическую память как высшую психическую функцию, детерминируя ее организацию в содержательном и временном аспектах. Наиболее доступные для воспроизведения автобиографические воспоминания группируются вокруг воспоминаний о переломных событиях. Функция, описывающая возрастание доступности воспоминаний из периодов, окружающих переломные события, носит степенной характер.

Выраженность обнаруженных эффектов у ВИЧ-инфицированных осуж-

денных может служить критерием для диагностики личности и основой разработки процедур воздействия, направленных на оживление событий детства, повышение тематического и фактологического разнообразия прошлого и переоценку жизненного пути в целом, которые помогут человеку, находящемуся даже в самой негативной ситуации, в частности в местах лишения свободы, переживая тяжелое заболевание, сохранить себя как целостную личность, обладающую уникальной историей.

При организации психологического сопровождения ВИЧ-инфицированных осужденных сотрудникам психологической службы необходимо учитывать следующие психологические особенности этой категории осужденных:

1. Психологической особенностью ВИЧ-инфицированных осужденных является тенденция к объединению, солидарности в виде противопоставления себя администрации, поэтому очень важно отношения с ВИЧ-инфицированными строить с позиции права. Доброжелательное обращение обязательно. На первом этапе работы персоналу следует изменить их социальную установку.

2. Стремление к саморазрушению, соединенное с преобладанием групповых ценностей, можно обозначить как «счастье принести себя в жертву ради интересов группы». Если администрация исправительного учреждения не идет на уступки — совершают членовредительство, считая, что тем самым группа, с которой они себя отождествляют, сможет отстаивать свои интересы.

3. Восприимчивость к негативно-му влиянию неформальных лидеров и соблюдению «традиций» своей среды. Часто в их микрогруппах происхо-

дит психологическое заражение: реакции (позитивные, негативные) одного осужденного начинают переживать находящиеся рядом с ним. В связи с тем что в большинстве случаев ВИЧ-инфицированные осужденные бывшие наркоманы (это подтверждается результатами нашего исследования по методике полуструктурированного интервью: ВИЧ-инфицированные — 13,2%, здоровые осужденные — 3,1%), волевые процессы у них нарушены. У этой категории осужденных также часто возникают аффективные состояния, реализация которых нередко перерастает в агрессивные и аутоагрессивные действия.

Важнейшая задача психолога состоит в том, чтобы помочь ВИЧ-инфицированным осужденным в адаптации к условиям исправительного учреждения, преодолеть подозрительность к основной здоровой части осужденных, представителям администрации учреждения.

Диагноз ВИЧ-инфекция дает толчок неуверенности во всех аспектах жизни человека, включая качество и продолжительность жизни, эффективность лечения и реакцию общества, поэтому ВИЧ-инфицированные и отличаются от других осужденных глубоким психологическим переживанием своего психического состояния.

В качестве подтверждения продуктивности работы с автобиографической памятью выступают методики, применяемые в психотерапевтических практиках, базирующихся на представлении о том, что направленная трансформация автобиографических содержаний ведет за собой устойчивые или ситуативные изменения личности. Формирование позитивно-ориентированной автобио-

графической памяти зарекомендовало себя в качестве эффективного инструмента улучшения психологического статуса пациентов с различной нозологией: хронических больных шизофренией различных возрастов, больных депрессией, подростков — носителей вируса СПИДа, лиц с высоким уровнем тревожности. Появились рекомендации использования терапии, основанной на модификации содержаний автобиографической памяти, в качестве основания системы ухода за стационарными больными. При этом предложенные техники предоставляют пациенту возможность переживания «альтернативного жизненного опыта», который не заменяет реальный, а лишь «расшатывает» его негативность, расширяя потенциал прошлого опыта субъекта [2].

Иными словами, оживление воспоминаний о детстве в качестве психокоррекционной процедуры будет способствовать нормализации психологического состояния испытуемых и, как следствие, оптимизировать их контакты с окружающей действительностью.

Таким образом, учет автобиографической памяти при психологическом сопровождении ВИЧ-инфицированных осужденных будет способствовать нормализации психического состояния, а также исправлению и ресоциализации лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Литература

1. Василевская К.Н. Автобиографическая память и перелом судьбы: формирование или разрушение? // Материалы IX Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2002». — М., 2002.

2. ВИЧ-инфекция и СПИД — ассоциируемые заболевания / А.Я. Лысенко [и др.]. — М., 1996.

3. *Кроник А.А., Ахмеров Р.А.* Каузометрия: методы самопознания, самодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. — М., 2008.

4. *Молчанова Е.П.* Проблемы сопровождения психологом ВИЧ-положительных осужденных в условиях исправительной колонии строго режима // Психологическое обеспечение деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Минюста России (теория и практика). — М., 2004.

5. *Нуркова В.В.* Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. — М., 2000.

6. Оказание психологической помощи ВИЧ-инфицированным осужденным. — М., 2006.

7. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России январь-декабрь 2011 года: информ.-аналит. сб. — Тверь, 2011.

8. Рекомендации ВОЗ по ВИЧ-инфекции и СПИДу в тюрьмах (Женева, март 1993 г.); Рекомендация № R (93) в отношении тюремных и криминологических аспектов контроля над инфекционными заболеваниями, включая СПИД и проблемы охраны здоровья в тюрьмах: принята Комитетом Министров 18 октября 1993 г. на 500-м собрании заместителей министров; Рекомендация № R (98) 7 по этическим и организационным аспектам здравоохранения в тюрьмах: принята Комитетом Министров Евросоюза 8 апреля 1998 г. на 627-ом собрании заместителей министров.

9. *Стрелков Ю.К.* Психология жизненных кризисов и значимых событий // Психолог. журн. — 1993. — Т. 14. — № 5. — С. 141–142.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДАЧИ ХОДАТАЙСТВ ЛИЦАМИ, ОТБЫВАЮЩИМИ НАКАЗАНИЯ, О ПРИВЕДЕНИИ В СООТВЕТСТВИЕ ПРИГОВОРА СУДА ПОЛОЖЕНИЯМ НОВОГО ЗАКОНА

О. В. Обернихина

Аннотация: статья содержит актуальные вопросы применения обратной силы уголовного закона в отношении лиц, отбывающих наказания, при приведении в соответствие приговора суда положениям нового закона, который смягчает наказание либо декриминализует деяние. Основной идеей статьи является тот факт, что осужденные, как показывает практика, либо не знают о своих правах, либо не имеют возможности их полноценно реализовывать. Это влечет за собой фактическое нарушение конституционных принципов, а равно нарушение прав граждан.

Ключевые слова: гуманизация карательной политики, уголовное правосудие, открытость уголовно-исполнительной системы, осужденный, концепция развития уголовно-исполнительной системы, обратная сила уголовного закона.

Summary: this article contains topical issues retroactive application of the criminal law in respect of persons serving sentences, in adjusting the verdict, according to the provisions of the new law that reduces the punishment or decriminalizes act. The main idea of the article is the fact that the convicts, as practice shows, are either unaware of their rights or are not able to fully implement them. This entails an actual violation of constitutional principles, as well as to a violation of civil rights.

Keywords: the humanization of punitive policy, criminal justice, the condemned, the concept of development of criminal-executive system, the force of the criminal law.

Анализ судебной практики применения ст. 10 УК РФ при рассмотрении ходатайств о приведении приговоров в соответствие с действующим законодательством за период 2011–2013 гг. показал, что современная правовая политика государства взяла курс на гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства. За семнадцатилетний срок действия Уголовного кодекса Российской Федерации в него было внесено более трех тысяч изменений и дополнений. Подавляющее большинство связано в той или иной мере с применением обратной силы закона. Очень важно, чтобы толкование об обратной силе уголовного закона было основано на уголовно-правовой науке и практике [1]. Внесенные в действующее уголовное законодательство изменения повлекли большое количество обращений осужденных, что значительно увеличило нагрузку на судей в целом (в 2011 г. 261 тыс. приговоров была пересмотрена судами России с учетом новых поправок в УК РФ) [2].

Вместе с тем проведенный анализ показал, что судьями районных (городских) судов в различных территориальных единицах РФ при рассмотре-

нии указанных материалов допускаются многочисленные нарушения, что, в свою очередь, влечет изменение либо отмену постановлений вышестоящими инстанциями.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Реализация названных конституционных принципов в сфере уголовно-правового регулирования предполагает, с одной стороны, использование средств уголовного закона для защиты граждан, их прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств, а с другой — недопущение избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовно-правового принуждения.

Соответственно, характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться исходя не только из их обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний. В случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, законодатель — исходя из указанных конституционных принципов — обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями.

Данные положения полностью согласуются с положениями Всеобщей декларации прав человека, в частности с п. 2 ст. 29, в силу которого при осуществлении своих прав и свобод каждый человек может подвергнуться только таким ограничениям, какие предусмотрены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Реализация закрепленного в ч. 2 ст. 54 Конституции РФ и ст. 10 УК РФ принципа, в силу которого уголовный закон, устраняющий или смягчающий ответственность, имеет обратную силу, может быть обеспечена лишь при условии создания надлежащего процессуального механизма, позволяющего определить в конкретном деле, в какой мере новый закон смягчает ответственность за преступление, и соответствующим образом применить его.

В соответствии с ч. 2 ст. 10 УК РФ и Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. № 4-П, в связи с изданием уголовного закона, устраняющего преступность деяния, смягчающего наказание или иным образом улучшающего положение осужденного за совершенное им преступление, назначенное ему наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных нормами как Особенной, так и Общей части УК РФ.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству применение нового уголовного закона, устраняющего или смягчающего ответственность за преступление и, следова-

тельно, имеющего обратную силу, может осуществляться на любых стадиях уголовного судопроизводства, начиная с возбуждения уголовного дела и заканчивая пересмотром вступивших в законную силу судебных решений и исполнением приговора.

Исходя из п. 13 ст. 397 УПК РФ суд рассматривает вопросы, связанные с исполнением приговора, — об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, согласно ст. 10 УК РФ, по месту отбывания наказания осужденным либо по месту применения принудительных мер медицинского характера.

Основанием для пересмотра приговора (в соответствии со ст. 10 УК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 399 УПК РФ) является только заявление-ходатайство осужденного или действующего в его интересах адвоката. При отсутствии такового пересмотр приговора не может быть никем инициирован.

В марте-мае 2011 г. было издано несколько законов, существенно снизивших минимальный размер наказания за ряд преступлений, что в обязательном порядке должно повлечь за собой снижение сроков наказания за эти преступления в соответствии с общепринятыми нормами международного права, Конституцией России, Постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации и ст. 10 УК РФ. Однако, как показывает практика, более половины приговоров (по самым скромным подсчетам) не пересмотрены до настоящего времени и соответственно некоторые лица удерживаются в местах лишения свободы незаконно, то есть отбывают излишний срок наказания.

Причину мы видим в следующем: закон сформулирован так, что подать ходатайство о пересмотре приговора и смягчении наказания может или сам осужденный, или нанятый им адвокат, как указывалось ранее, ходатайств от имени каких-либо иных лиц УПК РФ не предусматривает (ст. 399 УПК РФ).

На практике не все осужденные знают об изменениях в законе и процедуре подачи ходатайств о пересмотре и смягчении наказания (снижении срока лишения свободы). Более того, в соответствии с положением о начальниках отрядов, именно они обязаны отслеживать такие случаи и рекомендовать осужденным писать ходатайства о пересмотре приговора в связи с изданием нового закона, но многие из них не имеют хотя бы минимального юридического образования и часто не знают об изменениях норм УК РФ.

Такая ситуация приводит к тому, что нередко лица, чьи деяния декриминализованы, то есть перестали считаться преступлением, либо те, кто уже отбыл больший срок лишения свободы, чем предусмотрено законом, продолжают удерживаться в местах лишения свободы.

Чтобы привести УПК РФ в соответствие с Конституцией Российской Федерации (ст. 50 и 54), гарантирующей каждому освобождение от наказания в случае декриминализации деяния либо смягчения за него срока наказания, Конституционный Суд РФ принял 20 апреля 2006 г. Постановление № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодек-

са Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устранившим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других», где указал: «Положение пункта 2 части первой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в его конституционно-правовом истолковании не освобождает уполномоченные государственные органы и должностных лиц от обязанности независимо от наличия ходатайства осужденного инициировать перед судом рассмотрение вопроса о приведении вынесенного по уголовному делу приговора в соответствие с новым уголовным законом, устранившим или смягчающим ответственность за преступление.

В силу ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл указанных законоположений является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике».

Таким образом, Конституционный Суд РФ указал, что не только осужденный имеет право подавать ходатайство о пересмотре приговора и смягчении наказания в случае издания нового, более мягкого закона, но и а) уполномоченные государственные органы, и б) уполномоченные должностные лица даже при от-

сутствии ходатайства осужденного обязаны инициировать перед судом рассмотрение вопроса о приведении вынесенного по уголовному делу приговора в соответствие с новым законом, устранившим или смягчающим ответственность за преступления.

Следовательно, к таким органам и должностным лицам относятся (касательно осужденных, находящихся в ИК):

1) администрация исправительной колонии;

2) прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях в лице прокурора.

Итак, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ № 4-П от 20 апреля 2006 г. в ст. 399 УПК РФ должны быть внесены следующие изменения и дополнения:

«Статья 399. Порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора

1. Вопросы, связанные с исполнением приговора, рассматриваются судом:

1) по ходатайству реабилитированного — в случае, указанном в пункте 1 статьи 397 настоящего Кодекса;

2) по ходатайству осужденного — в случаях, указанных в пунктах 4, 6, 9, 11–12, 14–15 статьи 397 и частях первой и второй статьи 398 настоящего Кодекса;

2-1) по ходатайству осужденного, администрации исправительного учреждения либо органа, ведающего исполнением наказания, прокурора — в случаях, указанных в пункте 13 статьи 397 настоящего Кодекса;...».

Внесение указанных поправок в значительной степени может способствовать повышению эффективности применения ст. 10 УК РФ, а также реали-

зовало бы положения Конституции РФ, о чем говорилось ранее.

Выражая свое мнение по отношению к тому, что, несмотря на изменения законов в марте-мае 2011 г., огромное количество приговоров до сих пор остаются не пересмотренными, хотелось бы отметить, что ст. 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [с изменениями от 8 февраля, 15 декабря 2001 г., 7 июня 2004 г., 5 апреля 2005 г., 5 февраля 2007 г., 2 июня 2009 г. прямо говорит нам о следующем: «...Статья 6. Обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации

Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

В свою очередь, статья 81 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ указывает:

«Неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда Российской Федерации влечет ответственность, установленную федеральным законом», то есть и по ст. 315 УК РФ.

В итоге можно констатировать, что, не исполняя Постановление Конституционного Суда России, уполномоченные органы и должностные лица совершают преступную халатность, имеющую тяжкие последствия.

В таком случае мы считаем что, необходимо:

Во-первых, добиться внесения изменений в ч. 1 ст. 399 УПК РФ, чтобы не только по ходатайству осужденного, но и по ходатайствам уполномоченных органов и должностных лиц осуществлялся пересмотр судебных решений для приведения их в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление.

Во-вторых, нужно ставить вопрос об уголовной ответственности должностных лиц тех органов, ведающих исполнением наказаний, где до настоящего времени приговоры осужденных не приведены в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, так как в местах лишения свободы продолжают находиться те лица, которых необходимо выпускать в силу либерализации ряда статей УК РФ, признавая их менее общественно опасными, чем было ранее.

Литература

1. В.М. Лебедев об обратной силе уголовного закона // Рос. газ. — 2012. — 8 марта.
2. Российская газета. — 2012. — 4 июля.

ОПЫТ США В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Я. Ю. Реент

Аннотация: статья посвящена изучению опыта США в области общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов. В статье приведены основные модели общественно-го контроля, функционирующие в США.

Ключевые слова: общественный контроль, гражданский надзор, зарубежный опыт.

Summary: the article discusses the U.S. experience in the field of public control over the activities of law enforcement agencies. The article presents the basic model of social control operating in the United States.

Keywords: social control, civilian oversight, foreign experience.

В каждом отдельно взятом государстве система контроля за деятельностью правоохранительных органов разнится в зависимости от общественного и государственного строя, типа правовой системы, уровня развития демократии. Тем не менее независимо от указанных факторов контроль за правоохранительной системой выражается в сборе информации о деятельности подконтрольных организаций, выявлении нарушений в их работе и на завершающем этапе в уведомлении компетентных органов о допущенных нарушениях, контроле за устранением нарушений и недостатков, доведении до сведения общественности результатов работы.

При осуществлении контроля в большинстве демократических государств

исходят из того, что правоохранительные структуры, являясь важной частью общества, должны быть информационно открытыми и демократичными. Наиболее успешный опыт общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов имеется в странах Западной Европы и Северной Америки.

Формы осуществления контрольной деятельности в разных странах зависят от особенностей национальной правовой системы, ее принадлежности к той или иной правовой семье, государственного и общественного строя, уровня развития демократии и многих других показателей. На сегодняшний день наибольший интерес в рассматриваемой проблеме представляет система общественного контроля в Соединенных Штатах Америки (США).

В России общественный контроль за деятельностью правоохранительных органов начал возрождаться относительно недавно, а в США данная социальная практика имеет многолетнюю историю. Хотя сложившаяся в США система общественного контроля в большей степени ориентирована на контроль за деятельностью полиции, все же многообразие существующих в ней отдельных форм контроля, безусловно, представляет интерес.

К середине XX в. в США уровень доверия американцев к полиции колебался в районе 15–20%. Большая часть населения считала полицию и ее действия неэффективными. Власти попытались

исправить положение дел, сделав ставку на повышение профессионализма полицейских и их техническую оснащенность. Однако финансирование полиции напрямую зависело от уровня преступности, и ведомство не было заинтересовано в ее снижении. В 1950–60-х годах лидеры движения в защиту гражданских прав начали призывать государство к созданию инструментов общественного надзора за ведомством. Под давлением резкой критики властям пришлось провести масштабную ревизию работы полиции. В 1972 г. была создана комиссия Кнаппа, которая проанализировала ситуацию в полиции Нью-Йорка и представила результаты в специальном отчете. Вскрылись многочисленные факты коррупции и сращивания полиции с организованной преступностью, случаи купли-продажи должностей и званий и другие серьезные нарушения. Комиссия направила в министерство юстиции и генеральную прокуратуру США шесть рекомендаций — они стали основой общенациональной реформы полиции. Одна из шести рекомендаций касалась формирования институтов общественного контроля.

Полиция в Америке десятилетиями складывалась как закрытая кастовая система. Изменить подобное положение дел только государственным контролем не удавалось. Общество добилося права надзирать за деятельностью полиции, а именно создавать гражданские контролирующие органы. Штаты стали самостоятельно принимать соответствующие законы, а в случаях, когда власть противится, вопрос выносится на референдум. Деятельность таких структур, как правило, финансируется из бюджета штата. Граждане убеди-

лись, что отсутствие гражданского контроля обходится им несравнимо дороже. В соответствии с рекомендациями Кнаппа полицейское руководство теперь регулярно делает доклады по «коррупционному» областям». Американцы еще больше децентрализовали систему по территориальному признаку (на федеральную, «штатскую» и муниципальную полицию), усовершенствовали материально-техническую базу ведомства и повысили социальный статус полицейского. Самое главное — они ушли от приоритета «палочной системы» и оценивают работу полиции, основываясь на мнении граждан. Стратегия себя оправдала: в 2008 г., по данным «GfKTrustIndex», полицейским доверяло 73 % жителей США, а в некоторых штатах, например в Сан-Франциско, — свыше 85 %.

Гражданское наблюдение в США существует в четырех моделях.

Первая модель — *гражданский наблюдательный совет*. Данная модель считается наиболее независимой, так как совет формируется исключительно из граждан без привлечения сотрудников правоохранительных органов. Члены совета занимаются рассмотрением жалоб, проведением независимых расследований и вынесением рекомендаций. Такая модель гражданского наблюдательного совета создана в Лас-Вегасе (штат Невада). В совет входят двадцать человек, которые назначаются муниципалитетом, и они не зависят от полицейского департамента. Член совета не может быть должностным лицом, работающим в Лас Вегасе [3].

Вторая модель — *надзор за полицией*. Контролирующие органы, построенные по такой модели, безусловно, яв-

ляются менее независимыми, так как предварительную проверку жалоб осуществляют полицейские. Расследования по жалобам и вынесение рекомендаций также осуществляется сотрудниками полиции, но под контролем граждан. Подобная модель существует в Портленде (штат Орегон). Полиция ревизионного следственного комитета состоит из членов городского совета, которые рассматривают жалобы в закрытом режиме, проводят выборочные проверки о законности применения силы со стороны полицейских. Независимых расследований они не осуществляют, все решения принимаются начальником полиции единолично [2].

Третья модель — *апелляционный совет*. Эта модель предполагает, что если после рассмотрения жалобы в полицейской службе внутренних расследований заявитель не будет удовлетворен результатами расследования, то он имеет право подать апелляцию специально созданному совету. Такая модель функционирует в Лос-Анжелесе (штат Калифорния). Комиссия по делам полиции состоит из граждан и чиновников, приведенных к присяге. Комиссия, по сути, является элементом гражданского надзора со стороны Департамента полиции Лос-Анжелеса, но не рассматривает жалобы. Таким образом, она осуществляет только надзор за собственными расследованиями деятельности полиции [5].

Четвертая из наиболее часто встречающихся моделей общественного контроля — *независимый гражданский аудитор*. Аудитор осуществляет контроль за рассмотрением жалоб правоохранительными органами на предмет законности и дает соответствующие рекомендации. Аудитор имеет доступ к процес-

су рассмотрения жалоб, он оценивает его эффективность и при необходимости выносит рекомендации. Он также связывается с заявителем для оценки удовлетворенности результатом. Данная модель имеется в Санта-Крузе (штат Калифорния). Независимый аудитор принимает жалобы от населения, но не занимается их расследованием. Это прерогатива Департамента полиции Санта-Круза. Он может присутствовать на допросе, на стадии расследования жалобы, но не может вносить предложения и подвергать что-то сомнению. Его советы носят рекомендательный характер и необязательны к исполнению. Он также не может обжаловать решение по делу. Таким образом, процесс обработки жалоб полностью находится в руках полиции [4].

Первая модель предполагает постоянное участие граждан в осуществлении наблюдения. Вторая и третья предусматривают их участие, когда уже имеется первоначальное решение полиции. В четвертой модели весь процесс проходит под патронажем полиции, осуществляется наблюдение только за законностью и процессом рассмотрения жалобы, и лишь при необходимости даются рекомендации. Приведенные четыре модели являются наиболее распространенными, однако встречаются и другие.

Так, в Сан-Франциско функционирует Комитет по рассмотрению жалоб. Его создание поддержали Коллегия адвокатов Сан-Франциско и Ассоциация сотрудников полиции Сан-Франциско, но начальник полиции и мэр восприняли инициативу в штыки: новый орган, по их мнению, станет мешать работе полиции, слишком дорого обойдется казне и будет неэффективным. Тем не менее на-

селение проголосовало за, и Комитет появился. Сотрудниками указанного органа могут стать граждане, никогда не работавшие в полиции Сан-Франциско. Данная организация не подчиняется полицейскому управлению, но подотчетна Полицейской комиссии, которая, в свою очередь, также является гражданской организацией. Комитет рассматривает жалобы и заявления о нарушении должностных полномочий полицейскими и может проводить расследования. Их результаты считаются предварительным заключением и отправляются начальнику полиции, который и принимает решение о наказании сотрудника. Если он сочтет, что нарушение заслуживает большего наказания, то дело передается в Полицейскую комиссию, которая назначает общественные административные слушания. На них присутствует обвиняемый сотрудник полиции, предоставляются доказательства и аргументы обеих сторон. Полицейская комиссия принимает окончательное решение по результатам слушаний [1].

Гражданский наблюдательный совет жалоб Нью-Йорка представляет собой самостоятельный орган общественного контроля, не зависящий ни от местных властей, ни от полиции, он расследует жалобы граждан на грубость и злоупотребление властью со стороны полицейских. Совет состоит из 13 членов, пять из которых назначаются Советом города Нью-Йорк, троих определяет комиссар полиции и еще пять — мэр города. Однако окончательно утверждает все кандидатуры мэр города. Люди, отбираемые в Совет, не должны занимать другие государственные или иные должности. Они назначаются сроком на три года и получают вознаграждение посу-

точно. Профессиональный состав различен: ученые, юристы различных профилей, священники, врачи. Интересен тот факт, что участники Совета являются представителями различных этнических групп. Расследования проводятся беспристрастно в отделе, который полностью состоит из гражданских сотрудников. После подачи жалобы на офицера полиции на него заводится дело, которое носит накопительный характер. Резюме рассматриваемых дел размещается в Интернете на сайте организации [1].

После подтверждения обоснованности жалобы Гражданский наблюдательный совет направляет дело в отделение полиции. Полицейский департамент дисциплины ведет учет подобных жалоб и отслеживает статистику.

Итак, мы рассмотрели все многообразие моделей построения организаций, занимающихся общественным контролем в США. Для принятия решения о создании таких наблюдательных структур и определения их организационно-правовых форм необходимо предварительно спрогнозировать возможные последствия для городских властей, правоохранительных органов и гражданского общества; рассмотреть предполагаемые источники и объемы финансирования; обратить внимание на процедуру отбора членов наблюдательных органов. Оценив все обозначенные критерии, городские власти или власти штата принимают решение о том, в какой форме должен существовать общественный контролирующий орган.

В целом в США имеется около 90 гражданских надзорных органов, существующих в различной форме. Несмотря на кажущуюся декларативность некоторых структур, они помогают сфор-

мировать общественное доверие, ведь если граждане не имеют реальной возможности получать достоверные сведения о работе правоохранительных органов, имеются коррупционные проявления, различного рода злоупотребления, то это непременно приведет к снижению уровня доверия и авторитета правоохранителей и, как следствие, может спровоцировать утрату уважения к властям и закону.

Положительный опыт США в рассматриваемой сфере следует использовать для обеспечения реальной эффективности и независимости работы общественных наблюдательных комиссий в России, тем более что осуществляемая в настоящее время реформа способствуют этому.

Литература

1. *Грошева И.А.* Гражданский контроль формальной среды: социальные практики России и США // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АНРБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD-ROM.
2. About Portland Copwatch [Электронный ресурс] // Portland Copwatch. — URL: <http://www.portlandcopwatch.org/whois.html> (дата обращения: 03.03.2013).
3. Frequently Asked Questions [Электронный ресурс] // The Las Vegas Metropolitan Police Department Citizen Review Board. — URL: <https://www.citizenreviewboard.com/Default.aspx> (дата обращения: 03.03.2013).
4. Independent Police Auditor [Электронный ресурс] // City of Santa Cruz Official Government Website. — URL: <http://www.cityofsantacruz.com/index.aspx?page=983> (дата обращения: 03.03.2013).
5. The Function and Role of the Board of Police Commissioners [Электронный ресурс] // Los Angeles Police Department. — URL: http://www.lapdonline.org/police_commission/content_basic_view/900 (дата обращения: 03.03.2013).

ВЛИЯНИЕ МЕЖПОЛУШАРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ СФЕРУ ПОДРОСТКОВ

Н. П. Александрова, Е. Н. Богданов

Аннотация: хронические соматические заболевания у старшекласников, наряду с нехарактерной для данного возраста незавершенностью формирования у них межполушарных взаимодействий и неполным доминированием левого полушария, сопровождаются развитием у таких детей высокой личностной и ситуативной тревожности. Это обуславливает определенные трудности в социальной адаптации, общении и создании эмоциональных контактов, а также осложняет процесс их обучения.

Ключевые слова: межполушарная асимметрия, дизонтогенез, пространственные представления — «схема тела», соматические заболевания.

Summary: chronic somatic illness in teenagers along with incomplete formation of their interhemispheric interactions and incomplete dominance of the left hemisphere, accompanied by development of these children a high personal and situation anxiety. This causes difficulties in social adaptation, the fellowship, and create emotional contact, as well as complicate the learning process.

Keywords: hemispheric asymmetry, dizontogeneza, spatial concepts — «body image», somatic disease.

Современные социально-экономические и экологические условия пагубно влияют на здоровье детей и подрост-

ков. На сегодняшний день лишь 30 % от всех новорожденных являются абсолютно здоровыми, к моменту поступления в школу эта цифра снижается до 10 %, а среди старшекласников, оканчивающих школу, она составляет лишь 1–0,5 %.

В связи с этим в настоящее время наблюдается значительный рост числа студентов, обладающих специфическими особенностями, не позволяющими им в соответствии с общеобразовательными программами эффективно овладеть базовым компонентом вузовских знаний. Довольно часто встречающиеся среди старшекласников и студентов нарушения в аффективной сфере: понижение способности устанавливать эмоциональные контакты, повышенная личностная тревожность, являются на сегодняшний день причиной целого ряда трудностей в их обучении и адаптации в обществе в целом.

Существующая реальность определила необходимость поиска возможных причин, лежащих в основе нарушения формирования адаптивных механизмов и специфики проявления эмоций у подрастающего поколения.

В соответствии с современными представлениями о системе организации психических процессов в настоящее время выделяют два базовых компонента нейропсихологического развития когнитивной и эмоциональной сфер человека:

- произвольность регуляции психической активности (становление произвольной программы действий и поведенческого акта);

- овладение системой пространственных представлений (развитие третичных ассоциативных полей).

Согласно модели базовых предпосылок психического развития [9] формирование пространственных представлений человека включает в себя несколько иерархически организованных уровней. Базовыми, предопределяющими характер дальнейший развития пространственных представлений, среди них являются:

1. Владение пространством собственного тела или «схемой тела»: это ощущения, идущие от проприоцептивных рецепторов, ощущения, идущие от внутреннего мира тела, ощущения от взаимодействия тела с внешним от него пространством.

2. Пространственные представления о взаимоотношениях внешних объектов и тела (формирование модели внешнего мира), включающие топологические, координатные и метрические представления.

Согласно последним нейрофизиологическим данным, «схема тела» рассматривается как надмодальная сенсомоторная мозговая система, составляющая основу формирования пространственных представлений человека, развития произвольной регуляции его активности и ассоциативного обучения.

В литературе имеются данные о том, что для лиц с диагнозом ДЦП и рядом других структурных нарушений мозговых функций характерно одновременное появление искажения соматогнозии (то есть восприятия собственного

тела и его сегментов) и специфики проявления эмоций: появление выраженных черт тревожно-мнительного характера и повышение агрессивности [9]. Помимо этого, у лиц с ДЦП имеют место нарушения в познавательной, аффективной и коммуникативной сферах, причину которых также следует искать в особенностях формирования у них «схемы тела».

Формирование схемы тела основано на целом ряде специфических свойств центральной нервной системы, ее перцептивных и мнестических механизмах.

Почти сто лет назад Х. Джексон (1874) высказал предположение о том, что правое полушарие головного мозга имеет прямое отношение к перцептивным процессам и является аппаратом, обеспечивающим более наглядные, непосредственные формы отношения с внешним миром. Лишь в последнее десятилетие эта гипотеза стала получать экспериментальное подтверждение. Рядом исследователей было отмечено, что правое полушарие имеет непосредственное отношение к анализу той информации, которую субъект получает от собственного тела и которая не связана с вербально-логическими кодами. Более того, поражения правого полушария встречаются в 7 раз чаще, чем поражения левого полушария. Считается, что поражение именно правого полушария головного мозга приводит к нарушению нормального ощущения своего тела.

На основании этого одной из ключевых задач современной нейро- и психофизиологии является выяснение базовых нейрофизиологических механизмов, определяющих индивидуаль-

ное формирование пространственных представлений в норме и при наличии патологии.

Существенным параметром, определяющим индивидуальную, функциональную организацию мозга, выступают генетическая специфика латеральных предпочтений и межполушарных взаимодействий человека, складывающихся в процессе онтогенеза. На естественный процесс формирования специфических латеральных предпочтений у детей существенное влияние могут оказывать различные хронические соматические заболевания, которые являются причиной развития последующего дизонтогенеза [10].

Нарушения состояния центральной нервной системы, вызванные изменением гомеостаза при наличии хронических соматических заболеваний, приводят к нарушению естественного хода формирования межполушарных взаимодействий. Это приводит к искажению формирования «схемы тела», что обуславливает отклонения в развитии пространственных представлений и аффективной сферы человека: ведет к снижению познавательной активности, понижению способности устанавливать эмоциональные контакты с социальным окружением.

В связи с этим *целью нашего исследования* было изучение особенностей межполушарных взаимодействий и их влияние на формирование пространственных представлений и эмоциональной сферы у практически здоровых детей и страдающих различными хроническими соматическими заболеваниями старшекласников.

Полученные результаты статистически обрабатывались с помощью паке-

та программ «Microsoft Excel». Достоверность различий рассчитывались с использованием критерия Стьюдента. Для определения тесноты корреляционной связи между анализируемыми признаками применялся метод парной корреляции.

В исследовании приняли участие учащиеся 10–11 классов школы № 1138 г. Москвы и школы № 2 г. Подольска. Всего было обследовано 62 человека в возрасте 15–16 лет.

Среди обследованных 30 человек не имели никаких соматических нарушений и характеризовались как практически здоровые дети, остальные 32 человека страдали разного рода хроническими соматическими заболеваниями по медицинской документации у 15 из них был зафиксирован такой диагноз, как хронический бронхит, а у 17– хронический тонзиллит.

Функциональная асимметрия мозга оценивалась по тестовым заданиям Н.Н. Брагиной, Т.А. Доброхотовой.

Доминирующее полушарие вычислялось по формуле, описанной в работе В.Н. Данюкова и Л.В. Яссмана:

$$E_{л.п.} - E_{п.п.}$$

$$K_{л.п.} = \frac{E_{л.п.} - E_{п.п.}}{E_{л.п.} + E_{п.п.} + E_{о}} \cdot 100\%$$

$$E_{л.п.} + E_{п.п.} + E_{о}$$

где $K_{л.п.}$ — коэффициент левополушарной доминантности;

$E_{п.п.}$ — число проб, где наблюдалось доминирование правого полушария;

$E_{л.п.}$ — число приемов, в которых наблюдалась доминантность левого полушария;

$E_{о}$ — пробы с не выявленным доминированием полушария.

По коэффициенту левополушарной доминантности обследованные подразделились на 4 группы:

Если значение К л.п. было больше +30 — полное доминирование левого полушария.

Если значение К л.п. находилось в пределах от +10 до +30 — неполное доминирование левого полушария.

Если значение К л.п. находилось в пределах от +10 до -10 — неполное доминирование правого полушария.

Если значение К л.п. находилось в пределах от -10 и ниже — полное доминирование правого полушария.

Исследование эмоциональной сферы проводилось тестом тревожности Р. Темпла, М. Дорки и В. Амена и цветовым тестом Люшера.

Оценку уровня развития пространственных представлений проводили тестом Рея-Тейлора (нейропсихологическое тестирование).

Суть этого тестирования заключалась в том, что перед обследуемым помещалась фигура Тейлера и ниже чистый лист. Ему предлагалось скопировать фигуру. Для фиксации стратегии копирования старшекласснику предлагался набор цветных карандашей, которые в процессе копирования исследователь менял (по порядку цветов радуги). По окончании копирования фигуры Тейлора обследуемому предлагалось также скопировать фигуру Рея-Осттерича другой рукой. Отмечалось время копирования. Индивидуальные особенности организации схемы тела (базового уровня формирования пространственных представлений) определяли методом искусственно вызванного фантома, описанного в работе Гесса. С помощью компьютерной методики оценивали субъективное восприятие размеров и положения руки и ее сегментов в условиях выключения

зрения и снижения проприоцептивного притока.

В результате проведенного исследования было получено три группы результатов.

Первая группа результатов была посвящена комплексной оценке межполушарных функциональных взаимодействий по доминантности полушария и профилю функциональной асимметрии мозга (ПФА).

Оценка доминантности полушарий показала, что 87 % практически здоровых старшеклассников имеют полное доминирование левого полушария; остальные 13 % — продемонстрировали неполное доминирование левого полушария.

Среди подростков с соматическими заболеваниями только у 35 % детей было установлено полное доминирование левого полушария, остальные 65 % продемонстрировали признаки его неполного доминирования, что свидетельствует о функциональной незрелости мозга и задержке формирования межполушарного взаимодействия. Однако выявленные признаки функциональной незрелости у детей, страдающих соматическими заболеваниями, носят у них временный характер и находятся в пределах установленной функциональной нормы-реакции для данного возраста.

Таким образом, тот факт, что у некоторого количества практически здоровых детей и у значительного количества детей, страдающих соматическими заболеваниями, имеет место явная задержка в становлении доминантности левого полушария, свидетельствует о том, что не только соматические заболевания могут вызывать задержку развития доминантности полушария,

но и определенные генетические факторы также отвечают за специфику этого процесса [1].

Во же время результаты настоящего исследования убедительно показывают, что процент детей, у которых развитие доминантного полушария задерживается при наличии у них соматического заболевания, значительно выше, чем у практически здоровых детей. Отсюда следует вывод, что соматическое заболевание влияет на временные параметры становления этого процесса [10].

Исследование профиля функциональной асимметрии мозга у практически здоровых старшеклассников выявило наличие у них в целом правостороннего профиля функциональной асимметрии: 42 % — полных правшей (ППП), 58 % — имели смешанные профили сенсомоторной асимметрии.

В группе школьников с соматическими заболеваниями только 35 % обследованных имели правосторонний профиль функциональной асимметрии (ПЛП, ППЛ, ПАП, ППА), соответствующий функциональной зрелости левого полушария.

У оставшихся 65 % выявлена либо амбидекстрия (ПЛА, ПАА, ПАЛ), либо левостороннее сенсорное предпочтение (ПЛА, ПЛЛ, ПАЛ), что также подтверждает функциональную незрелость левого ведущего полушария.

Итак, показатель доминирования полушария и профиль функциональной асимметрии мозга у здоровых детей и детей, страдающих соматическими заболеваниями, полностью отражают функциональное состояние нервной системы на данном этапе онтогенеза в условиях благоприятного существования организма и при наличии неблаго-

приятных факторов воздействия на процесс формирования межполушарного взаимодействия [5].

Вторая группа результатов была получена при исследовании типологии пространственных представлений у учащихся старших классов. Их нарушения определялись путем выявления стратегии пространственной деятельности тестом Рея-Тейлора.

У практически здоровых старшеклассников наблюдалась дедуктивная (нормальная) стратегия рисунка с последовательным переходом от целого к частям, фрагментам фигуры. Стратегия рисунка фиксировалась в положении слева направо, что является базисным адаптивным механизмом восприятия окружающего мира в западной культуре.

У подростков с хроническими соматическими заболеваниями сохранялась нормальная стратегия рисунка, однако направление выполнения рисунка у этих детей по сравнению со здоровыми школьниками, было противоположно направленным — справа налево. Данный факт свидетельствует либо о функциональной незрелости межполушарных взаимодействий, либо о незавершенности их формирования [9].

Базисный уровень пространственного представления — «схема тела» — по уровню сформированности у практически здоровых школьников соответствовал возрастной норме. Выключение зрения, снижение проприоцептивной и тактильной чувствительности приводило к возникновению у них иллюзии сжатия руки и ее сегментов, подобной той, что имеет место у взрослых людей. У подростков с хроническими соматическими заболеваниями иллюзорные фантомы были выражены значительно ярче.

Это проявлялось у них в сильном иллюзорном укорочении руки и кажущемся ее смещении. Подобное проявление фантастического эффекта свидетельствует о незрелости центральных мозговых структур, обеспечивающих правильную оценку положения собственного тела и его сегментов.

Третья группа результатов была посвящена выявлению уровня личностной тревожности по М. Дарки и В. Амену.

В группе практически здоровых школьников число учащихся с высоким уровнем тревожности составляло 23 %, со средним — 38 % и с низким — 39 %.

У подростков с хроническими соматическими заболеваниями повышенная личностная тревожность была выявлена в 54 % случаев. Средний и сниженный уровень тревожности наблюдался у 25% и 21 % соответственно.

Методом парной корреляции в обеих группах испытуемых была выявлена статистически достоверная связь между индексом тревожности и особенностями их межполушарных взаимодействий (доминирующее полушарие) — $r = 0,6-0,7$.

Для изучения неосознаваемых тенденций и выявления состояния как реакции на определенную ситуацию конкретного индивидуума мы использовали тест М. Люшера.

Результаты проведенного анализа показали, что практически здоровые старшеклассники с низким уровнем личностной тревожности и высоким уровнем самооценки характеризуются повышенным уровнем активности, направленным в сторону общения и внутренней потребности к действию. Подростки второй группы, страдающие соматическими заболеваниями, характеризовались высоким уровнем личностной тревожности

и низкой самооценкой. В 65 % случаев эти старшеклассники проявляли высокий уровень реактивной тревожности, сопоставимый с отрицанием новых для ребенка действий и заданий.

Полученные нами результаты согласуются с имеющимися в литературе данными о взаимодействии тревожности, как состояния психики, со свойствами личности [4].

Таким образом, хронические соматические заболевания у детей в результате патологического изменения гомеостаза приводят к нарушению у них состояния центральной нервной системы. В свою очередь, это сопровождается дизонтогенетическим развитием генетически обусловленного межполушарного взаимодействия и, как следствие, искажением формирования пространственного представления и его базового уровня — «схемы тела».

Именно в результате дизонтогенеза имеет место более продолжительное, по сравнению с физиологической нормой, функциональное доминирование сенсорных полей правого полушария. В дальнейшем это предопределяет искаженное формирование базового пространственного представления — «схемы тела».

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что хронические соматические заболевания у старшеклассников, наряду с нехарактерной для данного возраста незавершенностью формирования у них межполушарных взаимодействий и неполным доминированием левого полушария, сопровождаются развитием у таких детей высокой личностной и ситуативной тревожности. Это обуславливает определенные трудности в социальной адапта-

ции, общении и создании эмоциональных контактов, а также осложняет процесс обучения [2].

Полученные нами данные могут быть использованы при разработке диагностико-коррекционных мероприятий, а также методик, направленных на развитие у школьников и студентов с хроническими заболеваниями познавательной активности и повышение у них способности устанавливать эмоциональные контакты с социальным окружением.

Выводы:

1. Хронические заболевания у детей старшего школьного возраста сопровождаются задержкой развития ведущего полушария мозга.

2. Хронические заболевания через систему гомеостаза изменяют деятельность центральной нервной системы, что ведет к нарушению формирования межполушарного взаимодействия.

3. Результатом нарушения межполушарного взаимодействия является искажение пространственных представлений, его базовых уровней и, как следствие, изменение аффективной сферы старшеклассников с хроническими заболеваниями.

4. Между особенностями межполушарных взаимодействий и уровнем изменения аффективной сферы школьников установлена тесная корреляционная связь.

Литература

1. Айрапетянц В.А. Леворукий ребенок // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. — 2003. — № 3. — С. 51.

2. Безрукий М.М. Леворукий ребенок в школе и дома. — 2-е изд. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 300 с.

3. Боровова А.И., Галкина Н.С. Изучение взаимосвязи индекса тревожности и межполушарной асимметрии у школьников 7–8 классов // Актуальные вопросы функциональной межполушарной асимметрии: материалы конф. (Москва, 13–14 дек. 2001 г.). — М., 2001. — С. 8–26.

4. Вассерман Л.И., Дорофеева С.А., Меерсон Я.М. Методы нейропсихологической диагностики. — СПб.: Стройпечать, 1997. — 304 с.

5. Динамика формирования межполушарных отношений на ранних этапах онтогенеза / Е.М. Бердичевская [и др.] // Асимметрия. 2011. — Т. 5. — № 4. — С. 4.

6. Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н. Левши. — М.: Книга ЛТД, 1994. — 232 с.

7. Драгунский В.В. Цветовой личностный тест: практ. пособие. — М.; Минск: АСТ; Харвест, 2001. — 448 с.

8. Николаева Е.И., Борисенкова Е.Ю. Некоторые параметры эмоциональности дошкольников с разными типами профиля функциональной сенсомоторной асимметрии // Асимметрия. — 2008. — Т. 2. — № 3. — С. 29.

9. Семенович А.В. Нейропсихологическая диагностика и корреляции в детском возрасте. — М.: АСА-ДЕМА, 2002.

10. Факторы, определяющие динамические свойства функциональной межполушарной асимметрии / В.Ф. Фокин [и др.] // Асимметрия. — 2011. — Т. 5. — № 1. — С. 5.

ГУМАНИТАРНАЯ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XIX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Н. Е. Шафажинская

Аннотация: в статье представлены исторические факты, иллюстрирующие вклад видных деятелей Русской православной церкви XIX — начала XX столетия в развитие естествознания и гуманитарного направления отечественной науки. В указанный период из среды религиозных деятелей Русской православной церкви выдвигались авторитетные ученые и общественные деятели, которые оказали заметное влияние на становление естественнонаучного и гуманитарного знания, включая многие аспекты психологических и культурных феноменов.

Ключевые слова: ученые представители Русской православной церкви, гуманитарная и естественнонаучная деятельность, отечественная наука и культура, психологические аспекты социокультурной деятельности.

Summary: in article the historical facts illustrating a contribution of eminent persons of Russian Orthodox Church XIX — the beginnings of the XXI century in development of natural sciences and the humanitarian direction of a domestic science are presented. During the specified period from the circle of religious figures of Russian Orthodox Church authoritative scientists and public figures who made appreciable impact on formation of natural-science and humanitarian knowledge, including many aspects of psychological and cultural phenomena were nominated.

Keywords: scientific representatives of Russian Orthodox Church, humanitarian and natural-science activity, domestic science and culture, psychological aspects of sociocultural activity.

Целью данной статьи является представление и анализ исторических фактов, иллюстрирующих вклад видных деятелей Русской православной церкви XIX — начала XXI столетия в развитие естествознания и гуманитарного направления отечественной науки и отражающих психологические аспекты социокультурного служения духовных лидеров.

В становлении и развитии отечественной науки, в частности психологии, немаловажную роль сыграли исследования и труды представителей интеллектуальной элиты Русской православной церкви, имена которых, к сожалению, почти не известны широкому кругу академических светских ученых. В то же время многие из деятелей Церкви прямо или опосредованно участвовали в решении проблем личности и межличностных отношений, ими наработан немалый опыт этнокультурного, межконфессионального взаимодействия, духовного наставничества с его уникальной коммуникативной практикой. В связи с этим считаем необходимым упомянуть лишь некоторых видных ученых из многочисленной плеяды религиозных деятелей, исследования которых правомерно считать весомым вкладом в общее достоя-

ние русской и мировой культуры, включая историю психологии.

Одним из ярких ученых гуманитарного исследовательского направления является епископ *Чигиринский Порфирий (Успенский)* (1804–1885). Он окончил Петербургскую духовную академию, служил законоучителем в Петербурге и Одессе, позже стал настоятелем Одесского Успенского монастыря, ректором Херсонской духовной семинарии. Епископ Порфирий проявил себя как замечательный и талантливый востоковед и этнограф, археолог и археограф, текстолог, византист, славист, историк и искусствовед. В соответствии с логикой научных изысканий ученого Синод назначил его главой новоучрежденной Палестинской духовной миссии в 1848 г. В этом статусе епископ Чигиринский предпринял плодотворное путешествие по Италии, в результате которого им были собраны ценные научные материалы, ставшие основой книги «Святыни земли Италийской». После выхода этой книги, где одна из глав, названная «Дом Богородицы в Лорето», посвящена подробному описанию Святого Дома и статуи Лоретской Богоматери, начались организованные паломнические путешествия православных христиан из России к Святому Дому в город Лорето, что существенно расширило диапазон культурного обмена и межконфессионального сотрудничества с Европой. Можно сказать, что труды епископа Порфирия Успенского во многом способствовали становлению нового этапа в развитии этнопсихологического и социально-культурного направлений в гуманитарной области научных исследований российских ученых описываемой эпохи.

Отметим, что научно-исследовательскую и литературную деятельность владыка Порфирий успешно сочетал с государственным и дипломатическим служением, способствующим укреплению и развитию этнокультурных связей России с другими державами в самые сложные периоды отечественной истории. Так, его поездка в Италию состоялась в связи с тем, что Русская духовная миссия в Иерусалиме должна была покинуть Святой Град, находившийся под гнетом Османской империи из-за начавшейся Крымской войны (1853–1856). Горячий патриот и мудрый дипломат, владыка Порфирий о причинах этой войны высказался в Ватикане, обращаясь к кардиналу Антонелли: «Россия защищает и отстаивает права и свободу тринадцати миллионов православных христиан, живущих в Турции... Россия домогается уравнивания прав всех вероисповеданий на Святых местах Палестины, куда ежегодно приходят на поклонение многие тысячи христиан...» [10, с. 346].

В 1858 г. архимандрит Порфирий Успенский вновь отправился на Восток с целью научных исследований — для поиска и изучения памятников церковной архитектуры, древних икон, библиотек, архивов и богослужебной утвари. В Россию он привез богатую коллекцию археологических и археографических памятников, собранных им на Афоне, в Малой Азии, Сирии, Палестине, Египте и Эфиопии. Благодаря стараниям ученого вышли в свет его фундаментальные труды по церковной истории, патристике и археологии: «Вероучения египетских христиан», «Христианский Восток», «Богослужение абиссинцев», «История Афона», «Дионисий Ареопа-

гит и его творения». Научные работы и литературные произведения епископа Порфирия (Успенского) послужили основой для дальнейших исследований Византийской церкви и нехалкидонских церквей Востока, а также заметно расширили область представлений ученых об исторических ментальностях и психологии духовной культуры восточного христианства.

Великий подвижник завершил свой земной путь в Московском Новоспасском монастыре. Это одна из наиболее знаменитых обителей в русской истории, о чем следует кратко упомянуть. Новоспасский монастырь основал на рубеже XII–XIII вв. Даниил Александрович, младший сын Александра Невского. В последующие годы некрополь монастыря стал замечательным памятником русской культуры, так как здесь были похоронены представители рода Романовых и их родственники: Оболенские, Сицкие, Трубецкие, Ярославские, Нарышкины, Гагарины, Новосельцевы. Монастырь закрыли в 1918 г., а его строения были превращены в концлагерь. Затем здесь размещался филиал Таганской тюрьмы, архив НКВД. В конце 1920 — начале 1930 годов был полностью уничтожен монастырский некрополь. Лишь в 1991 г. обитель была возвращена Русской православной церкви, и в настоящее время ее святынями являются усыпальница бояр Романовых — прародителей царского дома Романовых — и чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Всецарица».

Видным церковным деятелем, отмеченным самобытной творческой индивидуальностью в гуманитарной, а именно религиозно-философской и литературной сфере, несомненно, являлся свя-

тител *Иннокентий Херсонский* (Иван Алексеевич Борисов, 1800–1857). В Киевской духовной академии у будущего святителя особенно рельефно проявился талант проповедника, способного оказывать мощное позитивное психологическое воздействие на слушателей. Именно эта способность и высокая коммуникативная культура пастыря послужили основанием для наименования Иннокентия Херсонского «русским Златоустом» [6, с. 252]. Благодаря своей одаренности ученый был утвержден в звании экстраординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии и возведен в сан архимандрита. Его современник и первый биограф, видный церковный историк митрополит *Макарий (Булгаков)*, так охарактеризовал личность Иннокентия Херсонского: «Высокий, светлый, пронизательный ум, всегда богатое, неистощимое воображение, живая обширнейшая память, легкая и быстрая сообразительность, тонкий и правильный вкус, дар творчества, изобретательности, оригинальности, совершеннейший дар слова — все это в чудной гармонии совмещено было в нем» [4, с. 20–21].

Перечисленные качества плодотворно реализовались в педагогической деятельности ученого. Заботясь о фундаментальном философском образовании студентов, святитель стремился привить им любовь к логике и отточенности мысли, культуре риторики. В целях всестороннего развития своих учеников Иннокентий Херсонский советовал им не замыкаться в рамках своего специального предмета, а читать книги и по другим наукам, включая астрономию и естественную историю. Впоследствии, в условиях военного времени, в

котором пребывал Балканский полуостров, владыка Иннокентий заботился о воспитании и обучении болгар и греков в Одесской духовной семинарии, что имело тогда исключительное политическое значение.

Современники отмечали способность святителя Иннокентия оказывать одинаково благотворное влияние как на людей с простыми званиями, так и на высшие государственные чины. Князь Александр Потемкин писал ему с фронта о том, что с удовольствием прочитал сборник речей проповедника, которые укрепляли дух воинов и прославляли героев Отечества. Глубокое уважение к святителю испытывал император Александр II. Получив известие о его кончине, на рапорте об этом печальном событии император написал: «Крайне о нем сожалею»; в печати было сказано о том, что «...Россия теряет в его лице великого пастыря Церкви... Он был для всех людей светом светящим и согревающим» [4, с. 47].

Следует признать, что гуманитарная область — богословие, религиозная философия, история, литература, художественно-эстетическое, музыкальное творчество — занимала приоритетное место в трудах представителей Церкви. Однако, существуют и такие примеры, которые свидетельствуют о более широком интеллектуальном диапазоне их служения, включающем, наряду с гуманитарным, и естественнонаучный эмпирический исследовательский опыт. Соединение высокой духовности с научной и социокультурной деятельностью — характерная особенность видных представителей Русской православной церкви рубежа XIX–XX вв. Начало XX столетия — это период,

когда наметилось сближение творческой российской интеллигенции с Церковью: в 1901 г. открылись знаменитые религиозно-философские собрания в Петербурге, которые весьма способствовали проявлению талантливых религиозных лидеров, ярких мыслителей, оказавших в дальнейшем преобразующее психологическое и мировоззренческое влияние на многих светских ученых, находящихся в духовном поиске. Существенным фактом, отражающим высокий уровень этих собраний, явилось то, что с церковной стороны на них председательствовал ректор Петербургской духовной академии, епископ *Сергий (Страгородский)* — один из лучших отечественных мыслителей и богословов, будущий Патриарх Московский и Всея Руси. Участником этих собраний был и митрополит Петроградский *Серафим (Чичагов)*, прославленный после своей мученической кончины Русской православной церковью в лике святых [1997].

Леонид Михайлович Чичагов (1856–1937) — выходец из знатной дворянской семьи, выдающийся деятель, реализовавший свои творческие дарования на ниве воинского служения Отечеству, богословского и пастырского служения, в литературе, музыкальном искусстве и медицине. Еще до избрания своего церковного пути, полковник царской армии Л.М. Чичагов создал ряд интересных и важных трудов: «Примеры из прошлой войны 1877–1878 годов», «Описание отдельных солдатских подвигов», «Рассказы о подвигах офицеров» и «Дневник пребывания царя-освободителя в Дунайской армии в 1877 году». Сопереживая физическим и психологическим страда-

ниям раненых воинов, Леонид Михайлович решил глубоко изучить медицину с целью эффективной помощи людям. Ему удалось создать собственную систему лечения организма лекарствами растительного происхождения. Позже, в работе под названием «Что служит основанием каждой науки?» Л.М. Чичагов сформулировал принципиальное положение, в котором взаимосвязаны три аспекта — *психологический, религиозный и медицинский*. Он писал, что «... медицина, как наука, более других необходимая для людей как помощь и облегчение в их страданиях, должна и более всякой другой науки опираться на религию и изыскивать средства в природе, созданной самим Творцом на пользу человечества, — не забывая, однако, что врачу необходимо иметь в виду не только одну больную плоть, но стараться искать корень болезни и в духе или в душе человека» [8, с. 170].

Примечательно, что взгляд Л.М. Чичагова на медицину, с точки зрения ряда современных ученых, не только не устарел, но приобретает новое значение в связи с осознанием духовных и психологических причин возникновения патологических состояний. Так, по мнению профессора медицины Ю.М. Квитницкого-Рыжова, труд «Что служит основанием каждой науки?» написан профессионально, на основе лучших учебных руководств того времени, с лечебными рекомендациями, подкрепленными собственным опытом» [5]. Замечательно, что столь различные миссии христианского служения Л.М. Чичагова, как воинская защита Отечества и лечение людей, соединились в его высоком церковном служении в сане митрополита, когда ему пришлось встать на за-

щиту веры, укрепляя героев-мучеников в их подвиге в период гонений при тоталитарном режиме.

Символическим фактом в истории рода Чичаговых — как части общей российской истории — можно считать то, что внучка митрополита Серафима, расстрелянного на полигоне в Бутове в 1937 г., Варвара Васильевна Черная-Чичагова (1914–1999) стала его приемницей и в сфере научной деятельности, и в религиозном служении. Оставив пост видного ученого, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, она трудилась вначале послушницей, а затем настоятельницей и игуменьей Московского Новодевичьего монастыря. Матушка Серафима (в миру Варвара Черная-Чичагова) приложила значительные усилия для систематизации и издания медицинского наследия своего деда, а в качестве настоятельницы знаменитой обители способствовала восстановлению его церковной жизни.

Отмечая весомый вклад предстателей Русской православной церкви в развитие экспериментального естествознания как одного из направлений медицинской психологии, необходимо выделить личность выдающегося врача и богослова XX столетия, доктора медицинских наук, профессора, архиепископа *Луку Крымского* (в миру Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, 1877–1961). В послеоктябрьский период, в условиях арестов, издевательств и ссылок, ученый сохранил верность отечественной духовной традиции. В монашеском звании священник-хирург получил имя апостола-евангелиста, врача и иконописца Луки. Заключенный епископ, профессор медицины, в сталинских застенках написавший вы-

дающийся научный труд «Очерки гнойной хирургии» и книгу «О поздних резекциях при инфицированных ранениях больших суставов», получил за них Сталинскую премию I степени (1946). Эти работы были переведены на несколько европейских языков и изданы, в частности, в Лондоне. Работа ссыльного владыки в госпиталях также была отмечена грамотой Западно-Сибирского военного округа, а по окончании войны он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Говоря о подвиге и самоотверженности архиепископа-хирурга в годы войны, следует указать на то, что владыка Лука — и как врач, и как христианин — всегда шел наиболее трудным путем: он отбирал для лечения больных и раненых с самыми тяжелыми поражениями. По воспоминаниям красноярского врача-рентгенолога В.А. Ключе, хирург Войно-Ясенецкий специально посылал его и других молодых врачей госпиталя 15-15 на железнодорожный дебаркадер, где разгружали санитарные поезда, с указанием разыскивать раненых с гнойными, осложненными поражениями тазобедренных суставов — именно тех, кого большинство хирургов считали обреченными. В отчетах госпиталя 15-15 имеются свидетельства об излечении таких безнадежных раненых. Одна из учениц епископа Луки Войно-Ясенецкого — хирург В.Н. Зиновьева — в своих воспоминаниях пишет об особом психологическом подходе к больным, которому учил своих молодых коллег владыка Лука. Он обучал их так называемой человеческой хирургии: «С каждым раненым он как бы вступал в личные отношения, помнил каждого в

лицо, знал фамилию, держал в памяти все подробности операции и послеоперационного периода. Ныне стали широко известны слова Владыки Луки: «Для хирурга не должно быть «случая», а только живой страдающий человек» [7, с. 4]. Такая позиция, с нашей точки зрения, должна служить в качестве эталона врачебной и психологической этики, особенно для современных специалистов. Духовно-нравственный и гражданский подвиг святителя Луки Войно-Ясенецкого был достойно оценен Священным Синодом при Местоблюстителе Патриаршего престола митрополите Сергии (Страгородском), который приравнял лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и возвел владыку в сан архиепископа. В мае 1946 г. святитель Лука был переведен на должность архиепископа Симферопольского и Крымского [8, с. 151].

Подчеркивая значение социокультурного, психологического, врачебного служения святителя Луки как одного из уникальных подвижников благочестия XX в., считаем важным отметить еще одну грань его служения и сделать акцент на личностном вкладе выдающегося религиозного деятеля в гуманизацию общества благодаря трансляции христианской этики и высокой духовной культуры в сферу взаимодействия с разными этносами и представителями разных религий. Этнокультурный и этнопсихологический аспекты межконфессиональных отношений, особенно в современном социуме, чрезвычайно важны и актуальны. В связи с этим считаем правомерным утверждение о том, что подлинная святость во все времена была центром притяжения для носителей различных религиозных куль-

тур и ментальностей — в этом проявляется наднациональная сущность праведника.

Личность святителя Луки в данном аспекте представляет собой, безусловно, яркий пример: его глубоко уважали и представители языческих этносов, которых он бескорыстно лечил, находясь в ссылке в Красноярском крае, и ортодоксальные иудеи. По большим церковным праздникам православного архиепископа-врача приходил поздравить староста симферопольской синагоги, которого святитель Лука спас некогда от смерти. Владыка регулярно получал поздравления от еврейской общины, почитающей Войно-Ясенецкого за доброе отношение к евреям. Данные факты, на наш взгляд, — красноречивое свидетельство высокой психологической культуры межэтнического и межконфессионального общения, которая сложилась благодаря личному таланту, подлинной харизматичности и христианской любви к людям владыки Луки, хранящего в сердце слова апостола Павла о том, что «у Господа нет ни эллина, ни иудея...».

Свою научную деятельность, публикацию статей, книг, получение Государственной премии святитель Лука (Войно-Ясенецкий) воспринимал как высокое социальное служение, как возможность повысить авторитет Церкви в глазах мировой общественности и привлечь к осмыслению сущности христианства интеллигенцию. После получения Сталинской премии, которую архипастырь практически всю пожертвовал на помощь сиротам — жертвам войны, владыка писал: «Моя слава — большое торжество для Церкви... подтвердилось мое мнение, что я немалый ко-

зырь для правительства» [8, с. 87]. Кроме научной и врачебной деятельности, святитель занимался иконописью, им написаны и изданы апологетические труды «Наука и религия», «Дух. Душа. Тело», представляющие значительную научную и мировоззренческую ценность. Социальное и духовное служение архиепископа-хирурга Луки имеет непреходящее значение для отечественной и мировой культуры. На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года имя священномученика Луки Крымского было внесено в Собор новомучеников и исповедников российских для общецерковного почитания.

В годы Великой Отечественной войны Церковь, как и всегда в критические моменты истории, находилась в авангарде народно-освободительной борьбы, играя основную консолидирующую роль и воплощая в лице своих лидеров истинные патриотические чувства и уверенность в победе. Значительную духовно-нравственную, социальную и психологическую роль в этот период сыграл архиепископ Ленинградский *Алексий (Симанский)*, оставшийся по разрешению правительства в осажденном Ленинграде для поддержания морального духа населения. Надо сказать, что еще летом 1941 г. в своих проповедях владыка Алексий призывал православных верующих жертвовать все возможное для спасения Родины, начав таким образом осуществлять церковные сборы средств на оборону страны.

В своих патриотических воззваниях владыка не раз прибегал к историческим параллелям, которые оказывали мощное психологическое и мобилизующее воздействие на паству. Так, в пасхальной проповеди 9 апреля 1942

г. он указал на то, что именно в этот день семьсот лет назад благоверный князь Александр Невский одержал победу над тевтонскими рыцарями на льду Чудского озера и спас Новгород, то есть северо-запад России от немецкого нашествия [3]. В проповедях будущий Патриарх Московский и Всея Руси Алексий (Симанский) подчеркивал тот факт, что великие князья Александр Невский и Дмитрий Донской одержали свои героические победы не только благодаря патриотизму, но прежде всего «глубокой вере русского народа, что Бог поможет в правом деле... так и теперь мы верим поэтому, что все небесные силы с нами» [12, с. 202]. Серьезный позитивный поворот в отношении правительства к Церкви произошел, как известно, в 1943 г., и одной из главных причин этого события послужила психологически тонкая позиция и мудрые действия митрополита Сергия (Страгородского): он предпринял важный шаг на пути к фактической легализации Церкви, используя для этого нелегальные церковные сборы на оборону страны. Так, 5 января 1943 г. он послал Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие Церковного банковского счета, на который бы вносились все деньги, пожертвованные православными гражданами всех приходов на оборону страны [11, с. 247–248]. Сталин от лица Красной Армии поблагодарил Русскую православную церковь за труды и дал свое письменное согласие, в связи с чем она стала де-факто юридическим лицом. Благодаря стараниям церковных иерархов, вере и патриотизму народа к 15 января 1943 г. только в одном Ленинграде, осажденном и голодающем, православные верующие по-

жертвовали в Церковный фонд для защиты Родины 3 182 143 рубля; кроме того было пожертвовано еще полмиллиона рублей на создание и вооружение танковой колонны имени Дмитрия Донского.

Касаясь данного факта, упомянем о том, что главные позитивные перемены произошли после 4 сентября 1943 г., когда состоялась историческая встреча и беседа Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), на которой присутствовали Г.Г. Карпов и В.М. Молотов. На этой встрече Сталин высоко отозвался о патриотической деятельности Церкви и проявил интерес к ее проблемам. Для восстановления церковной жизни это событие оказалось весьма конструктивным: было назначено открытие Поместного собора (8 сентября); Патриарший местоблюститель Сергий добился положительного решения вопроса о подготовке кадров священнослужителей, поднял вопрос об издании ежемесячного церковного журнала, открытии новых приходов; конструктивным было обсуждение острой темы освобождения из ссылок, лагерей и тюрем архиереев и духовенства и о предоставлении возможности священнослужения, а также свободного передвижения по стране клирикам, отбывшим наказания в местах лишения свободы.

Отмечая особую духовную и психологическую роль высших иерархов Церкви и их влияние на немалую часть социума, следует акцентировать внимание на индивидуальных качествах выдающейся личности Патриарха Алексия (Симанского). Его патриаршество — это самая длительная и, пожалуй, са-

мая значительная эпоха во взаимоотношениях Церкви и государства, ознаменованная в главных событиях его творческим участием не только как лидера религиозного, но и как авторитетного государственника по складу характера.

Святейший Патриарх Алексей (Сергей Владимирович Симанский, 1877–1970) происходил из древнего дворянского рода потомков псковских воевод, свято хранивших традиции православного благочестия. Семья Симанских была непосредственно связана со святителем *Филаретом (Дроздовым)*, благословившим мать будущего Патриарха, Ольгу Александровну Пороховщикову, иконой, помещенной позднее владыкой Алексием в свою панагию. Глубоко почитавший митрополита Московского Филарета и посвятивший ему научные труды, Алексей Симанский часто говорил, что отечественную литературную и богословскую, церковную элиту сформировали два гения: А.С. Пушкин — в поэзии и светском языке, и Филарет Московский — в богословии [1, с. 345]. Это, безусловно, яркое свидетельство теснейшей связи духовной и светской культур.

В повествовании о традициях семьи Симанских следует отметить ее взаимоотношения с выдающимися подвижниками классического XIX столетия — преподобным Амвросием Оптинским и святым праведным Иоанном Кронштадтским. Таким образом, благодатная атмосфера семейного воспитания будущего Патриарха, его интеллектуальная одаренность, а также блестящее юридическое и богословское образование во многом определили развитие его личности и служения. Главными качествами индивидуальности вла-

дыки Алексея были его исключительная деликатность, благородство и подлинный аристократизм. Кроме того, он проявил себя как тонкий психолог и дипломат, что обусловило эффективность общественной и государственной деятельности Патриарха. Символическими фактами биографии владыки могут служить военно-патриотические аспекты его пастырского и социального служения: во время учебы на юридическом факультете военной тематики был посвящен его диплом, который он выполнял под руководством известного русского философа, князя С.Н. Трубецкого; во время Первой мировой войны он был архиепископом Новгородским; в период Великой Отечественной войны провёл в осажденном Ленинграде все девятьсот дней блокады.

Архипастырский подвиг митрополита Алексея, разделившего со своей пастырской тяготы блокадного периода, стал образцом высоты христианского духа, самообладания и непоколебимой веры. Во все дни блокады владыка совершал литургию, поддерживал прихожан, каждый вечер служил молебен святителю Николаю Чудотворцу: оставшись один в храме, где он жил, митрополит обходил Николо-Богоявленский собор с иконой святого и молитвами о сохранении храма и города от вражеского разрушения [9, с. 13–14]. За организацию благотворительной патриотической деятельности в храмах города в период блокады митрополит Алексей (Симанский) с группой духовенства был удостоен государственной награды — медали «За оборону Ленинграда».

После избрания Патриархом Московским и Всея Руси (1945) он впервые в отечественной истории отпра-

вился на Святую Землю в качестве паломника, выполняя не только религиозную, но и социально-политическую, гражданскую миссию, которая в значительной мере поддержала и укрепила авторитет Русской православной церкви и Советского Союза в международных и межконфессиональных отношениях [12, с. 187]. Отличаясь дипломатической сдержанностью и лояльностью к власти, Патриарх Алексий нередко занимал твердую принципиальную позицию в тех случаях, когда это было необходимо в интересах Церкви и верующих. Так, в 1960-е годы — период наиболее острой антирелигиозной кампании — он выступил против закрытия Киево-Печерской лавры, заявив о своем возможном уходе с поста в знак протеста, а на одной из представительных конференций советской общечерковности, посвященной проблеме разоружения, Патриарх прямо заявил о выдающейся роли Церкви, которая «с момента своего возникновения воспитывала в людях чувство ответственности и долга... создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и донныне являющиеся национальной гордостью нашего народа... Словом, это та самая Православная Церковь, которая на протяжении веков служила, прежде всего, нравственному становлению нашего народа, а в прошлом — и его государственному устройству...» [1, с. 278]. За свою многогранную духовно-просветительскую, миротворческую и социокультурную деятельность владыка неоднократно награждался орденом Трудового Красного Знамени (1946, 1952, 1962). Четверть века патриаршего служения Алексия Симанского в советский период увенчались достиже-

нием его главной цели — сохранения национальной духовной традиции как нравственной основы отечественной культуры, социальных отношений и государственности.

В завершающей части краткого обзора темы обратимся к личности Патриарха Московского и Всея Руси *Алексия II (Ридигера)*, служение которого отличалось особой спецификой, обусловленной, в частности, характером социально-политических преобразований в России перестроечного периода. Патриарх Алексий (Алексей Михайлович Ридигер, 1929–2008) родился в Таллине, в семье священника, и с юности определил свой жизненный путь как служение Церкви. Монашеский постриг (1961) он принял в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры в честь святителя Алексия, митрополита Московского. Человек глубокой сосредоточенности, сдержанности и цельности, владыка проявил незаурядный научно-исследовательский талант ученого-богослова и историка Церкви. За трехтомный труд «Очерки по истории Православия в Эстонии» он был удостоен высшей ученой степени — доктора богословия (1984).

После избрания митрополита Алексия на Московский Патриарший Престол (1990) его главной задачей стало восстановление церковно-государственных отношений в духе позитивного сотрудничества и равноправия. Благодаря усилиям Патриарха 30 мая 1991 г. Церковь обрела право юридического лица. Он четко определил позицию высокого авторитета Церкви в обществе, ее активного участия в жизни народа и независимости по отношению к правительственным структу-

Деятели Русской Православной Церкви, упоминаемые в статье

**Чигиринский Порфирий
(Успенский)**

**Святитель Иннокентий
(Херсонский)**

**Патриарх Московский
и Всея Руси Сергий
(Страгородский)**

**Митрополит Серафим
(Чичагов)**

**Игуменья Серафима
(Черная-Чичагова)**

**Профессор-хирург,
Святитель Лука
(Войно-Ясенецкий)**

**Патриарх Московский
и Всея Руси Алексий I
(Симанский)**

**Патриарх Московский
и Всея Руси Алексий II
(Ридигер)**

рам. В числе социокультурных инициатив Патриарха следует назвать, в частности, открытие им, совместно с ректором МГУ имени Ломоносова В.А. Садовничим, первого учредительного съезда Союза православной молодежи. Акцентируя внимание общественности и правительства на необходимости религиозного просвещения в контексте достижений мировой и отечественной культуры, Святейший Патриарх Алексий (Ридигер) выразил убеждение, что воспитание юношества на христианских ценностях, усвоение молодыми людьми принципов христианской нравственности позволит им «понимать великих поэтов и писателей, музыкантов и художников прошлого, сформировавшихся в христианской традиции, взрастившей их таланты» [2, с. 227].

Не осталось без внимания Патриарха и высшее богословское образование: в 1992 — начале 1993 г. были открыты Свято-Тихоновский богослов-

ский институт и Российский Православный университет — учебные заведения нового для современной России типа, целью которых являлась подготовка не столько священнослужителей, сколько высококвалифицированных специалистов гуманитарного профиля, включая психологов, с глубоким знанием богословских дисциплин. При Патриархе Алексии II произошло важнейшее событие в судьбе Русской православной церкви Новейшего времени — восстановление единства Русской церкви. В праздник Вознесения Господня 17 мая 2007 г. был подписан Акт о каноническом общении между Русской Православной Церковью Московского Патриархата и Русской Православной Церковью Заграницей. Восстановление церковной целостности является одним из важнейших условий единства и взаимодействия христиан России и Европы в деле сохранения и распространения принципов христианской этики. За

свою плодотворную духовную и социокультурную деятельность Святейший Патриарх Алексий был награжден правительством орденами Трудового Красного Знамени, Почета, двумя орденами Дружбы народов, орденами «За заслуги перед Отечеством, орденом Святого апостола Андрея Первозванного, орденом «Слава России», орденом Петра Первого Великого, золотым крестом «За служение обществу» и многими церковными и международными наградами.

Таким образом, из среды религиозных деятелей Русской православной церкви в XIX — начале XXI столетия выдвигались авторитетные ученые и общественные деятели, которые оказали заметное влияние на становление естественнонаучного и гуманитарного направлений отечественной и мировой науки и культуры, включая и многие аспекты психологических феноменов: духовно-нравственного, коммуникативного, межличностного, медико-психологического, социально-психологического, этнопсихологического. История Русской православной церкви, религиозной культуры и социального служения ее видных представителей значительно расширяют пространство

историко-психологических исследований, связанных с взаимодействием научного, духовного и индивидуально-личностного компонентов в развитии человека и общественных отношений.

Литература

1. Александрова Т.Л., Суздальцева Т.В. Русь уходящая. — СПб., 2007.
2. Алексий Второй, Патриарх Московский и Всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Том 3. Часть 1. Слова, речи, послания, обращения (2000 — 2004) — М.: Издательский Совет РПЦ, 2004.
3. Алексий, Патриарх. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи. — М., 1948, 1954, 1958. Т. 1—3.
4. Жития Святых. — М.: Ковчег, 2002.
5. Квитницкий-Рыжов Ю.М. Из истории популяризации медицинских знаний в России.
6. Л.М. Чичагов и его «Медицинские беседы» // Сов. здравоохранение. — 1984. — № 8.
7. Попухин А., священник. Предисловие к книге свт. Иннокентия Херсонского «Последние дни земной жизни Иисуса Христа». — М.: Лествица, 2007.
8. Лука Крымский (Войно-Ясенецкий), святитель. «Я полюбил страдание...»: автобиография. — М., 2003.
9. Медицинское наследие священикомученика Серафима (Чичагова). История и современность. — М., 2007.
10. Мысли русских патриархов от начала до наших дней. — М.: Ковчег, 2004.
11. Порфирий Успенский, епископ. Книга бытия моего. Т. 6. — СПб. 1900.
12. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М.: Республика, 1995.
13. Проповедь 10.08.1941. Патриарх Алексий (Симанский). Т.1. — М., 1948.

ОТНОШЕНИЕ К ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

В. Г. Стуканов

Аннотация: в статье изложены результаты эмпирического исследования представлений законопослушных граждан и осужденных о милиции и суде, а также отношения населения к выполнению гражданского долга по поддержанию правопорядка. С учетом выявленных дефектов правосознания, сформулированы психологические задачи и направления деятельности по формированию у населения адекватного отношения к правоохранительным органам.

Ключевые слова: правосознание, социально-правовое поведение, правопорядок, правоохранительные органы, милиция.

Summary: the article presents the results of an empirical study of representations of law-abiding citizens and convicted on the police and courts, as well as attitudes to fulfill their civic duty to maintain law and order. In view of the identified defects of justice, psychological formulated objectives and activities on the formation of the population of an adequate attitude to the law enforcement authorities.

Keywords: legal sense, social legal behavior, law and order, police.

Отношение населения к правоохранительным органам, в первую очередь к милиции и суду, является одним из основных элементов правосознания, детерминирующих социально-правовое поведение людей. При этом характер этих отношений определяет

уровень правовой активности граждан в поддержании правопорядка.

Осуществляя изучение отношения населения Республики Беларусь к органам правопорядка, мы поставили перед собой задачу не только конкретизировать характер данных отношений, но и выявить причины актуального отношения к ним, а также сформулировать психологические задачи и направления деятельности по формированию к милиции и суду адекватного отношения.

Основу выборки (N — 1206) составили законопослушные граждане, наиболее активные в юридически значимом поведении (мужчины в возрасте 18–50 лет), а также осужденные, отбывающие наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь. Методы исследования: опрос посредством авторской анкеты; дискуссионные фокус-группы; ассоциации; контент-анализ специализированных страниц, посвященных правоохранительной тематике, наиболее популярных у населения Республики Беларусь интернет-сайтов onliner.by и tut.by.

Отношение населения к правоохранительным органам и их деятельности выражается следующими базовыми оценочными представлениями (суждениями):

1) представления об уровне правопорядка в стране и, как следствие, наличие либо отсутствие у граждан *состояния безопасности* от преступных посягательств;

2) представления об *уровне раскрываемости преступлений* (социально-правовые ожидания населения; реализация принципа неотвратимости наказания);

3) оценка *морально-деловых качеств сотрудников правоохранительных органов*, в первую очередь милиции (добросовестность, отзывчивость, профессионализм, соблюдение законности, уровень коррумпированности и др.);

4) *степень доверия* к правоохранительным органам;

5) отношение к выполнению *гражданского долга* по поддержанию правопорядка.

Эмпирическим исследованием мы охватили все пять оценочных представлений.

Результаты и выводы исследования

1. *Отношение к органам правопорядка.*

Результаты исследования свидетельствуют, что отношение населения к правоохранительным органам и их деятельности в целом отрицательное, в

общественном правосознании в отношении органов правопорядка, в первую очередь милиции и суда, сформированы отрицательные стереотипы.

Так, 80,0% законопослушных граждан и 73,7% преступников считают, что «в милиции профессионалов меньшинство» либо «там работают неудачники». Оценивая личностные качества сотрудников милиции, респонденты, как правило, указывали на их враждебность, грубость, некомпетентность, нечестность.

У населения сложился устойчивый стереотип о том, что милиция постоянно нарушает законодательство: так считает 63,0% законопослушных опрошенных и 44,1% осужденных. Более позитивное восприятие суда (табл. 1).

У большинства опрошенных сформирован стереотип о *коррумпированности* представителей правоохранительных органов. Так, более трети правопослушных граждан считают, что все сотрудники милиции (36,8%) и судьи (30,4%) берут взятки. Нами были изучены представления об уровне коррумпированности других представителей органов власти, а также работников бюджетной сферы. Восприятие степени кор-

Таблица 1

Оценка соблюдения требований законодательства сотрудниками ОВД и судом

№ п/п	Респонденты	Соблюдение милицией законодательства, %					Соблюдение судом законодательства, %				
		неукоснительно	как правило	нарушения вполне присущи	нарушают часто	не знаю	неукоснительно	как правило	нарушения вполне присущи	нарушают часто	не знаю
1	Законопослушные граждане	1,6	20,7	45,4	17,6	10,7	19,3	25,9	37,7	8,5	8,1
2	Осужденные	9,7	27,3	26,9	17,2	13,4	14,5	30,3	17,7	18,3	15,1

румпированности чиновников, врачей, педагогов кардинально не отличается от восприятия степени коррумпированности милиции и судей. Это свидетельствует в целом об отсутствии должного авторитета и уважения к представителям власти.

В итоге большинство законопослушных граждан *не доверяют* милиции и лишь 25,6 % доверяют, еще меньше — 17,2 % респондентов — доверяют суду (табл. 2).

Отсутствие доверия к правоохранительным органам продуцирует у населения сомнения относительно способности власти стоять на страже интересов граждан. Это является причиной того, что только 6,9 % законопослушных граждан убеждены в том, что милиция всегда готова оказать им помощь.

Такое отношение к милиции подтвердили и результаты контент-анализа интернет-форумов («А нужно ли помогать милиции?» на onliner.by и «Как вы относитесь к белорусской милиции?» на tut.by). Так, 65,1 % постов содержат отрицательную оценку сотрудникам милиции и их деятельности, 19,3 % — противоречивую (отмечаются и положительные и отрицательные стороны в работе правоохранительных органов) и лишь

15,6 % форумчан положительно характеризуют сотрудников милиции, благодарят их за помощь и т. д.

Результаты исследования с помощью метода ассоциаций свидетельствуют, что положительные и отрицательные реакции на проективный раздражитель «милиция» у законопослушных граждан (N — 173) распределились практически равномерно (48,1 и 44,7 % соответственно), в свою очередь, у осужденных (N — 177) доминируют негативные реакции (65,9 %), которые в основном касаются нарушений законности и коррупции среди сотрудников ОВД и их личностных характеристик.

Отрицательное отношение к правоохранительным органам обуславливает негативную оценку криминогенной ситуации в стране. Так, в *условиях существенного улучшения в последние годы криминогенной обстановки* в Республике Беларусь (рис. 1) большая часть населения, *ощущая состояние безопасности* от преступных посягательств (79,6%; табл. 3), негативно оценивает уровень правопорядка: 60,6 % считают, что в обществе совершается много преступлений. При достаточно высоком по европейским меркам *проценте раскрываемости преступлений* в Республике Бе-

Таблица 2

Уровень доверия к милиции и суду

№ п/п	Респонденты	Уровень доверия к милиции, %			Уровень доверия к суду, %		
		доверяют	не в полной мере	не доверяют	доверяют	не в полной мере	не доверяют
1	Законопослушные граждане	25,6	48,8	21,9	17,2	64,5	14,3
2	Осужденные	7,6	44,3	40,4	12,9	46,4	31,9

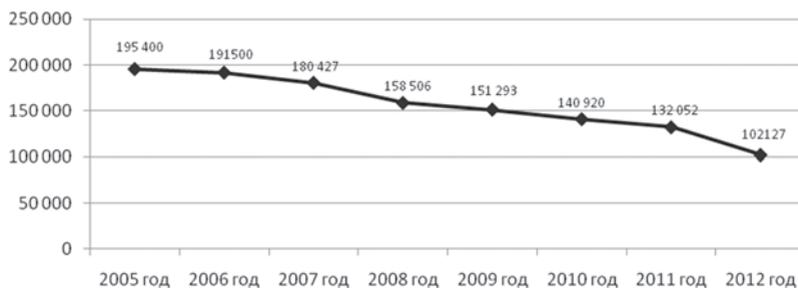

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений в Республике Беларусь в 2005–2012 гг.

ларусь в общественном правосознании сформирован негативный стереотип о том, что большинство преступников уходят от наказания, а государство в лице правоохранительных органов не справляется с преступностью. Так, лишь 20,0% законопослушных респондентов считают, что большинство преступников будут изобличены и наказаны. Именно этим можно объяснить, что респонденты в большинстве своем негативно оценивают уровень правопорядка в обществе, а также считают, что органы правопорядка ничего не делают для улучшения криминогенной ситуации в стране, слабо раскрывают преступления.

Одним из результатов того или иного отношения к органам правопорядка выступает отношение к выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка и оказанию помощи в охране имущества, поимке преступника, предупреждению преступления и т. д. В ходе опроса нами установлено, что только 28,6% респондентов готовы оказывать помощь милиции в поддержании правопорядка, не выдвигая при этом никаких условий, 21,7% — отказываются помогать сотрудникам ОВД. Это в целом соотносится с уровнем до-

верия населения к милиции. Определенная часть населения готова принять активное участие в поддержании правопорядка, но при условии, что «об этом никто не узнает» — 3,7%, «если не будет неприятностей» — 24,9%, «если мне это будет выгодно» — 13,5%.

Таким образом, отношение к правоохранительным органам прямо влияет на позицию населения оказывать помощь сотрудникам ОВД или нет. Положительное отношение к милиции является условием высокой гражданской активности в поддержании правопорядка. И наоборот, отрицательное отношение к правоохранительным органам выступает основной причиной отказа в оказании им помощи.

2. Причины отрицательного отношения к органам правопорядка.

В целях изучения причин отрицательного отношения населения к милиции мы использовали метод дискуссионных фокус-групп, а также контент-анализ специализированных страниц интернет-сайтов, посвященных правоохранительной тематике (onliner.by и tut.by). В ходе управляемого проблемного обсуждения этого вопроса в фокус-группах и с помощью контент-анализа указанных форумов причины (негативные стереотипы)

Таблица 3

Ощущение безопасности от преступных посягательств

№ п/п	Респонденты	«Вы находитесь в безопасности от преступных посягательств»			
		Обычно, да	Часто	Редко	Обычно, нет
1	Законопослушные граждане	63,2%	16,4%	13,5%	5,8%
2	Осужденные	56,5%	12,7%	14,7%	10,7%

отрицательного отношения к правоохранительным органам, в первую очередь милиции, были ранжированы следующим образом.

На первом месте находится укоренившийся в правовом сознании людей стереотип о *беззаконии в деятельности правоохранительных органов* и нарушении прав граждан: избивание граждан, пытки, незаконные задержания, преследования, незаконные судебные решения, оскорбления, подделка доказательств, покровительство друг друга и т. д.

На втором месте, по мнению респондентов, — *отсутствие со стороны представителей органов правопорядка реальной помощи* в случае совершения преступления, волокита, бюрократизм, некомпетентность, обвинительный уклон в работе с гражданами. В эту же группу причин можно отнести отсутствие культуры поведения, грубость, а также неряшливый внешний вид сотрудника милиции.

Третьей причиной отрицательного отношения к органам правопорядка является негативный стереотип о широкой распространенности *коррупции среди сотрудников*, особенно среди руководителей ОВД. В подтверждение участниками фокус-групп приводились резонансные уголовные дела последних лет с обвиняемыми из числа высокопоставлен-

ных чиновников МВД, примеры увольнения сотрудников милиции из органов внутренних дел по отрицательным мотивам, в том числе двух заместителей министра внутренних дел.

Четвертой причиной участниками фокус-групп было названо *выполнение органами правопорядка несвойственных для них функций*, а именно выполнение политических задач по участию в разгоне демонстраций, незаконное преследование неугодных для власти лиц, оппозиционных политических деятелей, политическая слежка, вынесение судебных решений в угоду власти и т. д.

Пятая причина отрицательного отношения к правоохранительным органам — *наличие у сотрудников силового блока необоснованных социальных льгот и высоких зарплат* («квартиры получают бесплатно либо под бесплатные кредиты», «у участкового зарплата более тысячи долларов» и т. д.).

Шестая причина — представления населения о том, что в Беларуси *высокая численность милиции*, на которую из бюджета расходуется много средств.

И лишь на последнем, седьмом месте отрицательного отношения к милиции, находится *неэффективная борьба с преступностью*.

3. Средства информационного воздействия на правовое сознание граждан.

Таблица 4

**Психолого-педагогические задачи информационного потока
и направления деятельности по формированию позитивного имиджа
правоохранительных органов**

№ п/п	Психолого-педагогические задачи	Направления деятельности (через СМИ, конференции, круглые столы и т. д.)
1	Укрепление в правовом сознании положительных представлений и ценностной значимости правоохранительной системы, в первую очередь милиции и суда	<ul style="list-style-type: none"> – разъяснение, какие задачи и функции в разъяснение значимости и необходимости правоохранительных органов для стабильного функционирования общества и благополучия каждого гражданина; – разрушение в общественном мнении стереотипа об ОВД как структуры, обеспечивающей безопасность только политической и государственной элиты общества; – разрушение стереотипа о правоохранительных органах как о структуре, в которой мало профессионалов, сотрудники которых постоянно нарушают законодательство и коррумпированы; – соответствии с законом выполняют ОВД, в том числе по обеспечению общественного порядка при проведении массовых мероприятий политического характера; – позиционирование милиции как не карательного органа, а защищающего, оказывающего помощь, действий суда – как восстанавливающей справедливость и т. д.
2	Формирование в правовом сознании ценностной значимости сотрудника правоохранительного, позитивного, эмоционально привлекательного образа сотрудника ОВД	<ul style="list-style-type: none"> – формирование образа сотрудника ОВД как компетентного, порядочного, благородного, строго следующего букве закона; – культивирование эмоционально привлекательного образа сотрудника ОВД, который всегда придет на помощь, защитит (дядя Степа из произведения С. Михалкова «Дядя Степа – милиционер», 1954 г.); – постоянное освещение фактов оказания сотрудниками ОВД помощи населению, не связанной с исполнением профессиональных обязанностей (спасение утопающего, при пожаре, оказание своевременной первой медицинской помощи и т. д.); – подготовка репортажей о тяжелых повседневных буднях сотрудников ОВД; – информирование о системе жесткого профессионального отбора в целях внушения мысли о том, что в органах правопорядка служат лучшие из лучших и т. д.
3	Разрушение убеждений о широкой распространенности в обществе противоправных деяний	<ul style="list-style-type: none"> – своевременное информирование населения о раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, особенно вызвавших общественный резонанс, либо если объектом преступного посягательства были дети, старики, беременные женщины, инвалиды; – информирование населения об ухудшающейся криминогенной обстановке в других странах, отсутствия безопасности от преступных посягательств в вечернее время; – позиционирование милиции в качестве главного защитника от растущей преступности и т. д.
4	Формирование общественного мнения (представлений, убеждений) о постоянно усиливающейся борьбе с преступностью	<ul style="list-style-type: none"> – постоянное информирование общественности о благоприятных тенденциях в борьбе с преступностью; – систематическое опубликование данных, свидетельствующих об улучшении криминогенной обстановки в регионе, стране; – укрепление уверенности населения в том, что милиция действует эффективно, добивается максимума с точки зрения вложенных в нее бюджетных затрат и имеющихся у нее сил и средств и пр.

5	Формирование представлений о реальной реализации в стране принципа неотвратимости наказания, эффективно осуществляемой государством борьбы с преступностью	<ul style="list-style-type: none"> – широкое освещение фактов привлечения к уголовной ответственности преступников, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, особенно вызвавших общественный резонанс; – информирование о поимке и наказании преступников, совершающих наиболее распространенные преступления (квартирные, карманные кражи, угон автотранспортных средств и др.), а также коррупционные преступления; – в каждом материале (репортаже) подчеркивать тезис о неотвратимости наказания и т. д.
6	Закрепление представлений (убеждений, ощущений) о состоянии безопасности от преступных посягательств, которые испытывают граждане	<ul style="list-style-type: none"> – в информационных материалах формировать уверенность населения в возможности всегда и при любых обстоятельствах получить помощь со стороны сотрудников ОВД; – широко информировать граждан об улучшении криминальной ситуации; – информировать о мерах, направленных на повышение эффективности работы с обращениями граждан, свое-временного выывания на место преступлений и т. д.
7	Формирование положительного отношения к участию в поддержке правопорядка, пресечению преступных посягательств, оказания помощи работникам правоохранительных органов в изобличении виновных	<ul style="list-style-type: none"> – разъяснение важности и необходимости партнерских отношений милиции и населения в профилактике правонарушений; – регулярное освещение фактов оказания помощи гражданам сотрудникам милиции в раскрытии преступлений, задержании преступника, защиты жизни и здоровья потерпевшего от преступного посягательства и т. д.; – в каждом подобном материале необходимо подчеркивать, что в конечном итоге оказана помощь конкретным людям, а не только милиции

Основными средствами информационного воздействия на правовое сознание граждан и формирование соответствующего отношения к правоохранительным органам и их деятельности являются (в порядке убывания): телевидение, сеть Интернет, личные наблюдения и опыт, печатные газеты, радио, а также общение в семейном кругу и с товарищами. Практически аналогичные информационные источники доминируют у осужденных, за исключением сети Интернет (в силу отсутствия возможности им пользоваться в условиях отбывания наказания).

4. Психологические задачи и направления деятельности по формированию адекватного отношения к правоохранительным органам.

Мы отмечали, что отношение к правоохранительным органам — один из основных элементов правосознания, детерминирующих социально-правовое поведение людей. В связи с этим одной из задач государства является формирование адекватного отношения к милиции, суду, прокуратуре, следственному комитету, органам государственной безопасности в целях повышения доверия ко всей правоохранительной системе, что, в свою очередь, станет основой увеличения базовой поддержки всей политической системы. На основании этого важнейшим направлением данной деятельности выступает налаживание должного взаимодействия, в первую очередь милиции и населения, а также организация систематического квали-

фицированного информационного потока на общественное правовое сознание.

Во-первых, необходимо формирование *системы конструктивного взаимодействия населения и милиции*, которое, как свидетельствует опыт развитых стран Европы и Америки, существенно повышает эффективность борьбы с преступностью, а также авторитет органов правопорядка. Данные отношения в системе «население-милиция» необходимо организовывать на партнерской основе, что повысит степень удовлетворенности работой милиции, улучшит доверие ко всей правоохранительной системе, будет стимулировать население оказывать ей всемерное содействие.

Во-вторых, улучшению имиджа, в первую очередь милиции, будет способствовать *установление конструктивных отношений с неправительственными общественными организациями* (НПО) в целях организации информационно-психологического воздействия на общественное мнение посредством проведения различного рода семинаров, конференций, круглых столов на правоохранительную тематику, издания специальной литературы и т. д. В последующем надо привлекать НПО для организации общественного контроля за деятельностью милиции.

В-третьих, формирование позитивного имиджа правоохранительного ведомства невозможно без *установления нормальных (конструктивных) отношений со средствами массовой информации*, в том числе негосударственными, и организации постоянного взаимодействия с ними. Отсутствие необходимых отношений со СМИ приводит к формированию негативного имиджа милиции, суда и т. д. И наоборот, позитивные отно-

шения, в первую очередь с наиболее популярными государственными и негосударственными средствами массовой информации, могут оказать серьезную помощь в повышении степени удовлетворенности граждан деятельностью правоохранительных органов и доверия к ним.

В-четвертых, используя местные и республиканские СМИ (государственные и негосударственные) и сеть Интернет, необходимо организовать непрерывно действующий информационный поток на правовое сознание граждан. Сформулируем *основные психолого-педагогические задачи информационного потока* по формированию позитивного, конструктивного отношения к правоохранительным органам, коррекции восприятия и оценки состояния правопорядка в обществе (табл. 4).

И в-пятых, в рамках информационного потока на общественное правовое сознание должна быть *налажена система контрпропаганды* — опровержения негативной информации о правоохранительных органах и их сотрудниках. Контрпропаганда должна: быть своевременной; носить упреждающий характер, препятствовать распространению слухов; быть аргументированной; отличаться спокойствием и уверенностью; распространяться по всем основным каналам СМИ; доводиться авторитетными в глазах населения источниками. При ее организации желательно привлекать независимых журналистов с возможностью посещения тех объектов, деятельность которых подвержена необоснованной критике.

Таким образом, в целях улучшения имиджа правоохранительных органов необходим комплекс мер организационно-правового и практиче-

ского характера, который должен сопровождаться налаживанием партнерского взаимодействия населения и милиции, конструктивных отношений со СМИ и неправительственными общественными объединениями, формированием обще-

ственного контроля за деятельностью органов правопорядка, а также организацией систематического квалифицированного информационного потока на общественное правовое сознание.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor.

Deputy editor:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor.

Deputy editor:

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor.

Executive secretary:

Ye. A. Schelkushkina, executive secretary of the journal
«Applied legal psychology».

Associate editors:

S. K. Bondyрева, academician of Russian Academy of education,
doctor of psychological sciences, professor.

A. Ya. Grishko, doctor of legal sciences, professor.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Molostvov, PhD in psychology.

N. N. Nechaev, academician of Russian Academy of education,
doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor.

V. M. Pozdniakov, doctor of psychological sciences, professor.

N. A. Polyinin, PhD in psychology.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological
sciences, professor.

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor.

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕКСАНДРОВА

Наталья Павловна — доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Московского научно-практического центра медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины (ANatalyP@yandex.ru.).

БОГДАНОВ

Евгений Николаевич — доктор психологических наук, профессор, проректор по учебно-методической и научной работе НОУ ВПО «Высшая школа психологии» (институт) (bogdanov48@mail.ru).

ДОЗОРЦЕВА

Елена Георгиевна — доктор психологических наук, профессор, руководитель Лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии МГППУ (edozortseva@mail.ru).

ЕНИКОЛОПОВ

Сергей Николаевич — кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой криминальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН (enikolopov@mail.ru).

ЖУРАВЛЕВ

Анатолий Лактионович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО и член-корреспондент РАН, директор Института психологии РАН (vshp@psychol.ras.ru).

КАРПОВ

Анатолий Викторович — доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (beerserk028@mail.ru).

КУЗНЕЦОВА

Юлия Михайловна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института системного анализа РАН (kuzjum@yandex.ru).

МАЛЫШЕВ

Владислав Александрович — начальник психологической лаборатории ФКУ ИК-8 УФСИН России по Ярославской области (beerserk028@mail.ru).

МИНГАЗОВА

Дарья Васильевна — аспирант кафедры общей и социальной психологии Башкирского Государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (mammachita@gmail.com).

МИХАЙЛОВ

Алексей Николаевич — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры организации психологической службы в УИС ВИПЭ ФСИН России (allexmih@gmail.com).

ОБЕРНИХИНА

Олеся Валерьевна — преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии ФКОУ ВПО «Кузбасский институт ФСИН России» (Olesia.Obernihina@yandex.ru).

ОШЕВСКИЙ

Дмитрий Станиславович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, доцент факультета

юридической психологии МГППУ (dso@rambler.ru).

ПАСТУШЕНЯ

Александр Николаевич — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь (ANP-1308@yandex.ru.).

ПАШУКОВА

Татьяна Ивановна — доктор психологических наук, академик АИМ, профессор кафедры психологии и педагогической антропологии ФГБОУ ВПО Московского государственного лингвистического университета (tpashukova@yahoo.com, obshen@mail.ru).

РЕЕНТ

Ярослав Юрьевич — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (ultranox@mail.ru).

РОМАШОВ

Роман Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, начальник федерального казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (romashov tgp@mail.ru.).

СОБОЛЕВ

Николай Гургенович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России.

СОКОЛОВ

Илья Сергеевич — аспирант кафедры педагогики КГУ им. К.Э. Циолковского (ilyauds@mail.ru).

СОСНИН

Вячеслав Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН (sosninus@rambler.ru).

СТУКАНОВ

Виталий Григорьевич — кандидат психологических наук, доцент, докторант учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (stukanoff@tut.by).

СУЧКОВА

Елизавета Львовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры организации психологической службы в УИС Вологодского института права и экономики ФСИН России (elizavetasuchkova@yandex.ru).

УХЛИНОВА

Наталья Сергеевна — референт-переводчик в Европейском медицинском центре (uhlinova.natasha@ya.ru, uhlinova.natasha@yandex.ru, charmed3001@yandex.ru.).

ЧУДОВА

Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института системного анализа РАН (nchudova@gmail.com).

ШАФАЖИНСКАЯ

Наталья Евгеньевна — доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедр «Прикладная психология», «Педагогика и психология» Института социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского, педагог-психолог высшей категории.

OUR AUTHORS

ALEXANDROVA

Natalia Pavlovna — Sc.D., professor, senior researcher at the Moscow Research Center of Medical Rehabilitation, rehabilitation and sports medicine (ANatalyP@yandex.ru.).

BOGDANOV

Evgeniy Nikolaevich — doctor of Psychology, professor, honoured Scientist of the Russian Federation. Vice-rector for academic-methodological and scientific work of the Graduate School of Psychology, RAS (bogdanov48@mail).

DOZORTSEVA

Elena Georgievna — Doctor of Psychology, professor, head of the Laboratory of Psychology of childhood and adolescence FGBU «GNTSSSP them. V.P. Serbsky» Russian Ministry of Health, Head. Department of Legal Psychology and Law Faculty of Law Psychology MGPPU (edozortseva@mail.ru).

ENIKOLOPOV

Sergey Nikolaevich — Ph.D., professor, head of criminal psychology Moscow City Psychological-Pedagogical University, head of the Department of Medical Psychology Mental Health Research Center RAMS (enikolopov@mail.ru).

ZHURAVLEV

Anatoly Laktionovich — doctor of Psychology, professor, corresponding member of the RAW and corresponding member of the Russian Academy of Sciences, director of the Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (vshp@psychol.ras.ru).

KARPOV

Anatoly Viktorovich — the doctor of psychological sciences, the professor, the dean of faculty of psychology of the Yaroslavl state university of P.G. Demidov (beerserkO28@mail.ru).

KUZNETSOVA

Ylia Michailovna — Ph.D., Senior Researcher, Institute for Systems Analysis (kuzjum@yandex.ru).

MALYSHEV

Vladislav Aleksandrovich — the chief of psychological laboratory FKU IK 8 UFSIN Russia across Yaroslavl region (beerserkO28@mail.ru).

MINGAZOVA

Darya Vasilyevna — post-graduate student of the laboratory of general and social psychology The Bashkortostan State Pedagogical University of M. Akmulla (mammachita@gmail.com).

MIKHAILOV

Alexei Nikolaevich — Ph.D., a senior lecturer in the organization of psychological services in prisons VIPE FPS Russia (allexmih@gmail.com).

OBERNIKHINA

Olesya Valerievna — lecturer in penal law and criminology FKOU VPO Kuzbass Institute FPS Russia (Olesia.Obernihina@yandex.ru).

OSHEVSKY

Dmitry Stanislavovich — Ph.D., Senior Research Associate in the Laboratory of Psychology of childhood and adolescence FGBU «GNTSSSP them. V.P. Serbsky» Russian Ministry of Health, Associate Professor, Faculty of Law Psychology MGPPU (dso@rambler.ru).

PASTUSHENIA

Aleksandr Nikolaevich — doctor of psychological sciences, professor, head of the Psychology and Pedagogy Chair of the Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus.

PASHUKOVA

Tatyana Ivanovna — doctor of Psychology, Academy of AIM, professor of educational psychology and anthropology VPO Moscow State Linguistic University (tpashukova@yahoo.com, obshen@mail.ru).

REENT

Yaroslav Yurievich — adjunct faculty training of the teaching staff ACADEMY FPS Russia (ultranox@mail.ru).

ROMASHOV

Roman Anatolyevich — doctor of Law, Professor, honored Scientist of Russian Federation. Director of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (romashov_tgp@mail.ru.).

SOBOLEV

Nicholay Gurgenovich — Ph.D., senior lecturer in legal psychology and pedagogy VIPE FPS Russia.

SOKOLOV

Ilia Sergeevich — the post-graduate student of chair of pedagogics in Tsiolkovsky Kaluga State University.

SOSNIN

Vyacheslav Aleksandrovich — Ph.D., senior researcher at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (sosninus@rambler.ru).

STUKANOV

Vitaly Grigorievich — Ph.D., Associate Professor, doctoral education institution «Academy of the Ministry of Internal

Affairs of the Republic of Belarus» (stukanoff@tut.by).

SUCHKOVA

Elizabeth Lvovna — candidate of Psychological Sciences Associate Professor Department of legal psychological and pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of Russia (elizaveta-suchkova@yandex.ru).

UKHLINOVA

Natalya Sergeevna — interpreter at the European Medical Center (uhlinova.natasha@ya.ru, uhlinova.natasha@yandex.ru, charmed3001@yandex.ru.).

CHUDOVA

Natalya Vladimirovna — Ph.D., senior fellow at Institute for Systems Analysis (nchudova@gmail.com).

SHAFAZHINSKAYA

Natalia Evgenievna — doctor of Cultural Studies, Ph.D., associate professor, professor of «Applied Psychology», «Pedagogy and Psychology» of the Institute of Social and Humanitarian Technologies of Moscow State University of Technology and management. K.G. Razumovsky. Educational psychologist of the highest category.

The methodology and theory of legal psychology

- The phenomenon of corruption in Russia as a socio-political and psychological problem.
Zhuravlev A. L., Sosnin V. A. 8
- The image structure of Russia in the french print media.
Pashukova T. I., Uhlinoва N. S. 24
- Anticriminal stability of personality: structural substantial aspects.
Pastushenya A. N. 31
- External and internal conditions of formation of a group convicted of justice.
Suchkova E. L. 40

Proceedings of the 7th Scientific-practical seminar «Law Applied Psychology»

- The development of an open, latent aggression and crimes committed by juveniles.
Dozortseva E. G., Oshevsky D. S. 48
- The study attribution of aggression facial expressions using computer techniques SEM. **Yenikolopov S. N., Kuznetsova Y. M., Chudova N. V.** 55
- The problem of interaction between the police and the mass of group formations: the role of attitudes of representatives of police agencies in understanding the processes of mass and mass occurrence of conflict. **Sosnin V. A.** 64
- Factors contributing to the transformation of the inner marginal behavior of aggression subject to external aggression crimes. **Romashov R. A.** 71

Applied and experimental research

- Results of experimental studies of individuals ingredients counterculture in organizations. **Malyshev V. A., Karpov A. V.** 75
- Destructive communication of teenagers: features and possibilities of correction.
Mingazova D. V. 85
- Dysfunctional family — criminogenic factor of juvenile delinquency.
Sokolov I. S. 94

Psychopractices

- Features autobiographical memory HIV-infected convicts held in the tight institution.
Sobolev N. G., Mikhailov A. N. 101

To help the manager

- Some problems of the submission of applications for persons serving sentence on the approximation of the verdict, according to the provisions of the new law.
Obernikhina O. V. 108
- U.S. experiense in the field of public control over the police activity. **Reent Y. U.** 113

To help the researcher-practitioner

- Interhemispheric interactions influence on the formation of spatial representations and emotional sphere teenagers. **Alexandrova N. P., Bogdanov E. N.** 118

Legal psychology and religion

Humanitarian and natural-science activity of representatives of Russian orthodox church in XIX — the XXI century beginning (the historian-psychological aspect).

Shafazhinskaya N. E.

125

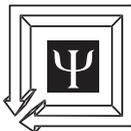
Dura lex sed lex

Attitude to law enforcement agencies and their activities (The Republic of Belarus).

Stukanov V. G.

138

Министерство образования и науки Российской Федерации
**Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский психолого-социальный институт»
(НОУ ВПО «МПСИ»)**

Лицензия на право образовательной деятельности
Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
Серия А №268558 от 07.06.2007. Регистрационный №8919
Свидетельство о государственной аккредитации Серия АА
№000705 от 07.06.2007. Регистрационный №0683

Год основания МПСИ— 1995.

Обучение в Московском психолого-социальном институте даст Вам **классическое высшее образование** по специальностям:

- Государственное и муниципальное управление
- Дошкольная педагогика и психология
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Прикладная информатика в экономике
- Психология
- Социальная работа
- Социально-культурный сервис и туризм
- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур
- Управление персоналом
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

Формы обучения— очная, очно-заочная (вечерняя), заочная (в том числе группы выходного дня).

Результаты ЕГЭ засчитываются на все формы обучения.

Второе высшее образование.

Сокращенные сроки обучения имеющим среднее профессиональное образование соответствующего профиля.

Обучение в институте платное.

Студентам очного отделения на время обучения предоставляется отсрочка от службы в Вооруженных силах РФ.

Иногородние студенты заочной формы обучения на время сдачи экзаменов обеспечиваются общежитием.

По окончании обучения выдается Государственный диплом.

На базе 11 классов работают подготовительные курсы.

Аспирантура: обучение по специальностям: «Педагогика», «Психология», «Экономика и управление», «Юриспруденция».

Обучение в аспирантуре— платное.

При МПСИ работает **диссертационный совет К 521.027.01** по защите кандидатских диссертаций по специальностям 19.00.01— Педагогическая психология; 13.00.01— Общая педагогика, История педагогики и образования.

Адрес института: 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, дом 9а

Проезд: метро «Шаболовская», далее трамв. 26 до ост. «3-я Рощинская улица»

Приемная комиссия: тел. (495) 232-10-70; 958-19-00

Подготовительные курсы: тел. (495) 958-19-00

Управление по работе с филиалами: тел. (495) 954-31-62

Аспирантура: (495) 958-19-00 доб. 129

http: www.mpsinst.ru, E-mail: mpsi@col.ru

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья — 8–12 страниц, обзор, рецензия, информация — не более 5 страниц, иные материалы — по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. Статья должна содержать аннотацию (2–3 предложения); ключевые слова, а также перевод названия статьи, Ф.И.О. автора (полностью), сведения об авторе на английском языке.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т.е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий) — место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы и страница [10, С. 125].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1
Редакция журнала «**Прикладная юридическая психология**»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов

только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — В. С. Маланьин

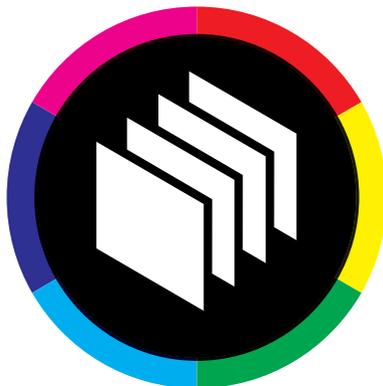
Верстка — В. М. Орехов

Фотограф журнала — Пётр Морозов

Подписано в печать 04.07.2013. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 9,75

Тираж 1500 экз. Заказ № 769

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

(4912) 21-44-21, 38-27-43, 21-35-14. Россия, 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

- > печать 5+0 или 4+1
- > лакирувальная секция
- > комбинированная сушка

новые технические возможности
обеспечат нашим заказчикам
дополнительные выгоды